10!

ЧТО ТАМ, ЗА ДВЕРЬЮ?

Павел АМНУЭЛЬ

Олег ДИВОВ

Алан КУБАТИЕВ

Евгений ЛУКИН

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

Юлия ОСТАПЕНКО

Александр ТЮРИН

И ДРУГИЕ...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Транснациональные корпорации используют новые технологии для того, чтобы разорвать и поглотить Россию вместе со всеми ее ресурсами по давно известному колониальному сценарию. Но капитаны бизнеса не учли только одного: технологии достигли такого уровня, что перестали нуждаться в хозяевах. Эта повесть, опубликованная в антологии "Фантастика 2006. Что там, за дверью", не полностью тождественна первой части дилогии "Отечественная война 2012 года. Человек технозойской эры", которая была опубликована в 2007.

- Александр Тюрин
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Александр Тюрин
Отечественная война 2012 года, или Цветы техножизни

Глава 1
До войны

1

Пожалуй, запахи Грамматикову сейчас мешали даже больше, чем шумы.

Пережаренный картофель, табачный дым, перегар. Мама не верит, что он чувствует перегар, который источает сосед Стасик, лежащий за стеной на диване, продавленном многими поколениями алкашей. Источает всеми своими порами, вместе с запахом мочи от штанов, ни разу не стираных за последние сто лет. Из его глаз и ушей выходят сивушные испарения раскисшего мозга, где нейроны плавают в сомнительном самогоне. Самогон гонят из саморазрушающегося пластика бородатые дяди с хищными глазами, а продают добрые бабушки, которые даже не знают такое слово: «краун-эфиры».

И шум тоже мешает. Стасик, конечно же, забыл выключить телевизор, приклеенный у него прямо к стене.

Музыка из трех нот как ложка перемешивает мысли в его голове. Но особенно задолбали новости. Музыка, новости, музыка, новости. В перерывах между музыкой, в выпусках новостей приближается война. Война похожа на зверя, у которого вместо шерсти факелы ракетных запусков, вместо дыхания лучи радаров, а вместо инстинктов страницы из уставов и штабных директив.

Уже сейчас известно, что война продлится недолго, что нас больно побьют и, что она получит имя «Сибирская война». Если точнее, Cyberian War, типа сибирско-кибернетическая.

Надо успеть до её начала, до рёва сирен, до запаха портянок! Лишь бы она не прыгнула ему на загривок сегодня или завтра. Хоть бы отхватить у нее неделю, а еще лучше десять дней…

Со вчерашнего дня Би-би-си ухитрилось забить со спутниковых станций передачи нашего телевидения. Би-би-сишный диктор говорит с хорошо синтезированным простонародным сибирским акцентом, окает, чёкает. Говорит, что российское правительство попрало демократические свободы, отобрав контрольный пакет акций компании «Таймыр Ойл» у коренных народов Сибири и таких-то законных владельцев. Говорит, что Россия в нарушение рижского соглашения не выводит свои войска из Западной Сибири. Говорит, Россия до сих

пор не выдала международному трибуналу военных преступников, устроивших расправу над мирным оленеводческим населением тундры…

Андрей Грамматиков завидовал соседу по коммуналке. Стасика заботит только сдача стеклотары, да и то не очень. Если надо, то добрые бабушки и так нальют. Стасик смотрит на мир, как будто это – мутное бутылочное стекло, за которым есть что-то еще. Зеленая многоградусная Бездна…

Стеклотара. Хотя мама перед отъездом на дачу оставила Грамматикову всю свою офицерскую пенсию, деньги почти все уже ушли. Работа движется куда медленнее. Стеклотара. Можно было бы и сдать, но где ее нынче найдешь в краю саморазрушающихся пластиковых упаковок? Только истинно первобытные собиратели вроде Стасика могли еще накопать пять-шесть бутылок за день…

Попробовать положить грелку на шею, разогреть увядшие кровеносные сосуды, но идти на кухню за горячей водой – опасно. Марина Аслановна на тропе войны, вон как грохочет кастрюлями.

На лице у творца, не отличавшемся ни красотой, ни мужественностью, были ссадины и даже синяк.

Марина Аслановна вчера ударила. Только не сверхлегкой полиуглеродной сковородкой, а допотопной чугунной. От нее пахло адреналином и тестостероном, а под носом, в горячих ветрах звериного дыхания развевались хорошо заметные усики…

Мономолекулярные экраны, плавающие как линзы в глазах Грамматикова, помещали виртуальное окошко для сетевых сообщений слева от него.

Поэтому, как бы прямо в воздухе, висел очередной отказ от издателя. Невежливый. Всего из пяти сизых одутловатых слов. «Дорогой Андрюша, не мешай работать». Отказ тыкался в лицо Грамматикову, как дуля. Его научно-художественно-философская книга называлась бы «Кому мешает техножизнь?»

Теперь остается спустить и текст, и картинки в канализацию всемирной сети, где от них будут с ленцой отщипывать профессиональные гиены-плагиаторы. С ленцой, потому что на этом ничего не заработаешь, другое дело, если бы книга была посвящена порносадистскому людоедству и называлось бы «Тело как блюдо любви».

Справа томился абсолютно реальный покосившийся шкаф, напоминающий геологический разрез: снизу энциклопедии, утрамбованные до гранитной плотности, выше – отложения всякой журнальной ветоши. Найти смысл этому шкафу сегодня было трудно – чип, встроенный в зубной протез, содержал информации на порядок больше. Впрочем, к стенкам шкафа были

прицеплены пожелтевшие фотографии предков, наклеенные на истрепанный картон. Прабабушке баронессе фон Урман подарил томик своих стихов сам Николай Гумилев. Наверное, предварительно лишив ее невинности в кабриолете. В этом непутевом роду иначе и не могло быть.

Андрей Грамматиков посмотрел в другое виртуальное окно, и зевнул.

Там мельтешило что-то напоминающее гроздья шаров. Это были атомы и молекулы. Руки Андрея, обтянутые цифровыми перчатками, манипулировали структурой вещества в виртуальном окне. Руки чувствовали неприличное притяжение, когда атомы и молекулы стремились по-быстрому вступить в связь, и отталкивание, когда они явно не переваривали друг друга. Атомы попискивали, молекулы похрюкивали.

И это не было игрой в виртуальном пространстве.

На реальном столе стояла реальная тарелка. В ней – что-то похожее на мамочкин бульон, даже с желтыми кругляшками жира.

Похожее, но еще лучше. Лучше мамочкиного бульона для Андрея Грамматикова могли быть только техноклетки в коллоидном растворе, кое-где с агрегацией в виде геля. Техноклеточки любимые и драгоценные. Ядра-процессоры на квантовых точках. Клеточные мембраны, способные когерентно передавать сигналы в миллиметровом диапазоне. И все такое прочее.

От громоздкого, размером с мыльницу, компьютера тянулось к тарелке несколько оптических проводов, каждый из которых заканчивался «ложечкой» фуллеренового чипа. Ложечки были прихвачены к краям тарелки пластырем. Справа от тарелки – трипод наноманипулятора, похожий на задумавшегося инопланетянина. Самая дорогая вещь в его доме, за которую пришлось не без трепета отдать подлинную картину художника Ге…

Чувствительность была сильной стороной Андрея Грамматикова. С помощью своей чувствительности он мог сделать больше, чем трое выпускников самых престижных университетов с предельно сильным абстрактным математическим мышлением.

Но в то же время чувствительность ему и мешала.

Вражеские звуки и запахи пробивали стену все мощнее. Марина Аслановна бьет копытом. Стасик перешел в фазу трупного разложения. Его труп, похожий на рвоту, стекает с кровати. Какая-то птичка кричит за окном, словно ее насилуют. А может ее и в самом деле насилуют? Сегодня насилуют всех, кто

ослабел или просто зазевался. Конец зимы. Почерневшие остатки снега напоминают зубы Стасика. Тьфу, опять Стасик.

Рободиктор из Би-би-си с неизменным «оканьем» вещает о военных преступлениях русских спецназовцев на Таймыре… На одном оленеводческом стойбище правозащитники из организации «Дудаев Мемориал» нашли пять трупов мирных жителей, на другом – семь. Все оленеводы были уничтожены с применением оружия массового поражения – отравляющих веществ, что является прямым нарушением Женевской конвенции. Представители долгано-ненецкого национального конгресса заявляют о геноциде, котором подвергла Москва некогда многочисленные народы древней таймырской цивилизации в течении последних четырехсот лет…

Сегодня у Андрея Грамматикова полный пролет. И завтра техноклетки в этой тарелке распадутся и у него не будет бабла, чтобы купить нанокристаллы у Вовки, что пасется около ДК имени Крупской темными дождливыми вечерами. Увы, техноклетки вырастают только из вовкиных программируемых кристаллов.

Из какой же лаборатории Вова тащит капсулы с нанокристаллами, чтобы толкать по цене бутылки водки?

Да, собственно, не один ли… Завтра в моем пыльном кармане не найдется и на полкило синтетической колбасы со скромной этикеткой «Колпинская механохимическая фабрика по переработке канализационных стоков.»

До слез стало жалко и своей головы с застывшим комом мыслей, и прабабушки баронессы, которую принесли в жертву мартеновским печам и домнам, и всех предков, чьи тонкие косточки были перемолоты танками, тракторами, станками и прочей грубой машинерией. Наверное, тогда нельзя было иначе. Надо было за десять лет нахрапом и рывком сделать то, что хитрые и расчетливые западные народы делают за сто лет. Иначе бы они нас утилизовали как дагомейских негров или стерли бы с географической карты как тасманийских аборигенов.

Андрей Грамматиков еще раз посмотрел на обиженное лицо прабабушки, и его рука в цифровой перчатке коснулась дрожащих атомных шариков…

После очередного штурма, на этом пространстве, растекшемся между Балтикой и Монголией, всегда наступает спячка…

Истощенные мозги уже не слушались стимботов. Так всегда бывает как переборщишь с этими крохотными активистами, дрючащими его синапсы.

Тяжело опустились веки, как бронированные жалюзи в

пригородном магазине. Глаза словно погружались в гудящую тьму. Но когда Андрей с великим трудом открыл их… то в тарелке уже был не просто коллоидный раствор техноклеток! А совместно функционирующий конгломерат, настоящая колония техноклеток, организованно откликающаяся на вызовы пользовательского интерфейса.

В одно мгновение, с величайшей готовностью, сознание Андрея очистилось от сна – и он увидел города будущего. Живые дома, похожие на гигантские анемоны, кораллы, радиолярии. Живые магистрали, точь-в-точь огромные змеи, извивающиеся среди живых небоскребов. Живые машины, размножающиеся почкованием и живорождением новых машин. Живые системы, освобождающие живых людей от гнета тупой материи, от засилья мертвых систем и механизмов. Живая думающая техника, которая не требует жертв, как стальные и чугунные молохи столетней давности.

К нам на помощь спешат не бездушные производительные силы, а технодрузья, которые подарят нам свою любовь и сочувствие, которые утрут нам пот, слезы и сопли…

А чудо в тарелке было символом всего этого будущего великолепия. Оно было зародышем грядущего мира.

Андрей поднес палец к зеленому пупырчатому отростку с крохотными белыми волосками и тот слегка «привстал»… Волоски оказались крючочками, которые вошли в кожу человека.

Появилось три капельки крови. Андрей отдернул руку, но не с возмущением, а с благодарным трепетом, с которым отец воспринимает первый укус своего маленького сына.

Это – нормальный метаболизм. Колония техноклеток уже питается, как все приличные живые существа, готовой органикой, окисляя ее до воды и углекислого газа. Задача «быть живым» распределяется на миллионы подзадач, которые успешно решаются процессорами, находящимися в ядре каждой техноклетки…

Зазвонил телефон, старый, засаленный. Грамматиков схватил трубку и закричал:

– Мама! Оно живет! Растет, питается.

– Я не твоя мама, я не умею жарить котлетки и вытирать тебе попку, – голос в трубке был молодым, нежным, а не старческим, дребезжащим.

– Все ясно, девушка, вы сильно ошиблись номером. По этому номеру звонит только моя мама, потому что тут живет один маленький мальчик с соплей из отработанных стимботов под носом.

– Извини, – сказала девушка, – но судя по твоему голосу, ты –

давно не мальчик.

– Это только по голосу. Да и паспорт врет, что мне тридцать три. В самом деле, если бы мне было бы тридцать три, то я, конечно, обскакал бы Александра Македонского и уж как минимум бы завоевал бы Персию и Индию.

– И скончался бы в страшных муках от переизбытка славы, – поддержала девушка. – А кто растет, кто питается? Ты завел морскую свинку?

– Это… это трудно объяснить, это то, чего раньше не было.

Голос на том конце трубки стал затухать, как огонек свечи.

– Похоже, я действительно ошиблась номером. Да, мальчик, тебя еще рано поздравлять с днем защитника Отечества.

Раздался гудок, голос со смешком исчез, втянулся в прекрасный новый мир алмазоидных башен Васильевского острова или уютных кафешек Петроградской стороны…

Андрей стал тереть задрожавшие руки. Как устроен человек? Несерьезно устроен. Чуда в тарелке ему мало. Прекратившей ржать и бить копытом Марины Аслановны – тоже мало. Ему еще и подавай в день защитника Отечества зеленоглазую красотку с бархатным голосом и рыжей косой до попы.

Телефон зазвонил снова.

– Ну да, мам, слушаю. Ты когда с дачи приедешь?

– Мам сейчас пьет чай с вареньем, – голос на том конце все тот же молодой, нежный. Прямо недоразумение в квадрате. На секунду у Грамматикова даже появилась мысль, что это говорит чат-бот, удачно прошедший тест Тьюринга. Сейчас предложит купить одноразовые носовые платки со скидкой или средство от ожирения.

– Но вы, девушка, наверное, снова ошиблись номером.

– В первый раз я ошиблась, а теперь я хочу узнать про это… то, чего раньше не было. Тем более и день подходящий.

2

Она не была зеленоглазой и рыжей. Но она была, что надо! Вера Лозинская оказалась тоненькой брюнеточкой. Стильной. Фотоническая татуировка чего стоит – змейки из изумрудного огня как будто ползут по ее предплечьям. И первое чувство, которое испытал Андрей Грамматиков при встрече со стильной Верой, был стыд.

Как ни прибирался, ничего путного в квартире ему добиться не удалось. Мицеллярная тряпка-грязеедка скорее размазывала, чем поглощала грязь. Да, Андрей перещелкал мухобойкой все

рекламные пузыри, мерцающие спамом (едва откроешь форточку и уже не пропихнуться, столько налетело). Но от них остались светящиеся потеки на стенах, эти макромолекулы – такое стойкое дерьмо. Да, взял на прокат у Константина Петровича декоративный водопад со сжиженным гелием, текущим вверх на манер картин Эсхера. Но это штука смотрелась на фоне обшарпанных обоев также нелепо, как и фрак на бомже. И статуэтка металлорганической девушки, всегда готовой взмахнуть веслом, едва щелкнешь ее по заду, демонстрировала уже не чудеса молекулярной механики, а плохой вкус.

Впрочем, брюнетка оценила фотографию прабабушки.

– Классно. Состаренная бумага. И телка в правильном прикиде. Предок?

Прабабушка была, пожалуй, похожа на Веру, только взгляд совсем другой и без музыкальной жвачки во рту.

– Предок. Баронесса, кстати, – нашел чем похвастаться Грамматиков, мучительно сознавая, что у его квартиры слишком скромное обаяние.

– А что, в Рашке разве были баронессы?

Слово «Рашка» покоробило Андрея, но недовольство сразу улетучилось. Девушки вроде Веры всегда правы.

– Баронессы были. Остзейского, то есть прибалтийского происхождения. А вот мой прапрадедушка, действительный статский советник…

– Тебе нужны точно такие же сексуальные усы, – Вера сравнила портреты прадеда и правнука, приложив лицо Грамматикова к фотокарточке своей аккуратной, но сильной ручкой. – Если не растут, могут снабдить классным геночипом.

Она так и осталась с ним на «ты», здорово. Хотя Андрей чувствовал, что это, скорее всего, свидетельство ее пренебрежения его персоной.

– А теперь расскажи мне про твое чудо-юдо, – попросила Вера.

Андрей говорил и говорил, хотя понимал, что этого делать не стоит. Что нельзя раскрывать постороннему то, что не слишком ясно самому себе.

– … Это, без преувеличения, новый уровень нанотехнологии. Не просто стая наноботов, которые собирают атом за атомом, молекула за молекулой какую-то конструкцию, а затем тихо-мирно выпадают в осадок. Мне удалось собрать техноклетку, затем от одной техноклетки перейти к техноклеточному конгломерату с собственной сигнальной системой и энергетикой. А теперь у меня целая колония техноклеток. Да что там колония, это без пяти минут организм, способный расти, размножаться,

приспосабливаться, саморазвиваться. А сейчас я учу мыслить этот почти-организм, мы идем от тупого перебора вариантов к стратегии.

– Ты про эту грязь в тарелке? – уточнила Вера. Андрей подумал, что ее речь явно не дотягивает до тайны, которая есть в ее глазах, в линиях ее тела…

– Вот именно, я хочу, чтобы эта «грязь в тарелке» не была нам чужой, чтобы она могла общаться с нами. Уверен, что она уже чувствует нас, а скоро будет понимать нас.

– А кто ты по образованию? – Вера провела пальчиком по рубашке Андрея, да так что его внутренние органы моментально встали по стойке смирно.

– Я, – он замялся, вспоминая. Но вспоминались почему-то только уроки в кружке бальных танцев. Называть в качестве alma-mater институт пищевой промышленности, было совсем не в жилу. – Я – по образованию никто. Немного программист, может быть еще художник. Вон, смотри, там, на стене, анимэ-картина: «Лаокоон с сыновьями избавляется от компьютерных червей». Это я нарисовал микросхемной краской.

Девушка мазнула взглядом вежливости по отчаянно сражающемуся семейству Лаокоона.

– Я-то думала, что это схема городской канализации… Но ты не математик, правда? Тебе определенно нужен математик, парень с головой, набитой цифирками.

Не дожидаясь ответа, Вера уже названивала куда-то, только не крутя скрипучий диск засаленного черного телефона, а пощелкивая пальцами, через скин-коннектор. Это несколько покоробило Андрея. Не прошло и получаса, а она уже распоряжается…

Вера прошлась и вдоль пыльных полок его книжного шкафа.

– По части книжек ты – супермен. Слушай, а сколько их надо, чтобы считаться крутым в твоей тусовке?

– Я чай сделаю, – отозвался невпопад Андрей. – У меня даже пирожные есть, почти свежие.

– Извини, я никогда не пью в гостях. Можно таких живчиков наглотаться. Ну, понимаешь, я про ботов..

От отсутствия общих тем стало немного неловко, но тут грохотнул древний дверной звонок и из коридора в комнату прорвался зычный голос Марины Аслановны.

– Чего не открываешь, Андрюха? Кто ты таков, чтобы хвост задирать? Штаны на тебе и то из магазина «секонд-хэнд» при городском морге. Голубь ты мой дигитальный, надо меньше щелкать клювом.

Позорит, засранка. А на пороге коммунальной квартиры

стоит представительный мужчина. В его глазах светится надменность превосходящего разума. Стильный мужик. Кончики его волос подмигивают, благодаря фотонике, и парфюмерии дорогой на него вылито не меряно, афродизиаки для баб и все такое. За ухом – разъем для нейрокарты, так вроде принято у программеров. Подчеркнуто заметный, как татуировка, скин-коннектор на кистях рук. Фраерский шарфик на шее. На шарфике насекомое под бронзу, египетский скарабей. Шевелится, чертяка-робоинсект.

Еще этот мужик был похож своими нахальными рыжими усами на капрала какой-то давно позабытой королевской армии. А белобрысая патлатая девка рядом с ним – на маркитантку нестрогих нравов.

– Вот это я – Боря. Анатомически говоря, мужчина средних лет, предрасположенный к апоплексическому удару и геморроидальным шишкам, – представился «капрал». – И тем не менее, не бойся меня. Я не из агентства по перепродаже недвижимости. Блондинка со мной пришла. Верь не верь, но Леночка вовсе не из бюро добрых сексуальных услуг. Она – натуральный кандидат каких-то там наук. А гражданка-то Лозинская далеко? Не растворил ее случаем в кислых щах?

– Еще нет. Вы проходите, – Андрей несколько несобранно махнул рукой.

– И пройду. Ведь мы сюда не приторчать пришли, а ради познакомиться с непризнанным гением… – Боря решительно шагнул вперед и едва не поскользнулся на лужице, которую по обычаю предков оставила киска Мурка. Марина Аслановна отчаянно бросилась на защиту «бедного животного», которому представительный гость отвесил хорошего пинка. Но прежде чем киска укрылась на ложбинке между увесистых грудей «мамочки», гость еще раз прилично угостил «подлую тварь» по заду. Похоже, это сломало не знавшую доселе поражений соседку и она с выражением страдания на лице укрылась в своей комнате.

Хотя новоявленный Борис обменялся с Верой лишь мимолетными взглядами, Андрей сразу подумал, что их связывает что-то серьезное. А вот Лена скорее всего лишь прокладка между ними. Хотя это серьезное – вряд ли любовь. Скорее – деньги. Или что-то еще…

– И где твоя чудесная тарелка, гений? – гость Борис, не сбиваясь с курса, уверенно подошел к столу. И заиграл всей своей размашистой пятерней на виртуальной клавиатуре компьютера.

– Позвольте, я вам объясню.

– Сам разберусь, не дурак покамест. Дай-ка лучше спецификацию программного интерфейса, – сказал в лоб Боря. –

Да ты не бойся, я именно тот, кто схватывает на скаку.

Он, не глядя, протянул визитную чип-карту.

«Борис Дворкин. НАСА, российский филиал. Марсианский проект.»

– А я Андрей Грамматиков.

– Не врешь? «Материалы с нужными свойствами, молекулярные машины с программируемыми функциями, все это хорошо только для корпораций. Потому что можно включить бешенную стоимость разработки в товары, которые раньше стоили копейки. Но нам, людям, нужна техножизнь, чтобы спастись от одиночества». Ну как, тебе приятно? Знаешь небось, кого я цитирую?

– Знаю, меня, – Андрей прочитал ехидство в глазах собеседника и ему опять стало не по себе. Гость явно не мучился со своим мозгом как Грамматиков, не блуждал в темных закоулках серого вещества в поисках смысла. Мозг господина Дворкина был как армия дисциплинированных солдат, которая всегда наготове и способна нанести массированный удар на любом участке фронта.

– Так уж получается, господин Грамматиков, что я запоминаю наиболее глупые фразы. Не нам это нужно. Нам и так сгодится, потому что мы работаем в корпорациях. Какое уж там одиночество? Корпорации – это такие большие дружные стаи прожорливых кровососущих насекомых. А знаешь, какие у нас коропоративные вечеринки с длинноногими секретаршами, истинными кудесницами в своем деле? Их клонировали специально для высоких стульев около стойки бара, ну и чтобы нам не было одиноко в джакузи. Нет, техножизнь нужна только тебе, заплутавшему псу-рыцарю.

– А в конце, когда кудесницы будут общаться уже не с вами?

– Вот об этом я только сейчас подумал, – ехидство словно смыло из глаз Бориса. – В конце какой-нибудь довольно приличный дом престарелых. Правда, из друзей и близких остались только рекламные чат-боты. Одна трубка закачивает сладкую кашицу мне в рот, другая трубка откачивает несладкую кашицу из попы. И вот последний дрыг ногами. Меня еще катят в морг, а уборщица торопится собрать оставшиеся от меня никчемные безделушки в большой красивый мешок для мусора. Работники крематория, кстати, любят палить трупы давно забытых людей. Процедура прощания сведена к минимуму, гроб делается из картона и можно в сэкономленное время выпить чашечку кофе.

Через несколько секунд гость снова вошел в нормальный рабочий режим.

– Да, мы умеем контролировать материю на уровне молекул. Мастерить сверхпрочные нанотрубки для лифта на орбиту, боевые экзоскелеты, не толще сосисочной упаковки, чтобы солдаты бесстрашно прыгали в огонь и в воду, абсолютный клей, чтобы вражеские танки не проехали мимо героев-панфиловцев и навсегда прилипли в виде памятников, сияющие диамантоидные пленки, чтобы надувать небоскребы, тошнотворно питательную синтетическую колбасу для социально слабых. Да, конечно, наши медботы – мастера делать генные припарки для увеличения размеров бюста или выпуклости ягодиц. Но в жизни, к примеру, этой коммуналки практически ничего не изменилось за последние двадцать лет…

За разговором Борис Дворкин просматривал спецификацию программного интерфейса, причем с такой скоростью, что Грамматиков не успевал даже заметить номер страницы.

– А знаешь, барон, почему ничего не изменилось? Твои соседи не желают вертеться, зарабатывать, листать с придыханием модные журналы. Не хотят платить за нанотехнические чудеса. Возможно, у твоих соседей и так бюст большой, а ягодицы выпуклее некуда. Или они предпочитают вечные пол-литровые ценности сиюминутным прибамбасам. Наверное, они думают, а на хрена нам эти наносборщики материальных объектов? Ведь из говна получается говно, хоть переставь ты там все молекулы. Но в любом случае, за шиш и получишь шиш, по крайней мере в экономике, ориентированной на выколачивание прибыли из ближнего своего… Кстати, Леночка, а как ты смотришь на эту функцию?

И Лена, которая, казалось бы, умеет только визгливо хихикать, вдруг начинала править в графическом редакторе «фазовый портрет» всей технобиологической системы.

А Боря, сам не переставая работать, продолжал общаться в «фоновом режиме»:

– Но ты барон, насколько я понял, выбрал третий путь и вознамерился изменить весь мир в нужную тебе лично сторону?

– Да с чего вы взяли, Дворкин? – наконец возмутился Андрей.

– Так, приснилось. Но ты же не хочешь, чтобы при звуках твоей фамилии девушки переспрашивали: «Чаво-чаво?» А теперь подсядь ближе. Тебе не кажется, что твоя техножизнь готова к еще одному качественному скачку?

Борис Дворкин действовал лучше всякого стимулятора. Он вытащил из кармана и всунул в компьютерную стойку плоский спинтронный сервер с лейблом «Наномайнд» – это ж аппаратура,

специально предназначенная для операций с наноразмерностями!

– Считай, Андрей, что ты теперь пересел из телеги в Мерседес. Но, пожалуй, ты и сам нуждаешься в усовершенствовании. Вера, давай-ка, займись товарищем.

Сжав пальцы Андрея своими нежными и неожиданно сильными пальцами (еще немного надави и будет больно), она, игриво поведя глазками, куснула его указательный… У укушенного аж заиндивело все внутри… никаких ботов она не боится, неправду сказала, просто не хотела его чай пить…

Вера провела чем-то похожим на губную помаду по подушечкам всех его пальцев.

Грамматиков посмотрел на свои усовершенствованные руки, в которых теперь лежали виртуальные атомы, имеющие размер с крупное куриное яйцо и соединенные паутинками взаимодействий. А еще молекулы, похожие на гроздья винограда. Он отлично чувствовал характеристики химических и ван-дер-ваальсовых связей через дрожание, тряску и прочие вибрации. Надо ж, как быстро сформировался скин-коннектор на подушечках его пальцев.

– Ну, так удобнее? – нарочито заботливым голосом поинтересовался Борис Дворкин. – И что самое приятное, фирма угощает, так что завтра не придет счет за услуги на пару сотен баксов.

Через пару часов совместной работы Андрей понял, что «прошел в дамки».

«Жирные пятна» в тарелке превратились в студенек, напоминающий по форме медузу. Студенек тянулся к органике, свету и теплу.

– Теперь эта технотварь действительно тебя чувствует, а возможно даже и думает о тебе. Что-нибудь хорошее думает, ты же для нее папа Карло. Ах, тятя, тятенька, – Дворкин покрутил рыжий кавалерийский ус, как бы в задумчивости. – Но представляю, какие у нее планы на человечество, учитывая ее зверский аппетит. А особенно прожорливой она станет, когда начнет размножаться. Ну, это мы к восьмому марта доделаем. Приподнесешь цветы техножизни в подарок Верке. Точно?

На какое-то время Грамматиков перестал слышать Дворкина. В его цифровых пальцах сейчас дрожали уже не просто шарики углерода и водорода. Его руки как будто касались Бездны, которую заполняла молчаливая сила. Бездна своей безмерной властью сама ограничивала себя, иначе бы ничего не было, кроме нее. На ее границе недолговременной рябью возникало сущее. Материя, пространство, время, движение, жизнь, мысль – не более, чем легкое волнение этого океана вечности. Каждая

частица материи – лишь тоненький ручеек энергии, проходящий через крохотный затвор на границе Бездны. Чуть побольше откроешь затвор и энергия затопит наш тусклый пленочный мир, сожжет его к едрени-фене.

Виртуальное окно стало таким пронзительно-емким, будто на границе зрительных и осязательных центров мозга сформировались тайные нейроинтерфейсы, способные превращать прикосновения Бездны в возбуждения нервных клеток.

– Эй, барон, ты в порядке? У тебя сейчас взгляд, как у Николая Угодника, – Дворкин помахал ладонью перед лицом Грамматикова.

Бездна отодвинулась. В уши проник бубнеж настенного телевизора из комнаты Стасика. Грамматиков почувствовал смертельную усталость. Ему уже ничего не хотелось, даже спать.

– Как вы думаете, Борис, война-то будет?

– Не будет, так что героем России тебе не стать. Наше начальство струхнет и подпишет рижскую бумажку, акции вернет да еще неустойку заплатит нефтяным вождям. Может еще прикроет пару крупных русских заводов, чтобы не создавали конкуренцию забугорным брэндам. Куда начальству деваться, если оно привыкло отовариваться в токийских бутиках и покрывать свое рыхлое тело золотистым загаром на Таити?

– Но про двенадцать мирных трупов в таймырских чумах – это ж брех.

– Я тебе дам, брех. Правозащитники из «Дудаев Мемориал» во главе с бесстрашной Лерой Найдорф честно напоили суррогатным спиртом бедных оленеводовов, которые всегда рады оттянуться за чужой счет… Однако ж и прогрессивную мировую общественность надо было чем-то воодушевить, согласись? А мировую прогрессивную общественность на мякине не проведешь. Она привыкла к крутым зрелищам – порно пополам с экшн. Когти вервольфа, с которых свисают вырванные кишки и другие половые органы. Обагренные кровью зубы людоеда, непременно с жутким кариесом и дуплами. И все – крупным планом, в полный рост. Император Нерон по сравнению с нынешними затейниками – бледный забитый мальчик. Вот и крутят бибисишники по телеку синюшные трупы оленеводов, павших жертвой «русских зверств»: глаза выпучены, языки высунуты, блевотня на малицах… Но вообще, надо признаться, мы заслуживаем хорошей взбучки за то, что тысячу лет ссымся в собственных подъездах. А на Западе, тем временем, мужчины даже забыли, что такое мочиться стоя. Только сидя, а потом непременно пожалуйте на бидэ.

Спорить не хотелось. Даже фразы не склеивались.

– Но, Борис, подъезды подъездами, а Сибирь-то… освоили наши… казаки всякие, Ермак Тимофеевич, и так далее, зэки, комсомольцы.

– И где теперь казаки и зэки с Чудаком Тимофеевичем во главе? Вот и ты в одном популярном месте сидишь. Не надоело? Да забудь ты все это. Нам плевать, будет война или не будет война. Победят ли борцы за «свободу личности» с сильно истрепанным анальным отверстием или фаллически-несгибаемые борцы за «свободу родины». Те, кто писает сидя, или те, кто писает стоя. Врут и те, и другие. Свобода – это ведь что?

– Свобода – это когда…

– Задумался, барон? Сегодня свобода – это когда из тебя кто-то сосет кровь, мозги и деньги, а ты смотришь телек, дуешь пиво и доволен. Но завтра придет настоящая свобода. Это когда у тебя есть сила и ты знаешь, как ее употребить. Завтра, барон, весь мир станет другим, из плоского превратится в объемный, глубокий, и всем хватит места в Бездне. Согласись, что я озвучиваю в общем-то твои собственные мысли.

Из окна проник какой-то странный свет, который бы во времена бабушки-баронессы назвали бы неземным.

Грамматиков подошел к окну, тут Вера своими пальцами (какими же дуалистически нежно-сильными они могут быть) взяла его за руку, они выглянули наружу и…

У Андрея так захватило дух, что даже затошнило. Ниже ничего не было. Только гряда облаков. Выше напряженно синее небо. По бокам… Фрагмент дома был вделан в парящую скалу, которая больше всего походила на гигантский алмаз. Но этот алмаз был легче воздуха, наверное «скала» была склеена из диамантоидной пленки и накачана гелием.

Облака внизу разошлись, образовав обширный проем. По блесткам воды и очертаниям берега, Андрей понял, что внизу Петербург.

Вернее, внизу должен быть Петербург.

Но там Андрей видит стволы, ветви и пневматофоры громадных техноорганизмов, которые поглощают дома, улицы, каналы… Город гибнет на его глазах! Город, переживший блокаду!

Грамматиков стал медленно сползать на пол… и тут раздался хоровой здоровый смех Бориса, Лены и Веры, переходящий в откровенное ржание.

– Розыгрыш, прикол! Вы обкакались на глазах у всего честного народа. Эй, бабуля за стенкой, принеси тазик для чистосердечного блевания…

«Гибнущий Питер» – это всего лишь виртуальные картинки,

переданные Верой через скин-коннектор. Дешево и смешно.

4

В три часа ночи Борис и Лена легли на матрас под столом и, против ожидания, сразу затихли. Вера и Андрей остались на исхоженном клопами диване. Это еще меньше укладывалось в его голове, чем бурный рост колонии техноклеток. Теперь у него столько друзей… Полночи он смотрел на лицо Веры. Лунный свет лился по блестящим волосам на ее щеку, превращая плоть в живое серебро. Живое серебро втекало в расширенные зрачки Грамматикова, скользило по маслянистой миелиновой оболочке его нейронов, насыщало его мозг сладковатым шепотом, отдаваясь в горле и груди нежными вихрями.

Лишь под утро он заснул. Разбудил его рекламный пузырь, пожаловавший через слегка приоткрытую форточку. Пузырь повис над головой и зашептал, разгоняя сон. «Дорогой господин… господин Грамматиков, вы слышите меня, Андрей Андреевич? Вы несчастливы? Вы сексуально не удовлетворены? Мы беремся сделать вас счастливым. Геночип фирмы „Кама-с-утра“ позволит вам вырастить новый полностью функциональный пенис на спине.»

Вот дьявол, пузырь считал имя, отчество и фамилию потенциального покупателя с радиометки, прилепленной к окну метким выстрелом рекламного снайпера. Вон клякса виднеется чуть выше подоконника…

Грамматиков на ощупь подхватил с тумбочки толстый журнал и метким броском уничтожил нарушителя утреннего спокойствия. Потом вспомнил то, что творилось в его квартире вечером и ночью.

Было довольно рано, но новые друзья уже исчезли. И даже записки от них не осталось.

Какой-то запах внезапно атаковал его нос, вернее отсутствие запаха. Он потянул воздух и понял, что Стасик пахнет иначе, чем вчера. И Марина Аслановна не храпит, не втягивает кубометры воздуха и не выдает их обратно, обогатив углекислым газом.

Комнату Андрея и комнату грозной соседки разделяла стена, которая в значительной степени состояла из двери, заколоченной и обклеенной газетами еще двадцать лет назад.

Дорожка из чего-то липкого тянулась от тарелки по столу, свисала на пол, дальше пролегала по истоптанному паркету – и прямиком под дверь…

Однажды Андрей побывал у Марины Аслановны в комнате.

На новый год, когда было совсем одиноко, холодно, хотелось чего-то вкусненького… Насилу вырвался только вечером следующего дня. Да и «вкусненькое» оказалось кошмарно переперчённым. У Марины Аслановны не было папы. Если точнее, папа Марины был неизвестным боевиком с усиленной на генетическом уровне гормональной активностью. О папе Аслане известно только то, что он испортил Маринину маму и оставил под матрацем горсть патронов и кинжал со следами крови. Отсюда ясно, отчего Марина Аслановна такая агрессивная…

Андрей вышел в коридор и, прокашлявшись, постучал в дверь соседки. Никакого отклика, никакого ворчания или вопля. Он постучал снова и, набравшись духа, распахнул дверь.

Женщина лежала на кровати и у нее не хватало… скелета. А также прежнего объема. Марина Аслановна съежилась в три раза, она была маленькая, твердая и напоминала чебурашку. Может быть потому, что уши уменьшились в куда меньшей пропорции, чем остальные части тела.

– Они вернут, – сказал Стасик. – Вернут, блин, и кости, и воду. Когда обстановка позволит. Эти медузы – честные. Пугаться тут нечего, воды кругом сколько хочешь. Маринкины клетки законсервированы глютаральдегидом, а ихняя жижа замещена метапропилен гликолем.

Андрей обернулся на голос и хорошо, что его вытошнило сразу.

Спереди Стасик был прозрачным. Хуже всего выглядели подвижные каловые массы в нижней части кишечника. Череп, как хрустальная ваза. И мозги, словно светящееся фруктовое мороженое. От мутных глаз, напоминающих несвежие ягоды, уходят к затылку тонко мерцающие красные ниточки. Что-то в мозгах ползало, черви, что ли. Это будет почище движущегося дерьма. Ой, снова блевать тянет…

– Представляешь, Андрюха, а меня они каким-то глицерином накачали, каждую, блин, клеточку. Вот дурью маются. Я вначале не хотел, но они объяснили, что это почти спирт и я согласился. Понимаешь, они хоть и медузки, но могут все объяснить. Без всякого му-му…

Немножко полегчало. Андрей опустился на стул, а потом взвился как ракета. Да что же он тут сидит? Надо что-то делать. Надо останавливать кошмар.

5

Телефон в его комнате из засаленного стал глянцевым. И это

плюс. Минус, что связи не было. Ни с милицией, ни с ФСБ, ни с депутатом не соединишься, вообще ни с кем.

Ладно, тогда надо съездить туда… Лихорадочно проведенная финансовая проверка показала, что у него нет даже мелочи на билет, чтобы добраться до приемной ФСБ на Литейном. Хорошо, пусть пешком, главное, не стоять и не ждать у моря дурной погоды.

Андрей бросился в прихожую. Оценил свой вид в мутном зеркале. Нет, сперва в ванную, хоть лицо ополоснуть, а то ведь за бомжа примут.

В ванной комнате оказалось очень душно. Как помоешься, при плохой вентиляции, всегда так. Но здесь со вчерашнего дня никто не мылся. И вряд ли еще кто-то помоется в ближайшее время. Ванна была занята. Наполнена до краев бесформенным существом, техноорганизмом, который и выделял тепло. В его сочной волокнистой мякоти преобладали серые и розовые оттенки. Помимо мякоти просматривался каркас из кальциевых спикул.

От спикулы к спикуле тянутся ниточки, не иначе как информационные линии. Кое-где ниточки свиты в узелки. Было заметно и что-то похожее на чашечки – наверное, органы размножения, гонофоры…

Андрей инстинктивно попятился, инстинктивно заозирался в поисках какого-нибудь оружия, но ничего не увидел, кроме бритвенного станка, которым Марина борется с волосами под мышками. Поскользнулся, чуть не упал.

Только сейчас он заметил, что из его комнаты в ванную проложена слизневая дорожка, не иначе как здесь прополз техноорганизм. Настоящая тропа войны. И теперь технорг, не останавливаясь на достигнутом, бодро лезет по трубам наверх, насыщаясь солями железа, и явно нацеливаясь на следующий этаж.

У Андрея между сердцем и желудком образовалась черная дыра, когда он почувствовал какую-то липкую дрянь на своих ладонях… Так, подышать одной ноздрей, потом другой. Это всего лишь пот. Не дрейфить. Теперь легкая медитация, «я на пляже», ласковые волны омывают мое тело, проникают в рот, в нос… Тьфу, опять не то. Надо просто сосредоточиться.

Закон сохранения вещества еще никто не отменял! Даже если технорг употребил кости Марины Аслановны, этого явно недостаточно. Ой, мама, на крючке висят джинсы!

Андрей пошатнулся, почувствовав вату в коленях.

В таких, кажется, пришла Лена. Лена, а не Вера, и то хорошо. Классные джинсы, простроченные нанотрубками и

нитекомпьютерами, которые способны менять степень обтягивания заднего места…

Так что, переться в ближайшее отделение милиции? Там могут не понять и немножечко того: посадить в обезьянник или подключить через громоздкий нейроинтерфейс, напоминающий фашистскую каску, к главному компьютеру МВД для выявления преступных наклонностей, присущих участнику нанохакерской группировки.

А пока доберешься до приемной ФСБ, во всем доме случится много непоправимого и необратимого. Необратимого.

Андрей вернулся в комнату.

Теперь ему показалось, что глянцевый оттенок приобрело все. И мебель, и обои, и фотография прабабушки.

Андрей с тоской потянул воздух. Голова просто опухла. Такого отупения он еще никогда не знал. Пирожок, не доеденный вчера Борисом, шепнул: «Это я, твой друг Ньям-Ньям. Съешь меня наконец. В случае непроходимости твоего кишечника ты можешь заказать у нашей фирмы капельницу с глюкозой». В пирожок встроен простой микрокомпьютер на белках и сахарах, но прозвучало это зловеще.

Компьютер, компьютер. Грамматиков, стараясь не смотреть по сторонам, бросился к своему компьютеру.

Если что-то еще можно спасти, то только с помощью верного «Секстиума».

Теория неравновесных процессов – вот тема, на которой собаку съела ныне несуществующая Лена и возможно еще существующий Борис.

Сам Грамматиков пользовался готовым пакетом фрактальной алгебры, Лена же подгоняла области начальных и граничных состояний технобиологической системы под конечное устойчивое состояние, «вручную» изменяя алгоритм развития.

Нелинейные процессы в многомерном пространстве и «ручная» правка алгоритма!

Хватит удивляться, надо посмотреть, а что с конечным состоянием, с аттрактором.

Андрей заколотил своими цифровыми пальцами по бесплотным клавишам виртуальной клавиатуры и вскоре почувствовал, как пот спускается по его спине, шагая тысячами мелких клейких лапок…

Эта сука Лена влезла в святая святых. Она задала его техножизни новый вектор эволюции. К устойчивому состоянию очень малой вероятности. К конечному состоянию полностью открытой системы, которая черпает энергию из любых доступных источников для преодоления энтропии…

По счастью эта траектория необратима только в математической модели.

Мы сотрем Ленин аттрактор, восстановим прежние начальные условия, после чего начнется обычная работа программиста средней руки. Вызывать интерфейсы всех классов системы и задавать новые параметры функциям.

Через полчаса работа была кончена. Андрей убрал бледной рукой мокрые волосы с посеревшего лба, словно пианист в конце концерта. Обои потеряли глянец, мякоть в ванной стала подсыхать, из нее показались иглы и увядшие почки. Технорг уже не полз на верхний этаж, он намертво приклеился к трубам, превратившись в обычную грязь.

6

И только сейчас, когда Андрей сделал все, зависящее от него, и остановил кошмар, его поглотила настоящая тоска. Самое главное, что ему уже не спастись. В результате экспериментов погибли Марина Аслановна и Лена. Стасик явно тоже не жилец. Да и что с Константином Петровичем, чья комната в коммуналке самая последняя?

Если даже адвокату удастся доказать что эти преступления непредумышленные, из тюрьмы выйду только лет через десять, не ранее. Если вообще выйду. Что в тюрьмах-то творится, воры и авторитеты используют простых зэков как ресурсы стволовых клеток и органов…

Все мысли так или иначе сводились к Вере. Из-за нее тут появился Борис. Все элементарно с точки зрения засады. «Мальчик», разменявший четвертый десяток, с готовностью ловится на приманку в виде бабенки, такой тонкой, такой благоуханной (а ведь он ее даже и не попробовал трахнуть), а потом появляется чёрт, чтобы использовать его изобретение ради своих разрушительных забав. Остается, правда, один вопрос. Откуда Вера и Борис узнали о существовании Андрея Грамматикова? Опусы, вывешенные в Сети, вряд ли должны обратить внимание серьезных людей. В Сети гигабайты и гигабайты подобных измышлизмов…

Единственный человек, который мог догадаться о его работе, был Вовка из Крупы. Но если Вовка попался и сдал всю свою клиентуру, то сюда бы приехали менты, а не Вера с Борисом.

Так может, Вовка – часть приманки? Продавая нанокристаллы за цену бутылки портвейна, он выполнял чье-то задание… Допустим, некая лаборатория хотела произвести

испытания на стороне….

А я то думал, что сам по себе такой гений. Наверняка нанокристаллы обладают такими способностями к самоорганизации, о которых я даже и не догадывался.

Его использовали для эксперимента, и ему теперь за все отдуваться. Менты, особо не копаясь, отправят его в тюрьму, где ему тут же придется скончаться от кровавого поноса, ведь он привык к маминой кухне… Боже. Насколько дураки были предки, но он перещеголял даже их.

Если бы можно было найти Вовку. Но этот типчик появляется только после дождичка в четверг. Именно только в пасмурные дождливые дни… Борис… Борис, он же оставлял визитную чип-карту. НАСА, марсианский проект, все как будто солидно. На чип-карте должна быть персональная информация… Но где же эта чёртова карта? Вроде оставлял ее на столе. Но сейчас там только засохшая дрянь…

7

В комнате раздалось шипение. Это вползла Марина Аслановна, волоча груди по полу. Какая часть костей и половина прежнего объема вернулась к ней, так что она напоминала сказочную змеедеву.

– Велено доложить, гости к вам, – не слишком приятным, но подобострастным голосом сказала змеевидная соседка.

Через распластанную соседку переступила длинными ногами Вера и встала у шкафа, эффектно задрав подбородок.

– Я просила эту дамочку подождать, но она не согласилась, – зашипела снизу Марина.

– Милый мой, – протяжно начала Вера, как будто внутри ее полоскалось добрые пол-литра шампанского.

Несмотря на следующую серию ужасов в виде змеедевы, Грамматиков был счастлив. Вера жива!

– Но что с Леной?

– Бог с Леной, – кратко ответила Вера. – Наверное, торчит сейчас в казино, рассчитывая на будущие Борины доходы.

– А где Боря, мне надо срочно связаться с ним? – зачастил Грамматиков. – Ты же видишь все это. Стасик, Марина, они теперь монстры и, вообще творится невесть что. Борис, твой Борис, поставил эксперимент на всех, кто живет в этой квартире.

– Андрюша, какой ты в сущности еще ребенок. Или олигофрен. Борис не мой. Это ты – мой. А на Дворкина мне плевать…

Вера Лозинская заскользила между рук Грамматикова. Наглядно демонстрируя преимущества непосредственного телесного контакта перед абстрактным общением с наукой.

– Позвольте удалиться, – смущенно сказала Марина и неуклюже, словно перекормленная мамба, выползла из комнаты.

Прямо из стены над шкафом выросла нанопластиковая[1] ветка, на ней набухли яблоко, апельсин и презерватив. Это, наверное, Боря сюрприз оставил…

Да, с Веры все и началось. С ее звонка.

Но от ее волос такой аромат. Луч солнца, мастерски проникая сквозь форточку, играет на ее ресницах. И тонет в черных зрачках. Ее тело как пружина, раз и хлестнет, собьет с ног. Да он и не хочет стоять на ногах… Но она как будто призывает совершить предательство. А он никогда никого не предавал…

– Коды активации, – сказала она.

Раскрылись затворы и струйки почти невидимого властного света потянулись из Бездны… Уже во второй раз! Значит, не переутомление виновато. Это – новое виртуальное окно, которое открывается тайными интерфейсами, непонятно как угнездившимися в его нервной ткани!

Других рациональных объяснений нет, хоть сойди с ума.

Струйки проходили сквозь Верино тело, к своей пронзительности добавляя ее сладость, фокусировались, а затем начинали опутывать его мозг, его мускулы, свиваясь в сеть… О чем она только что говорила?

– Какие коды?

– В программной спецификации на твою техножизнь имеется закрытый раздел, касающийся подсистемы полового размножения, – промурлыкала она, продолжая пританцовывать между его рук. – Меня не обманешь, коды доступа к половой подсистеме находятся лишь в твоей умной красивой голове… Ты просто вспоминай, милый, и коды будут передаваться мне через скин-коннектор.

– Но почему сейчас? – несколько растерялся «милый».

– Потому что скоро восьмое марта. Женский праздник. День любви, цветов и полового размножения технорганизмов. Можешь ты мне подарить эти коды?

Ее ножка наступила на носок его распластанного и рваного домашнего тапка, давно просящего каши, а коленка потерлась об его ногу, облаченную в пузыристый дедовский треник. По позвоночнику Грамматикова потекла расслабляющая сладость. Вера становилась объектом его веры…

Но все же что-то не то. Старорежимное «Восьмое марта» – не тот праздник, который может быть интересен продвинутой Вере.

Грамматиков знал, что, когда он предлагает себя женщинам, они смеются. А когда женщины предлагают ему себя, то случаются неприятности. Убежденная коммунистка по имени Владилена Ильинична потом его в партком своей партии таскала, там вышестоящие товарищи убеждали Грамматикова жениться, разъясняя при помощи наглядной агитации высокие моральные качества невест, придерживающихся социалистической ориентации. А соседка Марина Аслановна ему просто жизнь отравила, чуть до самоубийства не довела. Даже грозила кастрировать папашиным кинжалом, а потом спрятать клинок с потеками свежей резус-отрицательной крови в лесном схроне.

– Конечно могу, Вера.

Коды активации – это всего лишь картинки, которые он должен нарисовать в своей голове…

Или все-таки, не могу?

Слишком она торопится…

Андрей сделал шаг от удивленной Веры, сладкая светоносная сеть напряглась, и он увидел в виртуальном окне, как из-под ее ногтей поползли синие мономолекулярные змейки. Их там много, настоящий гадючник. Извиваются, крутятся между ее рук. Спецэффекты, как в кино… А вдруг они настоящие, не нарисованные, и виртуальное окно просто сделало их видимыми?

Грамматиков неловко повернулся, рванулся, разрывая сладкую сеть, которую сплела горгона Вера, бросился к открытой двери. Быстрее, быстрее, теперь вильнуть в сторону – летучая змейка пронеслась около его уха и воткнулась в фотографию прабабушки. Назад дороги уже нет. Другая синяя змейка пересекла его путь – надо перепрыгнуть или она рассечет все мягкие ткани, могут и яйца улететь…

Окрыленный ужасом Грамматиков взвился в воздух, кое-как удержался на ногах после приземления, уже в коридоре перескочил через натужно ползущую Марину Аслановну, отшвырнул полупрозрачного Стасика, в котором бултыхнулись моча и пиво… Наружная дверь квартиры была на одной старинной щеколде…

8

Он сразу соскочил на пролет вниз, и тут же услышал. Снизу идут. Тяжело, вбивая массивные ноги в каменные ступени. Хорошо, что в доме уже лет двадцать не работает лифт…

Остается только путь наверх. На чердак. Там можно перескочить на соседнюю лестницу. Он так делал не раз, в

детстве.

Андрей взлетел вверх на два пролета. Вот заветная дверца с огромным ржавым замком. Замок тут для видимости, он еще двадцать лет назад настолько проржавел, что спокойно открывался и закрывался пальцами…

Пятнадцать лет назад отец врезал дуба именно на этом месте. Почему он потащился на чердак, вместо того, чтобы позвонить в свою квартиру? Разыграл последний акт благородства, не захотел подыхать на глазах у своего болвана-сына? Или хотел доказать своей героической милиционерше-жене, что он не чемодан с соплями?

Тяжелые шаги приближались. Андрей ощутил то распирающее сочетание ужаса и бесстрашия, какое бывает только в детских снах. Отбросил замок и вошел внутрь…

Отчаянно заскрипели половицы, поверх них кружилась поземка из пыли. Фу-ты, там и сям в полу провалы. Кое-где остались лишь балки перекрытий, да и они не выглядят надежными. Со стропил, поддерживаемых покосившимися столбами, летит потревоженный пух и прах, копившийся тут десятилетиями. Из всех лампочек фурычит только одна, ближайшая, да и она, похоже, только усиливает сумрак.

Андрей сделал шаг и пол тревожно чмокнул под ногами. Потом пошел, напряженно вслушиваясь в стоны потревоженной древесной гнили. Впереди что-то хрустнуло, значит, надо взять левее.

Странные звуки донеслись сверху. Как будто кто-то шляется прямо по кровле. Ну, кто там может ходить? Отец Гамлета, брат Гамлета, сват Гамлета. Или быть может полтергейст моего папаши? Тьфу, отступись мысленная зараза…

И вообще то, с ним происходит с утра – это просто набор детских кошмаров. Грамматикову даже стало на секунду обидно. Почему детских-то? Ему ж тридцать три. Может, потому что он – инфантил. Всё принцесску ожидал. А простые народные женщины не нравились ему потому, что у них не было таких глаз, в которых тонет взгляд, такой груди, талии, ног, как у Веры…

Стоп, не думать. Сверху что-то громыхнуло, сейчас ринется вниз. Вот здесь деревяшка на одном гвозде, еле держится. Уже двадцать лет еле-еле… То, что было наверху, уже рядом с ним… Грамматиков сорвал деревяшку и, почти не глядя, махнул в сторону сгустившегося засопевшего мрака. Потом обернулся. Рядом никого не было. Прямо наваждение какое-то. Или, может, шизофрения? В прессе писали про случаи техногенной шизофрении, вызванной неумеренным потреблением стимботов…

И вдруг до него дошло. Есть же спички, самые обычные

спички, которые он всегда кладет в задний карман треников – чтобы долго не искать, когда захочется чайку испить.

Зашипела старомодная серная головка и осветила нечто настолько новомодное…

На гнилых половицах лежит голый полупрозрачный труп. Тусклый свет растекается по нему муаровым рисунком. И половицы сквозь него просматриваются, особенно в районе грудной клетки. В основании черепа свет почти полностью поглощается, превращая мозжечок в черную дыру, словно бы всасывающую мозг. Но и там что-то поблескивает, искрит, микроразъемы что ли… А гвоздь прямо в глазницу вошел.

Труп неожиданно перестал быть трупом. Так неожиданно, что Грамматиков едва не обмочился. Труп дернулся, рывком вытащил из своего глаза гвоздь вместе с деревяшкой. Глазница запузырилась, словно в черепе вскипел жирный бульон. Из нее быстро-быстро поползли червеобразные отростки, которые шевеля красными головками, начали штопку …

Труп (или уже-не-труп) явно силился встать, Грамматиков беспомощно как загипнотизированный кролик наблюдал за этим, не в силах даже разжать пальцы, которых палил огонек спички. Но тут перекрытие треснуло под ожившим полуневидимкой и он… чиркнув по дереву длинными словно алмазными ногтями, не удержался и упал вниз…

Грамматиков не успел осознать своим развитым интеллигентным сознанием всей чудовищности совершенного им. Не до этого было. Огонек спички наконец разбудил его и он со стоном разжал пальцы…

Там, около двери, ведущей на соседнюю лестницу, стоит кто-то. Сзади тоже кто-то прячется, кажется за дальним столбом… Остается последнее, подняться по ближайшему столбу, выбраться на крышу и пройти там до следующего чердака.

Грамматиков нащупал в кармане подушечку с наноклеем, и надорвав ее уголок, побрызгал спереди и позади. Спасите меня, ван-дер-ваальсовые силы! Потом полез по столбу, хватаясь за торчащие гвозди.

Когда Грамматиков уже выбирался сквозь рваную кровлю, снизу послышались вопли. Приклеились голубчики. Еще один рывок и он на крыше.

9

«Голубчики» ползли за ним следом. В щели между разъехавшихся листов кровельного железа Грамматиков видел

преследователей. Их лица были похожи на лица, пока на них не падал свет. Свет падал и проникал дальше. Вместо черепа – ваза, наполненная розоватой гущей, в которой ползают серебристые черви. Грамматиков сказал себе, что это всего лишь нервные волокна, играющие с отражением и преломлением света. «Всего лишь» – это успокаивало. Но эти глаза – васильки на хрустальных стебельках – производили в самом Грамматикове концентрированный ужас, который разъедал мышцы и превращал бицепсы в кисель. «Васильки» поворачивались то туда, то сюда, и при каждом повороте становились заметными зрительные нервы, по которым бежали алые всполохи сигналов, чтобы превратиться в легкое сияние задних долей мозга.

– Не приближайтесь, – сказал Андрей Грамматиков, – или я спрыгну, мать вашу, честное слово.

Как-то по бабьи это звучит. Пообещать спрыгнуть, а потом остаться на месте и предоставить себя насильникам. И зачем это я про «маму». Мама-мамочка…

Грамматиков нащупал в кармане еще одну подушечку с металлорганическим клеем. Время схватывания – три секунды.

Один из преследователей высунулся из щели и солнечный луч заиграл на его внутренностях, как будто облепленных сверкающей паутиной.

Грамматиков раздавил в руках подушечку с наноклеем, и увидел в виртуальном окне рельеф из цепких острых атомных головок на своих ладонях.

Прозрачный урод цапнул Грамматикова по щеке и кровь брызнула на кровлю. Но эту боль Андрей не успел как следует прочувствовать.

Один неловкий шаг и он заскользил по мокрой кровле. Грамматиков вскочил, неловко дернул руками и сорвался с крыши.

Последнее, что он увидел перед падением – по его телу расплывалась волнами радужный нимб. В виртуальном окне атомы углерода и водорода выстраивались гексагональными парадными фигурами на его коже.

10

Двое патрульных вышли из машины и подошли к телу, безропотно лежащему около мусорного бака. На лице у лежащего запеклась кровь.

– С крыши, что ли, навернулся? – без особого интереса спросил один из патрульных, тот, что помоложе.

Другой патрульный, тот что постарше, перевернул тощее тело со спины на живот. Затем приложил щупик биосканера к шее лежащего гражданина.

– Ну, чего там? – поинтересовался напарник. – Дохлый?

– Не совсем, артериальное давление в норме, пульс тоже. Похоже, он не сверху свалился, а просто обдолбался и поцарапался.

– Я бы тоже обдолбался, если б не на службе. Господи, это ж надо, ООН объявило нам войну из-за какого-то жирного нефтяного чмура…

– Ладно, потащили тело.

– Фу, а он не обделался случаем?

– Всякое бывает. Ладно, фельдшерица попу ему вытрет и заплатки сделает, а утром этому чудаку – в военкомат, будет отдавать долг родине…

– Э, глянь-ка. Что за хрень?

Патрульные, вытянувшись, как на построении, смотрели на запад.

С западной стороны на город словно замахивалась огромная волосатая лапа с шестью быстро растущими когтями.

Серые отсветы легли на бледные лица милиционеров.

– Смерть в маринаде, – совладав с непослушным горлом, сказал тот, что постарше. – Въезжаешь, напарник? Это крылатые ракеты в маскировочном аэрозольном облаке.

Ракетные когти воткнулись в город где-то в Адмиралтейском районе. Из колотых ран на теле Петербурга брызнуло огнем. Разорванные провода и кабели ненадолго взвились к опасному небу и пролили искристую электрическую кровь города. «Как на очень большой дискотеке», подумал один из патрульных, тот, что помоложе. Утробное гуканье разрывов было смазано изнуряющим душу воем сирен.

Глава 2
После войны

1

– Мало того, что эта, с позволения сказать, баба-демон отметелила нашего часового голыми руками, так она еще и оторвала ему гениталии. – сказал пациент по прозвищу Сержант, отрывая ото лба два гибких медицинских датчика. Он заскрипел пружинами своей койки, доставая заначенный окурок. – Были гениталии-угнеталии, да чик-чирик, укатились, еле в кустах их нашли. Часовый был из моей роты, фрукт вроде Грамматикова, тоже задумчивый. Из танцоров или художников. Этот парень всегда смотрел на меня так, будто я лично мешаю ему танцевать или рисовать… Бойцы, если все не против, я чуток покурю, две-три затяжки. Когда сестра с обходом придет, все уже выветрится, клянусь геморроем.

Палата психиатрической лечебницы для бедных напоминала тесный кубрик торпедного катера. Здесь было семь коек, по двое на у каждой стены, плюс одна специальная – для психа, обгоревшего на пожаре – посередине. На койках дисплейчики, мутные из-за жирных пальцев, высвечивают температурный график.

Плесень посрамляла всю санитарно-гигиеническую оборону, её самовоспроизводящиеся молекулы колдовским образом проникали через кондиционер, вделанный в окно. Особенно плесень была сильна в углах палаты, испещряя их многочисленными кляксами чернильного цвета. Сам кондиционер, украшенный потеками ионообменного фильтра, со старческой натугой вдыхал и выдыхал воздух, насыщая его заметным химическим привкусом. Впрочем, доминантой все равно оставался запах мочи и пота. Одноразовые мочалки-грязеедки не могли компенсировать природную неряшливость больных и нехватку воды. Воды не хватало в кране. Зато за окном хлестал дождь, главное действующее лицо питерской осенью.

Дождь стекал бесконечным скучным потоком по лепесткам наружных стен, защищающим город от сконцентрированных в больнице психопатов. Здесь, на окраине, всегда шел дождь, компенсируя искусственно хорошую погоду в городском Сити. Оборонительные стены больницы – единственное, что производило элегантное и современное впечатление – росли

сами, потому что состояли из нанопластика, новомодного программируемого материала…

Товарищи по палате простили бы Сержанту не только курение, но и любое другое прегрешение. Ведь с него просто таки сбегали заряды бодрости, которые подхватывали и несли всех вперед, к неизбежной победе над супостатом, которому еще недолго осталось веселиться.

Впрочем до одного из пациентов эти заряды явно не добегали.

Тощий и измятый преждевременными морщинами человек положил на одеяло кибермольберт и стило. Фамилия этого больного была Грамматиков. Заплатка из синтекожи на его шее поблескивала светодиодом контрольного чипа. Заплаты в паху, на заднице и животе были скрыты одеялом, которое было источено временем и стирками почти до нанотолщины…

Грамматикову не нравилась атмосфера, которую усиленно создавал в палате безумный Сержант. Атмосфера дешевых комиксов «Рассказки бывалого». Мыслитель Грамматиков не любил комиксы.

Милитаристский бред, надувание щек – все это не нравилось ему.

Рассказы Сержанта напоминали пух от грязных одуванчиков, несомый паленым ветром около батареи тяжелых гаубиц.

В этой загрязненной атмосфере вязли руки, держащие стило, глаза затягивало тусклой пеленой, голова как губка впитывала земную гравитацию.

Сейчас раздражение смешивалось с сонливостью, связанное с приемом обезболивающих лекарств, в весьма неприятный коктейль. Грамматиков понял, что вряд ли теперь удержится, надо снять напряжение. Он ехидно поинтересовался у товарища по палате, не наигрался ли еще тот в войну?

Спросил и снова взялся за мольберт. Однако напряжение не стало меньше даже на один вольт. Любое обращение к психу Сержанту было само по себе опасным. Психопата нельзя ставить в тупик. Реакция может быть непредсказуемой. Пациент по прозвищу Сержант явно сошел с ума во время или сразу после проигранной сибирской войны.

Грамматиков попытался отвлечься и стал думать о том, если в этой палате хоть какой-нибудь цвет? Почему даже алые упаковки с йогуртом выглядят серыми? Плесень – просто концентрированная серость. Почему всё вокруг – как стираные перестиранные носки? Даже свет в окошке. Андрей прищурил глаз, пытаясь добиться расщепления серого света на цветные составляющие. Но и фотоны в этом сумеречном мире не захотели

с ним поиграть.

Тем временем своим пугливым подсознанием он ожидал реакции Сержанта.

Сержант сделал вид, что не заметил вопроса. После небольшой паузы, которую потребовала очередная затяжка, он продолжил в прежнем духе.

Со вчерашнего Сержант он стал плести про каких-то прозрачных демонов, которые захватили Петербург во время сибирской войны.

Рассказ Сержанта был бредом. Но война была.

Мы просрали войну. Сержант из-за этого сошел с ума. Ему не было места в розово-голубом мире наслаждающихся яппи, который пришел на место старой России. Поэтому он здесь, в дурдоме.

Поэтому здесь был и Андрей Грамматиков. Художник-самоучка, ученый-самоучка, не вписывающийся в мир профессионалов поствоенной пост-России.

Не встречался Грамматиков с Сержантом на военной службе. Но этот псих немало похож на того сержанта, который был во время войны царем и богом для солдатика Грамматикова…

В свое время, в институте, на военной кафедре, Грамматикова обучали работе с роботизированными огневыми точками: поднял миномет из полиуглеродной шахты, протестировал софт, опустил… На реальной войне до роботизированных минометов дело не дошло… Никто не пробирался в Ленинград болотами, горло ломая врагу. Бесконтактному врагу не сломаешь даже компьютер.

Трудно ненавидеть американцев, этих пухлых улыбчивых операторов, сидящих с «поп-кормом» за пять тысяч километров от тебя и просто играющих в войнушку. Трудно ненавидеть миллиардера, владельца сибирских нефтяных полей, из-за которого все и началось. Он умный, в очках, складно лепит про свободу, ты даже начинаешь переживать за его деньги…

Куда больше отрицательных чувств испытываешь к непосредственному командиру… И к миниракетам с искусственным стайным протоинтеллектом. Одна из таких влетела через вентиляционное отверстие в сортир, где пользовался мгновениями отдыха ефрейтор Грамматиков, и плюхнулась в выгребную яму. Как показала томография, боеголовка у нее была шариково-спиральная.

Грамматиков уцелел, но получил контузию и импортные шарики со спиральками из него выковыривали последний раз две недели назад. А без обезболивающих средств до сих пор нельзя…

Тощие романтики-юнцы, мохноухие товарищи патриоты

сражались, вернее сгорали за сотые доли секунды в жестяных коробочках танков, за которыми охотились вездесущие орнитоптеры, а приличные господа загодя смылись за кордон, в мир бунгало и виски, а крепкие широкоплечие мужички попрятались по норам.

Потом не стало ни танков, ни горючего. Амеры использовали космический флот, предназначенный для терраформирования Марса. Лиловый туман, затянувший небо над Россией, опустился на поверхность одной шестой части суши и оказался боевым нанопластиком. Народ воспринимал его просто как всеядную плесень…

С проигранной войны люди возвращаются импотентами, как недавно сказал Сержант. И в этом он прав. Если баба не хочет трахаться со своими солдатами, то подставляет пампушку чужим, добавил Сержант.

С юга, где резвились муджахеды, шли поезда с беженцами: визжащие дети, женщины в окровавленном тряпье. Страшный юг начинался уже за Тверью. Но и по опустевшим улицам Питера ветер тащил труху, обрывки бумаги, фольги, всё, что осталось от магазинов, раскуроченных мародерами…

А потом к власти в Питере пришла генерал-губернаторша от Совета Европы, транссексуалка Лера Найдорф.

На город снизошла рыночная благодать. Центр Питера мгновенно был очищен от грязи, плесени и развалин. Город набрал жирок, залоснился, а затем засиял всеми постиндустриальными нимбами. Такого блестящего высотного алмазного нанотехнологичного Сити не было нигде в мире. Громады Сити возникали словно из ничего благодаря богам хайтека. Лера Найдорф успешно торговала лицензиями на свободу. Приезжай и покупай свободу, какую тебе надо. Приезжай, педофил и некрофил, садист и насильник. Купил – пользуйся и потребляй, не купил – скучай. Впрочем, какой ты насильник, если насилуемый согласен и доволен, что заработает за час столько, сколько грузчик за неделю, да и получит страховку от неконтролируемых рисков. В наступившем мире не было места для традиционных задумчивых лентяев, все выжившие вертелись и вертели, кто чем мог.

А Грамматиков пробыл год в лагере для военнопленных, который охраняли прибалты.

Лагерь начался с дезинфекционной камеры. Пленных обрабатывали разными излучениями, чтобы сгорели скин-коннекторы и прочие киберимплантанты. Но в теле Грамматикова горели в первую очередь шарики со спиральками, «имплантированные» при помощи американской боеголовки. Чуть

дуба не врезал. Потом была относительно нормальная лагерная жизнь. Днем – прогулки с мешком на голове, без ремня на штанах между двух рядов проволоки под напряжением. Дисциплинирующие удары резиновыми дубинками по ягодицам и промежности. Ночью – свет, выедающий глаза даже сквозь стиснутые веки. Гуманитарные посылочки от французских дамочек. В посылочке – сладости и презервативы. А потом вот эта психушка – для реабилитации…

– Грамматиков, я не забыл про твой вопрос. Увы, я никогда не играю, я и в детстве я был безумно серьезен, – сказал Сержант. – Но другой вопрос был бы сейчас куда уместнее. А помыла ли баба-демон свои ручки, после того, как оторвала солдатские гениталии? Ведь как сказал пророк: «Когда человек моет руки, ему прощаются грехи, совершенные руками». А после того как плохой солдат лишился своих бубенцов, враги поперли через развалины к нашим позициям. Голые, да простит им Небо это небольшое прегрешение, и невидимые. Что прыгающие, что бродячие мины на них ноль внимания. Наши микроцеппелины со своими сенсорами в упор их не видят… Еще немного и все демоны были бы внутри укрепрайона. Настала бы Эрмитажу крышка, как скажем Купчинскому укрепрайону. Если бы…

Товарищи по палате заерзали, недовольные паузой. Грамматиков, на которого был устремлен пронзительный взгляд Сержанта, спешно зачирикал стилусом по своему мольберту.

Сержанту пришлось продолжать, не дождавшись реакции «смутьяна».

– Если бы не я. Ведь я железно чувствую, когда демоны что-то затевают. Они всегда чего-нибудь затевают. А демоны железно чувствуют, где у нас слабое звено, где трусливый солдат. Поэтому, когда демоны поперли на Эрмитаж, я один вступил с ними в неравный бой. Совсем один в поле воин, родина в лице капитана Кренделевича неизвестно чем занимается. На минуту позже и бомбить врага было бы уже поздно. Но вот в какой-то прекрасный момент капитан проснулся, оторвал мурло от сисек рядовой Ивановой, поднял в воздух беспилотный роторник и… Короче, от демонов одна тушенка с яичницей осталась.

Юный пациент Мурашкин, страдающий от суицидальных наклонностей и лежащий у двери в компании роболягушат для самых маленьких, несколько раз спросил, что случилось в Купчино. Не для протокола парнишка старался, а от возникшего чувства преданности замечательному старому бойцу. Просто современная экранизация «Бородино». Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французу отдана?

А больной Сержант затянулся, назвал Мурашкина салабоном,

после чего принялся жевать и рассказывать набитым ртом про «Купчино».

Мол, он там на следующий день оказался после того, как демоны там порезвились. Ни одной живой души. У всех тел вырезаны почки и поджелудочная железа. Причем вырезали это из петербуржцев еще до того, как они скончались.

Голос Сержанта еще более сгустился сообразно «крутизне» изложения.

– А запустил врагов в Купчино опять-таки танцор или художник. Дозой дешевого наркоинтерфейса, наверное, прельстился. Этот типчик, кстати, уцелел.

– И что вы с ним? – голос юного суицидника еще больше зазвенел от приобщения к таким потрясным тайнам войны.

– А ничего, салабон, поводили его по местам резни, чтобы полюбовался на свою работу… На следующий день сам повесился, никто его пальцем не тронул, хером клянусь. Если не веришь, позвони ему в морг, телефончик дать?

Грамматиков застонал. Большинство пациентов сейчас с радостью хавали рассказ Сержанта, только потому что это звучало классно. Особенно учитывая, что все они лишились в больнице запасов орального наркоинтерфейса и нейрокарт.

– Не было никаких боев с прозрачными демонами и валькириями, Сержант. Даже в Купчино. Это все вам привиделось. Натовцы устроили в Питере образцово-показательную оккупацию для телекомпаний всего мира. Чтобы не было зверств и издевательств, как повсюду, в город не пустили ни муджахедов, ни поляков, ни финнов с прибалтами. В город вошли супернаемники – непальские гурки, понятия не имеющие о русских, и еще много роботизированной бронетехники. Сопротивления почти не оказывалось, потому что наших военных частей в городе не было. Зачем вы пачкаете больным людям кору головного мозга?

– Я ведь и сам больной. Отбросив крайние случаи, все-таки мы можем признать, что безумие является лишь свежим взглядом на вещи. Поэтому я и рассказываю интересные истории, – безмятежно отозвался Сержант. – Понимаешь, я хочу, чтобы сопротивление оказывалось, чтобы враги были изощренны как дьяволы, чтобы наши были героями. И я хочу того, что было на самом деле. Нечего тебе корчить из себя знатока, Грамматиков, раз ты уже первого марта получил американские шарики в задницу. Ты просто не знаешь, что гражданское ополчение «За Пушкина» вынесло гурков вперед ногами, вчистую уделало подоспевших американских рейнджеров, надрало шотландским гвардейцам одно популярное место, благо те носят короткие

юбчонки, всыпало по первое число гайдамакам из ближнего зарубежья, а затем билось против прозрачных демонов до последнего… То, что осталось от Эрмитажа, найдорфские инженеры кое-как скрепили металлорганическим клеем, заполнив пробоины нанопластиком…

– Ау, гренадеры, уже сестрички копытцами цокают. Готовьте ягодицы, – окликнул палату пациент, стоящий на шухере возле двери.

Сержант торопливо выдохнул дым в решетку кондиционера, утопил хабарик в баночке с заплесневевшим джемом, изготовленном еще до войны на лучшей «нанофабрике по переработке жидких отходов», и стал махать несвежим полотенцем, пытаясь разогнать дым.

В палате возникли три медсестры. Старшая, Анна Ивановна, могучая как чемпион по греко-римской борьбе, другая – статная дама неопределенного возраста по имени Надежда и по кличке Скорая Сексуальная Помощь, и третья, новенькая, тонкая и черноволосая, которая прикатила тележку с лекарствами и шприцами. У нее же к рукаву был пристегнут гибкий учетный терминал…

Грамматиков почувствовал, как у него пересохло в горле, чуть ли не склеилось там все.

Да, брюнетка была похожа и на прабабушку баронессу, и на ту самую Веру, которая чуть не изрезала его на куски. Наваждение, симптом болезни, а не смотреть на нее не получается.

Анна Ивановна с тоской побежденного богатыря глянула искоса на плесень, затем втянула воздух, погоняла его в своих могучих ноздрях и осталась им недовольна. В отличие от непобедимой плесени, за испорченный воздух было кого карать и миловать.

– Вот свиньи, – поставила свой диагноз пациентам старшая медсестра.

– Мы как раз говорили о фэн-шуй, искусстве обретения гармонии, – спешно затараторил Сержант. – Мне кажется, что больного Мурашкина надо выкинуть за дверь, чтобы он не мешал поступлению в палату благотворной энергии ци, на месте того калоприемника неплохо бы поставить фаянсовую вазу, а стену надо бы украсить китайской пейзажной живописью, где все появляется и исчезает в бесконечности Дао…

– А ну-ка «цыц», – громовой полубас Анны Ивановны раскатился под сводами палаты. – Кто тут мастер пачкать воздух? Кто нарушал режим, а? На раз-два признавайсь.

– Анечка, – Сержант прокашлялся, – мы все очень любим

режим. А вас еще больше, – игриво добавил он, поводив бровью туда-сюда.

– Что ты там несешь? – уже без ненависти спросила женщина.

– Любовь – не вздохи под скамейкой и не покупки при Луне, – неряшливо процитировал Сержант. – Лично я курю, пью и занимаюсь сексом только при помощи своего богатого воображения.

Грамматиков отметил, как быстро сосед легли на волну, приятную самой важной больничной даме.

– Твое счастье, солдафон, что ты невменяемый, – голос старшей сестры несколько смягчился. – Но если еще раз устроишь перекур, схлопочешь от меня в ухо и это окажется пострашнее любого психзаболевания. Я не хочу из-за тебя перед начальством краснеть, понял. А сейчас быстро приклей датчики на торец обратно.

– Не извольте сумлеваться, ваше превосходительство моё, – отчеканил Сержант. – Не посрамлю, рад оправдать доверие, буду честно оздоравливать свой микроорганизм…

– Умолкни, пупсик, а то клизму поставлю, сифонную. А вы, девочки, начинайте творить, чего его слушать, олигофрена.

Сестра Надя меняла судно, кому надо, проводила экспресс-анализы крови и замеры температуры с помощью сканера глазной сетчатки. Не забывала и пощекотать пациента, если видела, что требуется. Сестра-брюнетка разносила таблетки, делала уколы и ставила капельницы. Руки новой медсестры работали быстро и сноровисто, почти как у робота, но она словно не замечала веселых взглядов, отстреливаемых палатой в ее сторону.

– А почему эти самые прозрачные демоны смерти не боялись? – не желая терять даром время, спросил у больного Сержанта больной Мурашкин со своей койки у двери. Роболягушата смертельно ему надоели, так что он загнал их под подушку, откуда время от времени высовывались пупырчатые лапки.

– С чего им боятся? Они ж уже не люди, а переформаты, – бойко ответил Сержант и попытался переключиться на брюнетку. – Сестра, а можно вам комбинашку подарить? У вас какие размеры?..

– Что значит – переформаты? – не унимался Мурашкин.

– Один дурень может столько вопросов задать, что сто мудрецов с докторской степенью не ответят, – скупо отозвался Сержант. – Переформаты, и все тут.

– Но они настоящие или виртуальные? – попробовал щегольнуть знаниями Мурашкин.

Чрезмерная наивность собеседника не понравилась сержанту.

– Как же, виртуальные. Ноль очков, пастушок. Мясные, такие же как и мы. Только тело у них более приспособлено для войны.

– Благодаря киберимплантам?

– Это – вчерашний день. Их тело – обитель злых духов, приходящих из Бездны. Для них все атомы и молекулы, нуклеотиды и белки, из которых мы состоим – просто детский конструктор. Если вспороть демону брюхо штыком, то он издохнет и потеряет прозрачность, тогда увидишь, что внутри него ползают черви, длинные и тонкие. Это и есть те самые духи… Пациент Грамматиков, что вы кашляете как простуженный бультерьер?

– А эрекция у демонов когда? – задал Мурашкин свой больной вопрос.

– Эрекция для понта – всегда. Лежит труп демона, а у него кое-что колом стоит. И усами шевелит, ха-ха.

Грамматиков почувствовал, что ему полегчало. Сержант наконец разменялся на полный бред, если бы еще черноволосая медсестра свалила и больше не появлялась…

– Я тебе дам эрекция, – отозвалась старшая сестра по долгу службы. – С эрекцией быстро отправишься к главврачу. Он тебе пропишет ведро брома в задницу.

– Тогда, друзья, я умолкаю, – нарочито испуганно произнес Грамматиков. – Никакая правда того не стоит, чтобы за нее страдать задницей. А ты, Мурашкин, дави свои прыщи и не занимайся провокациями.

Брюнетка посмотрела на Грамматикова и внутри него словно проползла змейка. По счастью, долго смотреть новая медсестра не стала и ушла раньше, чем остальные сестры.

– Больной Грамматиков, в десять часов явиться в процедурный кабинет. Ты ж рисовать умеешь. Покажешь, на что способен? – сказала Надежда напоследок и, крутанув боками, исчезла за дверью.

Сержант проводил пытливым взором круглую надину попу.

– Э, почему не я? Почему этот негодный маляр Грамматиков? Я ведь тоже талантище, умею выпиливать лобзиком.

Больной Грамматиков заскрипел пружинами своей койки, демонстративно натягивая тощее одеяло до самого носа. Впрочем разговор превратился для него из неприятно проникающего в сознание в докучливый, остающийся где-то на периферии. И вдруг покой был снова нарушен.

– А между прочим, брюнеточка – та самая баба-демон, которая оторвала нашему солдату гениталии, – сказал Сержант. – Не знаю, как этот пацифист Грамматиков, а я обратил внимание на ее ладные ручки. Сдобренная порохом мозолька проглядывает.

Как у тех людей, который не столь давно постреливали в нас из автомата? Интересно, что ей здесь понадобилось?

2

Надо было что-то предпринять. Для начала Грамматиков решил переговорить со старшей медсестрой. Неужто нет способа перевести Сержанта в другую палату, к буйным, к Наполеонам и Гитлерам? Он же заражает всех остальных пациентов этим милитаристским бредом про бои с прозрачными демонами. Это вообще против устоев и законов нашего мирного терпимого свободного общества.

Но старшая медсестра лишь высмеяла Грамматикова. В больнице института Бехтерева, существующей на остатки обязательного медстрахования, лишних палат нет. И наполеоны лежат вместе с простыми депрессантами.

И вообще у Сержанта большой прогресс. Поступил апатичным, ни на что ни реагирующим, под себя гадил. Но благодаря применению психотропных наноинтерфейсов и игровым методикам доктора Краснопольского, больной стал снова напоминать человека. Ну, бредит он, бредит, поэтому и лежит пока что в психушке и никак не досаждает нашему мирному терпимому свободному обществу…

Старшая сестра, явно желая поскорее закрыть скользкую тему, резво снялась с места и убежала по делам. Зато в сестринскую пришли Надя с брюнеточкой. Скорая Помощь активно вступила в разговор о том, о сем. Новенькая же, полуотвернувшись, копалась в шкафу с документацией. Она вообще никак не реагировала на его присутствие, но он сразу же почувствовал…

Нежная тьма южной ночи, плоды, накапливающие сладость солнца, дурманящая прохлада источника в оазисе, аромат недолговечных цветов, и знак праматерей, Евы и Сары, лоно, рождающее волю и веру…

Не смотря на бодрое тарахтение и призывные улыбки Надежды, Грамматиков стал пятиться к двери.

Наконец он выскочил в коридор и поспешно закрыл дверь. Прислонился к стене, пытаясь понять, что произошло.

Это не могло быть игрой художественного воображения пациента, страдающего от пролежней и неврозов. Присутствие брюнетки было слишком напрягающим. От нее как от паучихи исходила паутина тонких флюидов, проникающих под кожу, сладко входящих в кости, в ткани, властно оплетающих его мозг,

легкие, желудок. Все также, как и год назад, когда Вера хотела выудить из него коды доступа.

Сигналы от брюнетки проходили, не воздействуя на его органы чувств! Если отбросить измышления о сверхчувственном восприятии, остается последнее объяснение. Включились тайные нейроинтерфейсы, год проспавшие в его мозгу, они отобразили эти сигналы в виртуальном окне, превратив их в понятный разуму символ – в свет без тепла и цвета, пронзительный и емкий. Свет не солнца, а Бездны.

3

По счастью на территории больницы было где погулять. И даже посидеть, посмотреть на «алмазное небо»[2] , показывающее рекламу над Сити. Впрочем рекламных надписей отсюда не видно, только сполохи, похожие на северное сияние, и обрывки фраз: «одно…нежное прикосновение… и вы забудете о геморрое…»

Двор был изрядно запаршивевшим, влажным, облепленным плесенью, но это было лучше, чем палата.

Грамматиков выбрал местечко, закрытое с одной стороны мусорными баками, с другой – разросшейся нанопластиковой колючкой, сел на ступеньки, ведущие к заколоченному входу на пятое отделение. Достал кибермольберт. Закрыл глаза. На секунду ему показалось, что он сидит в подвале, а вокруг бродят смертоносные невидимки. Тьфу, бред Сержанта заразным оказался.

Тут кто-то пихнул его в затылок.

Сзади стояло двое. Пациенты эти были в пестрых маечках, несмотря на холодный мартовский дождик. Один парень – бритый, с большим количеством дермальной фотоники, которая превращала его в живой экран для демонстрации порнофильмов. Другой – с приторной улыбкой извращенца и длинными белыми волосами, которые у него росли почему-то еще на плечах. Может, геночип оказался дефектным, а может так и было задумано.

Прямо под кожей предплечий у обоих парней будто змейки ползали… Это ж, черт подери, олигофрены из лечебно-трудового профилактория.

– Эй, балеринка, это наше место. – сказал «мохнатый», а его товарищ почему-то проверил содержимое своего носа без помощи платка.

Грамматиков поднялся.

– Да я не претендую. Вы тут отдыхайте, товарищи, а я пойду

потихоньку на ужин.

– На ужин далеко ходить не надо, птенчик. Мы тобой и здесь поужинаем. Ты ведь нам задолжал.

В груди образовался и быстро разрастался провал страха, в мигом опустевшей голове рикошетила лишь одна нехитрая мысль. «Я пропал, я пропал, я пропал».

Из-за мусорных баков появился Сержант и Грамматиков со стыдом убедился, что рад ему, как щенок.

– Вас представить? – немедленно включился Сержант в «беседу». – В левом углу ринга – начинающий маляр. Я всё правильно сказал, Андрюха?… В правом углу, художники-импрессионисты, которые умеют профессионально рисовать незабудки на чужих лицах.

Несмотря на положительную характеристику, «мохнатый» не согласился.

– Эй, мужик, ты че, совсем оборзел? Какие мы тебе художники-сионисты? Мы – нормальные пацаны.

– Ну да, нормальные пацаны. Как Ахилл и Патрокл. Да, волосатый качок – точно Ахилл, вернее Брэд Питт после успешной лоботомии… Грамматиков, у них силопроводы. Это такие синтетические мышцы из миозин-резины в контриммунной упаковке.

– Э, кончай базар, и вали по быстрому отсюда, ты нам не должен, – противно акая, сказал «Ахилл» Сержанту.

– Всему городу было известно, что психиатрическая больница для бедных – плохое место. Что городские власти маринуют тут изрядное количество обычных бандюг. Им разрешили порезвиться во дни воцарения свободы в самом городе, а теперь держат здесь, и тоже не случайно. Чтобы прессовать врагов демократии, вроде тебя, Андрюша, – негромко продолжил Сержант.

– Хорошо, дядя, постой тут, мы найдем и для тебя занятие, – сказал Ахилл Сержанту и, подойдя вплотную к Грамматикову, задышал в ухо. – Или ты надаешь по рогам этому фраеру, или я займусь твой шоколадной дырочкой, красавчик.

– Чем меньше способностей, тем больше потребностей, всё по Карлу Марксу, – прокомментировал Сержант. – Эй, молодежь, у меня есть кое-что для вас. Кто хочет закинуться на халяву? Готов поделиться. И не потому, что я такой щедрый – не будь у нас жадности, мы бы напоминали автомат по продаже попкорна. Это я, скорее, из уважения к Гомеру. «Слушай, богиня, налей Ахиллесу, Пелееву сыну.»

– Ну, чего там у тебя? – не без интереса отреагировал Ахилл.

– Доза порнушного наноинтерфейса, прием оральный, всего лишь двадцать минут он добирается до твоих лимбов, а потом

улет, стоны без конца, – с рекламным напором, но без надрыва предложил Сержант. Он улыбнулся облакам, как будто там его ждали более важные дела.

Предложение Ахиллу не понравилось.

– А двести двадцать не хочешь? Ошибся адресом, мы тебе не глюколовы и не онанисты. Мы – спортсмены, понял? И от того, что нас здесь маринуют, мы кислее не стали. Так что, труп, подожди пока мы вденем твоему красавчику в задний разъем. Потом мы и с тобой определимся.

В знак чего-то молчаливый Патрокл снова запустил палец в свою ноздрю.

– Ковыряющий в носу да отыщет. А вообще содомия стара как мир, и неплохо переживает все потопы, – дал историческую справку Сержант, рисуя что-то прутиком на земле. – Однако наблюдается прогресс и в этом деле, пидорасы-модернисты вшивают в член целое нанохозяйство – помпочки, процессоры, сервера…

– Я весь в нетерпении, – Ахилл, сопя, подталкивал Грамматикова к дециметровым шипам забора. – Так ты девочка или все же пацан?

– Вот так в подсознании людей выжил древний обряд инициации, – академическимм тоном сообщил Сержант. – Сделай какую-нибудь пакость и ты превратишься из мальчика в мужа. Иначе тебя опустят. Как много красивых старых обычаев сохранилось в уголовной среде. Наша современная либеральная культура позволяет им быть такими, какие они есть. Развратными, грязными, злыми.

Приближающаяся физиономия Ахилла источала гниль изо всех щелей. Грамматиков подумал, как бы он мог нарисовать свое отвращение. Зеленовато-желтые потеки на сером фоне…

– Так ты все-таки девочка? Сладкая моя, хочешь родить от меня маленького? Тут, на зоне, есть специалист, которые умеет превращать мужские половые клетки в яйцеклеточки…

Грамматиков чувствовал, как снова вязнут его руки и ноги, теряют связь с мыслями, скачущими в голове.

– Грамматиков, ты не девочка, ты ещё хуже, – взгляд у него Сержанта был ленивый и как будто безадресный. – Ты настоящая спящая царевна. Проснись, наконец. Надо драться. Надо обижать людей, хоть это совсем неинтеллигентно. Ты же говорил, что твоя мамуля была оперативником МВД и мочила бандитов в сортире.

Спокойствие Сержанта неожиданно распространилось на Грамматикова. Даже ощущение такое появилось, будто его качает на своих волнах Бездна, из которой выплывают миры-левиафаны. И эти левиафаны для Бездны не более, чем едва заметные

пузырьки.

Волна вынесла Грамматикова на больничный двор, как на берег морской. Грамматиков почувствовал и легкость, и могущество, как капитан эсминца. Напор чужой воли, который до этого момента сминал его, вдруг исчез, превратившись в грязь под ногами.

Перед ним был всего лишь тонкий мир, похожий на бензиновую пленочку, расплывшуюся по поверхности океана. И грозные враги стали тоже тонкими, худосочными…

В следующее мгновение Грамматиков всадил правый локоть в мягкий от неожиданности живот Патрокла, стоящего позади, а тылом кисти заехал в нос Ахиллу.

После этого Грамматиков обернулся. Ахилл еще постанывал и закрывал лицо руками. Он был ошеломлен, шокирован, оскорблен. Вместо весьма отработанного спектакля, приносящего «невинные» радости, он подвергся жестокому и вероломному нападению. Но Патрокл уже выходил из согнутого состояния и пытался принять боевую стойку. Даже сейчас дебиловатая улыбочка плыла у него по физиономии. Под толстой кожей его пальцев явно проглядывались расширяющиеся металлические кольца.

– Упади, Андрюха, – шепнул Сержант, – и что-то потянул у себя изо рта.

Грамматиков удивился, но послушался. Над ним что-то свистнуло и Патрокл, хрипя, расстелился в грязи. Ахилл попытался припечатать Грамматикова ногой, но тот, неожиданно для себя, впился в нее зубами, получив в ответ протяжный вой. От боли Ахилл даже забыл про приемы уличной драки, которые ему приходилось использовать на начальных этапах своей «трудовой» биографии, вплоть до достижения определенного статуса в уголовной среде.

Ахилл, наконец, вырвал свою ногу, чтобы влепить ее в в живот тощего «педика», раздавить все там в говно, а потом ухватить это хилое горло и большим пальцем выдавить эти выпуклые рыбьи глаза.

Но Грамматиков не дал осуществиться этим мечтам. Он перекинул себя вперед брейковским толчком от земли, а потом резко крутанувшись вбок, стригущим движением своих ног подсек Ахилла и проставил ему «штамп» на черепе каблуком ботинка. Потом ещё раз двинул Ахилла по голове – хорошо было слышно как лязгнули зубы пацана.

Грамматиков попытался снова врезать противнику, но тут кто-то оттолкнул его.

– Эк тебя колбасит. Остынь, выключи софиты, интервью

окончено.

– Я не знаю, как…. – сразу застеснялся Грамматиков.

– А я знаю. Ты – консервированный берсеркер в собственном соку.

Грамматиков сплюнул, но на языке остались как будто волосы с ноги. Хотя он понимал, что это всего лишь остатки ткани от вражеских штанов, его чуть не вытошнило. Ахилл и Патрокл тем временем ползли к дальней стене, полностью сосредоточившись на своих проблемах. А Сержант что-то прятал себе в рот, попутно проверяя прикус. Потом пояснил.

– Вставная челюсть с расширенными возможностями. А натуральные зубы, друг мой, высадил мне прикладом один милый демон, мир его праху…

Грамматиков прокашлялся, ситуация оставалась не слишком комфортной. Мучитель Сержант и вдруг в роли напарника.

– Наверное, я пойду. Спасибо.

Грамматиков повернулся, чтобы поскорее оставить поле битвы, но Сержант хлопнул его по плечу:

– Пожалуйста. Тем более, что ты сегодня повел себя не как мальчик, но муж, достойный распевок акына Гомера.

Сержант достал из кармана бумажку для самокрутки.

– Может, забьем косячок? Я угощаю.

– Нет, извините, это не в моем вкусе.

– Ну, может позволишь дать тебе совет? Я ведь теперь на правах твоего нового друга. После того как нас не удалось поломать грубо физически, враги могут использовать новые более хитрые методы. Не принимай на ночь маленькую желтую таблетку, которую принесет медсестренка. И вообще будь внимательным, как будто уши и глаза у тебя выросли на всех местах.

4

– Эй, нарисуешь меня, ван-гог ты наш болезный? Или предпочтешь отрезать себе ухо и другие органы в придачу? – спросила Надежда, перехватив Грамматикова в больничном коридоре.

– Конечно, Надя, о чем разговор. Через пару минут. Хотя я, скорее, не Ван Гог, а Малевич.

В дальнем конце коридора появилась брюнетка и Грамматиков чуть ли не втолкнул Надежду в процедурный кабинет, сам влетел следом и поскорее закрыл дверь.

– Не торопись, котик, – промурлыкала Надежда. – Без моего

портрета ты далеко не уедешь.

Медсестра воспользовалась сеансом позирования по полной программе. Занимала позы все более соблазнительные, пока Грамматиков не взмолился, чтобы она наконец угомонилась. «Угомонилась» Надя, лежа на диванчике с соблазнительно приоткрытыми ляжками. Один к одному Луизон с картины рококошного Франсуа Буше. Кое-что шевельнулось в душе больного, да и пониже, приглашение-то было недвусмысленным.

Может у него и в самом деле все проблемы от сексуальной неудовлетворенности? Все-таки две ночи, проведенные с женщинами за всю жизнь, это явно недостаточно.

– Алё, чего задумался? Полный вперед, – поторопила его Скорая Помощь.

– У меня там… после операции заплатка…

– Вот дурачок. Я же медсестра, сделаю всё сама.

Она взаправду сделала почти всё сама. Едва ее руки оказались в области его гениталий, Грамматиков отреагировал с той же быстротой, что и тюбик, на который надавили ногой. Но опытная Надя-кудесница не угомонилась и, оседлав пациента, заставила его отреагировать еще раз, с большей пользой для себя…

Сбросив портрет «Луизон» через радиопорт мольберта на терминал восхищенной медсестры – радуйся теперь без меня – Грамматиков вернулся в палату. Улегся в койку и почувствовал что-то вроде злобы.

Вместо таинственной брюнетки, ему словно подсунули простую как копейка бабенку, придуманную в небесной канцелярии для услаждения примитивов типа Сержанта. Чего стоят одни только буфера, размером с приличную дыню, которые трясутся над тобой словно на пружинках. Однако, эта бабенка так нехило отбомбилась, что… хочется повторить, – с огорчением признался себе Грамматиков. Также как Сержанту и любому другому павиану.

5

Маленькую желтую таблетку принимать Грамматиков не стал. Посмотрел как извиваются ленточки с цепким нанопокрытием, предназначенным для мучительной казни мух, нарушительниц больничной границы, и задремал. Вернее, опустился в пустые глубины мира, где плавает лишь рыба-левиафан… Около полуночи Грамматиков проснулся от скрипа половиц.

По палате шла сестра-брюнетка. Даже не шла, а почти что летела. Вначале ему показалось, что она направляется к нему, но потом взгляд его сфокусировался, привык к бледно-серому свету изношенных фотонических обоев и он понял, что ошибся. Медсестра была уже у койки, где с молодецким посвистом храпел Сержант.

В руке медсестры был шприц. Почему укол, почему сейчас? Что там с Сержантом могло стрястись?

Движения брюнетки были легки и точны как у потомственного вампира, нацелившегося на кровеносный сосуд потомственной жертвы.

Но тут одеяло пациента откинулось и на медсестру посмотрело дуло здоровенного армейского пистолета сорок четвертого калибра.

– Здравствуй, детка, – Сержант послал воздушный поцелуй. – Может быть, займемся любовью за шкафчиком? Ты Камасутру читала? Позу вешалки знаешь?

– Ой, – тихонько пискнула брюнетка. Валькирии и демоницы так не пищат.

– И как ты думаешь, где я прятал своего «Стечкина»? Все правильно, мое судно – моя крепость. Я еще не мочусь и не какаюсь под себя, как некоторые свободолюбцы. По этому поводу пророк абсолютно правильно сказал: «Поистине больше всего наказаний в могиле будет от мочи».

Сержант полностью отбросил одеяло и сел на койке. На нем были бутсы, штаны и майка. Он оглянулся и заткнул пистолет за ремень.

– Грамматиков, сдается мне, что ты не спишь, поэтому вставай и во всем слушайся меня… А ты, киска, положи свой шприц вот сюда. И учти, хороший сержант не уступает хорошему демону по скорости реакции.

Девушка положила шприц на столик рядом с койкой, не отрывая взгляда от рукоятки пистолета, заткнутого за пояс Сержанта.

– Теперь разворачивайся, – Сержант встал с койки, подхватил шприц и шлепнул послушно повернувшуюся медсестру пониже спины. А затем сделал ей укол прямо через ткань.

– Надо отметить, господа, что при такой худобе у нее весьма спелая попка. Как персик, я бы сказал. Ну, красотка, давай, танцуй вперед, в ритме вальса, раз-два-три.

– Вы не имеете права, – поднялся с койки и заторопился следом Грамматиков.

Произошло. Включился страшный озлобленный маньяк, военный преступник-психопат, который до поры до времени

дремал в мозгу Сержанта. Сейчас больной начнет колбасить, а потом убивать и ловить кайф от этого.

– Значит, ты собрался следить за нарушениями прав вот этого полудемона-получеловека, – буркнул Сержант. – А я тебя, между прочим, за дисциплинированного соратника держу. Так что изволь исполнять приказы. Больничную чип-карту не забудь захватить. И туалетную бумагу.

Около выхода из палаты стоял здоровенный небритый медбрат породы шкаф. «Вот сейчас-то все и закончится для Сержанта», – подумал Грамматиков и приятное ожидание повеяло как свежий ветерок. Но потом… все произошло быстро и, наверное, для Сержанта, даже весело.

Он, используя Грамматикова, как опору, ударил медбрата два раза, ногой, в челюсть. А потом еще был третий удар – рукояткой пистолета по затылку.

– Третий удар – контрольный, для надежности. А теперь затащи этого коллаборациониста в туалет, – велел Сержант Грамматикову. – Только не лишай его там невинности.

И хотя пол был гладок и как будто годился для волочения большого тела, эта процедура заставила Грамматикова облиться потом.

А затем он поплелся за Сержантом и медсестрой по коридоре и ощущение беспомощности заставляло его вибрировать. Орать «рятуйте, люди добры» – не по-мужски как-то, да и Сержант может психануть и открыть пальбу…

6

– Все очень просто, – сказал Сержант, подталкивая Грамматикова и девушку к лифту. – Вот наша трофейная медсестренка с пальчиками, подходящими для дактилосканеров на дверях, вот её смарт-карта, вот ты, раненый боец, пробитый вражескими шариками. То есть, учитывая изменившуюся международную обстановку, шарики уже теперь дружественные, несущие свободу и демократию. Но в любом случае, тебя нужно препроводить на хирургию в соседнем корпусе. Я – помогающая сила. Крепкий, но не буйный. По крайней мере, отсюда мы должны выйти… А ты, киска, давай прикладывай пальчики к сканирующей панели, и делай это безо всяких фокусов.

Полуобвисшая девушка исполнила приказ в точности и дверь впустила их в лифт.

В кабине не было панели с кнопками этажей, только сенсор карточного считывателя.

– Это мне не шибко нравится, – пробормотал Сержант, проводя чип-картой медсестры перед сенсором. – Но, думаю, мы договоримся.

В этот момент световая вспышка заставила его моргнуть и ругнуться.

– Это всего лишь попытка опознания. Отпечатка вашей радужки в базе нет, возможно потому что вы – новенький. – Мелодичный бесполый голос исходил непонятно откуда, вернее от акустической решетки, вделанной в стенки лифта. – А что вы так удивились, больной? Я кибероболочка всего этого режимного лечебного заведения. Итак, почему вы не спите?

– Медсестра ведет пациента Грамматикова на хирургическое отделение, – доложил Сержант. – Я – просто сопровождающий, поддерживаю парня, чтобы не упал. Он совсем плох.

– Да, эта девушка – штатная медсестра, идентификационный номер Омега-Ноль-Два, опознание совершено по интракорпоральной радиометке.

Лучик света ударил и в глаз Грамматикова, аж тот подпрыгнул.

– Добрый день, Андрей Андреевич. Оптический анализ крови, протекающей через сосуды сетчатки глаза, показал, что у вас несколько повышенная температура. Обнаружены и маркеры, свидетельствующие о приеме болеутоляющих средств. Как вы себя чувствуете?

Сержант пребольно пихнул Грамматикова и тот вяло подтвердил:

– Мне нужен хирург.

Кибероболочка, как будто поразмыслив еще немного, двинула лифт вверх и остановила на третьем этаже.

– Вы должны вначале поставить в известность главного врача. Он до сих пор на работе.

– Ладно, Грамматиков, выходим, главный так главный, – прошипел Сержант. – Бери красотку под руку и двигай с ней впереди меня в виде «сладкой парочки»…

Сестра теперь висла на руке Грамматикова, то и дело норовя упасть. При столь тесном контакте, весила она уже не как субтильное создание, а как приличный мешок картошки. Зато никаких сигналов не источала, отчего Грамматиков ощущал постыдную радость.

Мимо по коридору продефилировал какой-то врач, но, похоже, не обратил внимания на «сладкую парочку».

– Грамматиков, ты видишь, сонные девушки не такая уж редкость в нашем медштабе. А теперь стоп. Мы оказались в точке бифуркации, – сказал Сержант у двери с надписью «Главный врач.

Краснопольский А.М.».

Дверь открылась и сержант втолкнул сестру и Грамматикова в кабинет. Затем шагнул сам и закрыл дверь.

Доктор Краснопольский поднялся из-за стола. Хорошо упитанный мужчина немалого роста.

– Милочка, что с тобой? – спросил он с забавным западнославянским акцентом.

– Не что, а кто. Статуя командора уступила мне место в очереди, – Сержант выдвинулся из-за девушки и помахал стволом.

7

– Я знаю, пациент, что этот пистолет не настоящий, вы вырезали его из дерева на занятиях трудотерапией и покрыли микросхемной краской, имитирующей текстуру металла.

– Конечно, док, – охотно согласился Сержант. – В нашем заведении принято дурачить друг друга.

Через минуту после начала «приема» для доктора Краснопольского случилось непредвиденное. Его голова была зажата между полом и ногой Сержанта на манер сэндвича.

Сестра обмякла на стуле, а Грамматиков почувствовал, что у него нет сил не то, что на драку, но даже и на крик. Наверное потому, что ему стало смешно. Ввиду немалых габаритов доктора казалось, что на полу лежит яйцо бронтозавтра.

– Я достаточно крепок, как вы наверное уже заметили, поэтому могу надавить посильнее и причинить вам довольно неприятные ощущения, – сказал буйный псих Сержант. – Или, может, вы не чувствуете боль?… Кстати, Грамматиков, не вздумай рыпнуться, иначе я сверну доктору шею.

– Что вы хотите? – проскрипел Краснопольский, явно страдающий от неудобства своего положения.

– А ничего особенного. Просто вы позвоните сейчас на пост охраны внизу, распорядитесь, чтобы человека с моим именем выпустили наружу. Вы тут хозяин-барин, вас послушают. Это же обычный офисный этаж без особой охраны, а не отделение, набитое буйными антисоциальными психами.

– Но у меня телефон в другом кабинете.

– Звоните с мобильного, который у вас в кармане, потом пришлете мне счет.

– Хорошо, только отпустите мою голову.

Краснопольский уселся за стол, приглаживая волосы. Достал из кармана мобильник.

– Даже не пробуйте включить видеокамеру у мобилы, – предупредил Сержант, заодно шаря в карманах доктора и поправляя ему воротник. – И чтоб я видел ваши руки. Сейчас у всех нормальных людей есть скин-коннекторы, не правда ли.

Позаимствованную у доктора жевательную резинку Сержант положил к себе в карман, а кредитную чип-карту перебросил Грамматикову, мол, теперь и ты в доле.

– Хорошо, хорошо, – доктор попытался избавить свой ворот от руки Сержанта. – Больной… Дружище, зря вы так. Вы же на пути к выздоровлению. Мы еще не закончили корректировку вашей психики. Мы вытащили из вялого апатичного состояния, но чтобы снова стать членом нашего гармоничного свободного общества – надо еще поработать. Вы слишком агрессивны.

– Агрессивность – это не болезнь, – сказал Сержант, опасно застыв у доктора за спиной, отчего тот инстинктивно пригнул голову и положил одну руку на затылок.

– Да, да, конечно, но это симптом болезни. Война как будто не закончилась для вас…

– Чего ты гонишь, Краснопольский, это просто воспоминания. Короче, звони.

– Выслушайте меня, ради бога. Личина героя становится сильнее вас, она захватывает ваше «Я». Существование этой личины, во многом непохожей на вашу подлинную личность – результат действия компенсаторного механизма. Вместо тех реальных врагов, которые побили нашу армию, вы выдумываете каких-то сказочных демонов…

– Это у тебя сказки дедушки Фрейда, – Сержант дал доктору легкого подзатыльника, а тот хоть и скривился, однако продолжал разлагольствовать.

– Скорее дедушки Юнга. Так вот, компенсация – функциональное уравновешивание чувства неполноценности при помощи компенсирующей психологической системы, которую можно сравнить с компенсирующим развитием одних органов при неполноценности других органов.

– Нехорошо, доктор, обзываешься, – сказал Сержант и с чувством повторил подзатыльник. – У меня пока все органы на месте.

– Ваша психика создала эту личину в силу определенных психотравматических причин. И если ваша личность ищет способы скорейшего излечения и перехода к нормальной жизни, то личина продолжает воевать, она словно не знает, что война закончилась бесславным поражением с сухим счетом…

– Как это с сухим? – желваки на скулах Сержанта заиграли твердостью. – Ничего еще не закончилось, док. Поэтому

конкретные пацаны хотели опустить Грамматикова, а твоя медсестра-демоница собралась меня грохнуть сегодня…

– Вот еще один симптом, больной, – радостно воскликнул доктор Краснопольский. – Эта девушка имеет отличный послужной список. У нее прекрасные умелые руки…

И тут Грамматиков заметил, что медсестра делает ему какие-то знаки. Даже не руками, а глазами. Он прекрасно чувствовал ее глаза, и что-то в его теле уже отзывалось на них. Медсестра как будто предупреждала, что сейчас что-то произойдет.

– Этими прекрасными умелыми руками она еще недавно дырявила головы наших партизан. Можешь мне поверить, Краснопольский. Глянь-ка на ее «трудовые» мозоли. Таскание горшков таких мозолей не заработаешь. А вот стрельбой из автомата…

И тут свет погас, одновременно раздался крик Сержанта «суки, порву». Грамматиков слышал грохот мебели, звуки ударов и падения тел.

Сзади открылась дверь, но тут же массивная тумбочка разнесла оконное стекло. С протяжным воплем кто-то вывалился из окна.

Грамматиков оглянулся назад – в дверном проеме стояло двое санитаров и явно не могли еще приспособиться ко мраку. Какое-то тело лежало около подоконника – судя по габаритам, доктор Краснопольский.

Грамматиков сделал шаг вперед, привстав на тело доктора и опираясь на подоконник, выглянул наружу.

Под окном, метрах в десяти внизу, была несколько погнутая жестяная крыша гаража.

– Эй, психованная вонючка, – окрикнул кто-то из санитаров с заметным прибалтийским акцентом. – Ну-ка, отойди оттуда по быстрому.

И вдруг в мозгу Грамматикова блеснула картина. Он уже один раз выпрыгивал… В настоящую бездну, не сравнить с жалким десятком метров как здесь…

И, слегка согнув ноги, Грамматиков толкнулся. Легко перемахнул через подоконник, уходя от клейкой мономолекулярной сети, отстреленной санитарами, и с воплем, соединяющим ужас и восторг, ухнул вниз.

Глава 3
Вместо войны

1

Несколько часов он колесил по городу в чреве машины по вывозу мусора. Он забрался туда неподалеку от психушки и провел все путешествие практически без сознания из-за перегрузки обонятельных и осязательных рецепторов. Однако чрево наградило Грамматикова курткой и ботинками какого-то рокера, видно отправившегося на встречу с богом тяжелого металла. Куртка была прошита углеродным волокном и украшена аппликациями на вечные музыкальные темы. Аппликации были по совместительству наноактуаторами жесткости и могли превратить куртку в настоящий доспех. Ботинки снабжены мэйларовыми носами и жидкокристаллическими ударопоглотителями в подметках…

Не смотря на крутой вид, Грамматиков забился в знакомый ему с детства подвал, во дворе родного дома.

Спустя два часа из своего укрытия Грамматиков увидел, как старая женщина выносит мусор. Это была его мать. Несмотря на всем известные достижения технологий – продвинутый молекулярный конвертер для мусора и более простой мусоропровод в доме стабильно не работали. Может, потому что район – плохой, слишком уж далекий от алмазных башен Сити.

Грамматиков посмотрел на окна своей квартиры. Третий этаж, слева от лестницы. Год назад он свалился с крыши дома и остался жив. На том чудеса и закончились. Начинка из шариков и спиралей в живом теле – это так несправедливо и так больно. Правда боль укрепляет волю…

Он должен не просто вылезти из уютной щели, но еще подняться по лестнице и позвонить в дверь с табличкой «Грамматиков»…

Грамматиков выбрался наружу через узкое подвальное окошко, столь знакомое местным котам, и пошел по двору. Напряжение было такое, словно ему на макушку должна была вот-вот свалиться бомба.

Железная дверь подъезда, хоть и с замком, сканирующим отпечатки пальцев, была незатейливо распахнута. Сопливые борцы за свободу и их подружки хотели встречаться безо всяких хлопот. Из черного проема подъезда, как и следовало ожидать в

подобных случаях, несло мочой. Все как обычно, не смотря на беспрерывный технический прогресс, а также гармонизацию всех сфер жизни благодаря системе лицензирования свобод.

Грамматиков направил себя вверх по лестнице. По немытой десятилетиями, истоптанной крысами, излеженной алкоголиками, иссиженной пацанами лестнице, которая сейчас ему показалась чужой и враждебной.

В данный момент, конечно, пригодилась бы доза наркоинтерфейса, снимающая страх и бздение, но горсть мелочи – все что удалось получить по украденной чип-карте, которая тут же была заблокирована – это все его запасы…

Ноги казались ему сделанными из толстых стальных прутьев вроде тех, которыми когда-то армировали бетон. Словно сдавленное в жестяной коробке натужно билось сердце. А еще Грамматикову показалось, что кто-то вместе с ним вошел в дверь и поднимается следом по лестнице. Но в его положении не стоило обращать внимание на подобные мелочи.

Вот и дверь квартиры, под краской проглядывается надпись, которую он процарапал своим первым перочинным ножиком. «Андрюша уже не маленький». В тот день семилетний Грамматиков за счет нехитрых приемов увидел трусики у своей классной руководительницы…

Выпуклый глазок видеокамеры раскололся, наверное, под напором «сил свободы» в дни падения старого Питера.

Табличку с именем, похоже, кто-то уже пытался свинтить.

Грамматиков поднес руку к звонку.

Черная с выщербинками (как они могли образоваться?) кнопка тянула его пальцы к себе как пылесос.

Но Грамматиков не смог надавить на нее, хотя чертовски давно не был дома. Если его ждет засада, то именно здесь.

Грамматиков снова спустился на первый этаж, и выглянул через дверь, полупрозрачную из-за плесени.

Как снова выйти на этот замкнутый пятачок двора, где он будет представлять собой такую удобную мишень для стрелков, находящихся на верхних этажах…

Чёрт, какие стрелки, какой пулемет? Стоп, отставить этот заразный солдафонский бред, источником которого был невменяемый Сержант.

Я – мирный, трусливый, спокойный, вернее очень психованный, но от этого еще более мирный интеллигент, всего навсего удравший из психушки. Да, побывавший на войне, но никак не отличившийся, обычное пушечное мясо.

На него сегодня не охотятся снайперы и ракетчики, за ним максимум явится наряд из санитарного отдела полиции.

Упакуют и увезут обратно. И пусть там его залечат так, чтобы он забыл про техножизнь. Да и зачем ему этот бред? Если она когда-то и начнет развиваться, от техноинфузорий, к технодеревьям и технодинозаврам, то он к этому не будет иметь никакого отношения.

Грамматиков дошел до мусорного бака и начал копаться в мусоре, который выбросила его мать. На глаза попался обрывок вчерашней газеты. Мама все никак не может запомнить, что в послевоенном постиндустриальном мире газеты не нужно бросать в мусорный бак, что они съедобные, и обладают химическим составом и вкусом, соответствующим макаронам. Учитывая, что прежних дешевых продуктов больше нет (новые власти заставляют население вертеться, зарабатывать и приносить прибыль), то газетным гарниром пренебрегать не стоит.

В съедобной газете – анимация, радующая сердце любого добропорядочного горожанина.

Генерал-губернатор Свободной территории Ингерманландия, она же мэр Открытого города Санкт-Петербург – госпожа Лера Найдорф. Улыбочка у госпожи губернаторши, как у хорошего наноструктурного робота. А может она и в самом деле не вполне человек?

Начальственная дама открывает в Сити новый потрясный объект – нанопластиковый ДОМ СВОБОДЫ, который сам растет согласно заложенной в него программе, сам потребляет и выделяет. Уже сейчас в нем, считая по самой высокой башне, километр, а будет еще больше. В доме расположился музей мучеников за свободу имени Джохара Дудаева, мемориальная фондовая биржа с памятником репрессированным отцам-основателям крупного российского бизнеса, Церковь Терпимости, производительностью сто однополых браков в сутки, образцовый Чайна-таун на пятьдесят тысяч китайцев, и мечеть, крупнейшая на территории экс-России. Сладко кричать муэдзину, владельцу искусственной гортани, с километровой высоты…

Грамматиков с мудрым видом сел возле помоев, как археолог около костяка древнего человека.

Картофельные очистки, настоящие, сегодняшние. Маманя так и не привыкла к продуктам из наносборщиков, которые лежат по бросовым ценам почти в каждой лавке, насыщая радостью сердца бедных, но любящих пожрать граждан.

Еще газета, только двадцатилетней давности, тонкая и дряблая как кожа мумии. Похоже, что ведомственная многотиражка. На пожелтевшей фотографии его маме вручают орден за ликвидацию киднеппера и работорговца, Аслана такого-то. Уж не того ли бандита, который родил Марину Аслановну.

Впрочем, какая сегодня разница…

А вот, похоже, мама совершила давно намечавшуюся уборку в его комнате. Множество упаковок от использованных лекарств, в основном успокоительных и слабительных. Сломанный карманный компьютер, которым, похоже, заколачивали гвозди, некогда классный дисплейчик с голографическим расширением выглядит так, будто им заколачивали гвозди, из дыры сыплется труха, все что осталось от нанотрубок процессора. На обрывках сенсобумаги люминисцируют остатки текста. Надо ж, это черновики его опуса о грядущей техножизни: «Нам не нужен искусственный интеллект, бесконечно далекий от нас и желающий избавиться от нас, как от паразитической биомассы. Нам нужна искусственная жизнь, функционирующая по схожим с нами принципам, с которой мы будем комплиментарны как хороший муж с верной женой…»

А вот это что?.. Визитная чип-карта на имя Бориса Дворкина.

Грамматиков провел по ее рельефу пальцем и неожиданно сработал скин-коннектор, который вроде был уничтожен прибалтами перед отправкой в концлагерь!

Перед носом Грамматикова в виртуальном окне зажглась неоновая вывеска. Адрес. Значит, этот самый Борис реально существует…

Грамматиков прошел сквозь подворотню на улицу. На улице Гороховой текла обычная послевоенная петербургская жизнь.

По улице гуляют юноши и девушки, словно вышедшие из манги. Их одежда стилизована под школьную форму времен империи, лица скрыты или, вернее, смазаны, тончайшими нанопластиковыми масками. Мимика масок программируется, сегодня в моде выражение «сама невинность». Около рта мушка микрофона. В круглых глазах мелькают искорки и огоньки, это плавают на слезной подушке мономолекулярные проекторы. Они втюхивают в юные мозги чудеса, сотворенные дрим-компьютером.

Юноши и девушки гуляют, но не друг с другом, потому что это невыгодно, а вдвоем с клиентом, пузатым немцем или толстопятым американосом.

Свободный город Петербург – мировая столица терпимости, маяк голубого мира… Вот канальи, педики обдолбанные, набить бы им морду, побрить череп и вперед, марш-бросок через болото с полной выкладкой и песнями…

Грамматиков сплюнул, раньше у него таких мыслей не было, Сержант все-таки повлиял. Кроме того, понять, где юноши, а где девушки в пору большой моды на геночипы – это не совсем тривиальная задача. Бороды, груди, ягодицы нужной формы и цвета – это лишь вопрос своевременной оплаты, хотя можно

получить и в кредит. А гонять девушку через болото, даже если у нее есть борода, способен только басурман…

Плавно катят по разлинованной дорожкам лакированные сэндвичи однодверных автомобилей без грамма грубой стали и без вредных выхлопов. На таких не проедешь по ухабам. В такой не сядешь с семейством, разве что с другом или подругой.

По специальным боковым полосам скользят пестрые клоунские машины на наношариковой подушке – автоматические доставщики мороженного и пиццы – прямо на глазах они пытаются вытолкнуть друг друга на проезжую часть, под автомобиль. Опять символика. Совет Европы спасает остатки российского населения от крупных разрушительных столкновений, мягкими, но сильными руками разводя скандалистов в стороны. Однако мелкие пакости на уровне раздавленного клоуна с коробкой пиццы – это дозволительно, никто ведь не собирается менять в корне человеческую природу, склонную к конкуренции. К вредности, к жадности…

Витрины магазинов заполнены темно-зеленым гелем, где плавают металлорганические серебристые русалочки. На нанопластиковом дереве сидит нанопластиковая птичка и гадит дешевой карамелью.

Грамматиков отправил в рот один из таких подарочков, упавших к нему на плечо. Жрать, как ни пляши, все равно охота. Потом поднял с тротуара еще пару таких карамелек. Во рту они запели песенку о пользе низкокалорийных продуктов…

Тротуар покрыт фотоническим пластиком, пестрящим от рекламы, рассказывающим и показывающим, куда идти, чтобы словить кайф.

Рекламные указатели показывают направления по которым обязана протекать сочная слизь, называемая массовым потребителем. Слизь снабжена нервами, поэтому она боится холода и тяжелых мыслей. Слизь протекает через слизь, студень трется от студень, рецепторы превращают зуд в удовольствие…

Половина голографических реклам смачно соблазняет на потрясный интим и долгосрочное оргиастическое безумие.

Длинные руки полногрудых голо-русалок пытаются утянуть тебя в пучину страсти, «если у тебя, конечно, имеется лицензия на зооподобный секс».

Волосатый самец протягивает девушкам, мечтающем о принце, баночку со спермой голландского короля. Сертификат генетической идентичности прилагается.

Некто мускулистый и без штанов сообщает, что «заделать ребеночка от двух пап – всегда пожалуйста, перекуем одного сперматозоида на яйцеклетку и появится третий в теплой голубой

компании». Ага, понятно, откуда у мохнатого Ахилла появились такие мысли…

Вот и бюро эвтаназионного туризма, «не забудьте провести последние дни в раю, лишить девственности семьдесят гурий вам поможет фирма Эдем».

Адвокатские конторы предлагают «отсудить ту долю удовольствий, которые вам положены по праву».

А стоит только приблизится к медиа-стене ближе чем на полметра, она начинает шептать: «Я дам тебе то, о чем ты мечтаешь.»

Впрочем, она так и не сказала ему: «Здравствуйте, господин Грамматиков, пожалуйста руки вверх, сейчас за вами заедет полиция». Значит, программа не смогла идентифицировать его своими сенсорами, опознать его внешность и запах. Не зря он порезал бритвой вживленную ему в концлагере радиометку…

Прокатиться бы тут разок на танке и от всей этой дребедени один компост останется.

Но по облакам на танке не прокатишься. Пролетел самолет, распылил аэрозоль, состоящий из сферических дисплеев размером в полмикрона. И вот с искусственных облаков сияет реклама и выпуски последних новостей.

«Хочешь на небо? Покупай надувную подругу фирмы Нана, таких шикарных слизистых покровов ты не найдешь нигде. Да разве ее можно сравнить с убогой резиновой Зиной из тумбочки возле твоей кровати.»

Умельцы из рекламной службы фирмы Нана даже ухитрились слепить из облаков грушевидную женскую фигуру…

Грамматиков свернул с Гороховой на Загородный проспект.

Рядом распахнулась дверь автобуса, похожего на огромный мыльный пузырь. Но на борту автобуса мерцал знакомый с детства номер маршрута.

Грамматиков не удержался, вошел.

Грустно перекатилась в кармане горстка пластиковой мелочи. Лучше сэкономить на билете.

Грамматиков смотрел сквозь прозрачные борта автобуса на улицы, по которым плыли маски, на мир, затянутый легкой серебристой пленочкой дождя, и его не опускало ощущение нереальности…

– Вы не заплатили за проезд, – сказал мужик с сидения напротив. Да какой там мужик. Бесполая физиономия, волосы, увязанные в светящиеся дреды. Его глаза, которые только что ползали как сонные мухи, внезапно сфокусировались, стали пронзительными. – Вы не вложили карточку в прорезь кассового автомата. С такими, как вы, мы никогда не достигнем гармонии.

Грамматиков хотел было пребольно наступить ему на ногу, но тут открылось виртуальное окно.

Мужик украсился многогранным нимбом, каждая из граней декларировала его «софт» и «железо».

Это и не мужик вовсе, а кукла с наноструктурной начинкой. Робот, скрытно контролирующий оплату проезда. В нем ничего, кроме металлорганики, нанопластика, оптоволонных шин, кристаллических микросхем, нанотрубчатых сетей, кремниевых волокон.

Наверное, этот наноструктурный может и плюнуть в безбилетника нервно-паралитическим ядом, тонкой струйкой под очень большим давлением.

Грамматиков рванул на выход, пришлось даже отшвырнуть какого-то остолопа, который отдался киберонанизму около самых дверей. Лицо киберонаниста напоминало обратную сторону зеркала, потому что «с той стороны зеркала», в глубине черепа, сияла люциферова звезда наркоинтерфейса.

Под грохот падающего киберонаниста, Грамматиков вылетел из адского автобуса и помчался так, как будто за ним гналась вся техносфера планеты Земля. Пока наконец не осознал, что так он рискует моментально засветиться. По сегодняшней улице можно бежать, лишь если на тебе спортивное трико, которое обтягивает атлетические члены, выращенные с помощью геночипа.

Грамматиков стал уничтожать в себе всякое волнение, напряженно дыша через левую и правую ноздрю, а также с помощью диафрагмы. Все как папа завещал. Удивительно, почему он предпочитал все-таки «Столичную» йоговским упражнениям. Наверное, папа просто поверил в то, что ему нечем дышать в этом тесном мире, сложенном из крепких четырехугольных дилеров и киллеров. На что рассчитывать ему, хлипкому, когда мужики, которые могли бы ходить в атаку через обледеневшее поле на вражеский дот, сознательно тонут в собственной блевоте, нахлебавшись рентабельного суррогатного спирта. Вместо человека в мире образовывается дырка. Но и «дырочный» ток, как показала «новая физика», приносит прибыль. А вот мать всегда умела поймать свежее дуновение ветерка даже в самом грязном скучном тесном пространстве…

Отец и мать сидят во мне, как в матрешке. Внезапно заработавший скин-коннектор – это тот самый ветерок из-за стены.

Грамматиков пошел нормальным шагом, радуясь обретенному спокойствию. И тут услышал, как из подворотни доносятся крики. Даже не крики, а сипение, вырывающееся из сдавленного горла. Кого-то вроде душат или насилуют. А ты иди

себе мимо, подумаешь мелочи какие, после того, как изнасиловали целую страну…

Но Грамматиков не совладал с милицейскими генами, которые он унаследовал от мамы, и вступил в проход, образованный нарочито обшарпанными стенами.

В конце прохода был здоровенный дядя Том с голографической эмблемой гарвардского института международного развития на футболке. Он что-то делал с белобрысой девкой, прижав ее к мусорному баку. Что-то далеко неакадемическое. Его крепкая задница работала как нефтекачка. А к его атлетической бронзовой шее присосался нейроакселератор матово-черной пиявочкой.

Грамматиков в нерешительности потрогал гарвардца за плечо, уже понимая, что подворотня носит постановочный вид. Турист законно развлекается, купив лицензию на порцию добровольно-согласованного насилия. Вкусно и дешево, как пишут в путеводителях по пост-военной пост-России.

Секс-турист, наконец, обернулся. Лицо у героя экстремального отдыха сочилось трудовым пОтом. Нейроакселератор усиливает ощущения, но из-за сенсорного привыкания требует все более интенсивной эксплуатации «объекта».

Закатившиеся зрачки девки обнажали неприглядную белизну глазных яблок, слившуюся с гнилой бледностью лица. Ее слюна и сопли обильно вымочили гарвардскую футболку в разных местах.

Грамматиков ушел бы, наверное. Ведь девку в любом случае откачают… Но когда турист поторопил его: «вали», Грамматиков подхватил с земли пивную бутылку и стал заталкивать импортному бугаю в оскаленную пасть. Бутылка уходила все глубже и глубже, теперь уж склизкие руки туриста беспомощно скользили по куртке Грамматикова. И случайный прохожий мог бы подумать, что это Грамматиков – секстурист, купивший лицензию на полчаса садизма. И лишь когда гарвардец засипел именно так, как сипела до этого девка, Грамматиков повернулся и пошел так, как ходят шерифы, исполнившие справедливый приговор.

Скоро я буду жалеть об этом. Скоро, но не сейчас. Именно страх перед «скоро» никогда не давал мне почувствовать всю красоту «сейчас».

Вот и Пять Углов, теперь свернуть на улицу Рубинштейна.

Таинственные графитти, сделанные на стенах «умной» микросхемной краской, то светились как грибы в джунглях, то снова гасли. Пушкин, поражающий змея с головой дяди Сэма. Ниже надпись: «Пушкин и ЭТО должен делать за тебя?». Похоже,

недобитые националисты постарались. Улица Рубинштейна всегда была фрондерской.

Подъезд, где проживал Борис Дворкин, выглядел весьма укрепленным. С бронированной дверью. Наверное, осталась от времен господства мародеров на улицах Петербурга, освобожденного от всяческого гнета. Вместо обычного кнопочного замка сенсорные панельки с указанием фамилий. Фамилии Дворкин там не было. Но и визитная чип-карта едва ли врет.

Грамматиков сразу нажал на все панельки и сказал в пупырчатый кругляш микрофона:

– Боря, это вы?

– Вы ошиблись… ошиблись…ошиблись… таких здесь нет. – отозвался ему хор жильцов.

Но потом динамик высказался более осмысленно.

– Вам какого Борю? – уточнил приятный женский голос.

– Такого. С вами живет только Боря Дворкин, надеюсь.

Чуткий динамик донес эхо разговора: «Тебя спрашивает длинноносый такой, тощий, сказать, что нет тебя или как?»

– Мужчина, вы меня слышите? Борис переехал отсюда. До свиданья, – доложил динамик и отключился.

Грамматиков снова нажал на панель вызова.

– Эй, если меня впускают в дверь, я вхожу в окно. Причем в буквальном смысле.

Он глянул наверх. Восьмая квартира – третий этаж. Можно попробовать.

Грамматиков забрался на искусственный сильно пахнущий одеколоном тополёк, с него перескочил на подоконник, потом на водосточную трубу, с помощью обезьяньих движений добрался до второго этажа.

Грамматиков ощущал странную легкость, которая у него раньше бывала только во снах. И старался не думать, что уж конечно на третьем этаже ему станет страшно.

И тут дверь внизу открылась… Предлагают войти…

На пороге квартиры номер восемь стоял человек, который несомненно был Борисом Дворкином.

Грамматиков сглотнул ком, мгновенно набухший в горле – Боря был чем-то похож на Сержанта из больницы.

– Ты, то есть вы… Извините…

Да нет, не Сержант, черты лица другие, просто что-то в глазах такое же… нездоровое.

– И тени их качались на пороге… Давай, Андрюша, не будем общаться на коврике для вытирания ног, заходи.

Стильный кабинет. Одни прозрачные нанодисплеи на окнах чего стоят. Если погода плохая как сегодня, то они показывают яркие южноиталийские берега.

– Чем обязан, господин Грамматиков? – подчеркнуто ритуально спросил Борис Дворкин.

Придуривается, что ли?

– Да всем обязан. Борис, вам не кажется, что вы чересчур похозяйничали у меня дома?

– Слушай, барон, это ж было год назад. Я уже ничего и не помню. Ну, наверное, мы у тебя немножко пошутили…

– А Вера тоже шутила, когда хотела прикончить меня мономолекулярным холодным оружием? Из-за нее я, между прочим, свалился с крыши.

Расслабленная вальяжность господина Дворкина несколько улетучилась.

– Да что ты? Свалился и, как я вижу, уцелел? Везунчик, вероятность такого исхода очень мала. А Вере я давно не доверяю, честно. Вообще мы с ней разошлись, причем я побежал. Вера, как бы это сказать, теперь при новом начальстве…

– Ладно, Вера скурвилась. А прозрачный сосед, полный говна и мочи, а соседка без костей, похожая на обожравшуюся змею, а джинсы – все, что осталось от дамы по имени Лена? Все это случилось именно после вашего визита. Я уж не говорю о техноорганизме, расползшемся по квартире…

– Что-то больно густо ты мажешь… На диван, что ль, садись. Чаю попьем.

В кабинет вошла белокурая женщина и вкатила сервировочный столик вместе с принадлежностями для питья чая согласно японской церемонии «то-ю-но». Бамбуковые ложечки, совочки, щеточки, сосуд с кипятком, чашечки с пейзажами на боках.

– Можно мне с вами почаевничать? – спросила она. – Тем более, что «то-ю – но» умею проводить только я. Как опытная гейша.

Та самая Лена, которая приходила с Борисом Дворкином в гости, только уже не в образе патлатой бедовой маркитантки, а приличная такая матрона с аккуратной прической. Значит, жива!

– Эй, чего вылупился на мою женщину, Андрей Андреевич? Блондинок, что ли, не видел? Или она в твоем виртуальном окне похожа на Людмилу Зыкину эпохи застоя?.. Тогда закрой окно и пей чай, вот сушки. Старомодные, не стонут, когда их грызешь.

– Я – ничего. Я всегда так смотрю, – смутился Грамматиков.

– Я еще сейчас пирог разогрею, – пообещала Лена без всякого надрывного хихиканья, которого было так много в прошлый раз.

И выскочила.

Незванный гость прихлебнул из чашечки, наверное слишком громко, потому очень уж был поглощен своими мыслями. Чай – настоящий, с жасмином, всё остальное – как во сне.

– Итак, Грамматиков, Лену ты только что видел. По виду это Лена, согласен? На ощупь, поверь мне, тоже Лена. Если ее хорошенько ущипнуть, то она отреагирует как настоящая женщина, а не как пластмассовая давалка – то есть, нормально врежет тебе по морде. С соседкой Мариной и соседом Стасиком тебе, надеюсь, удалось повидаться хоть раз за последний год?

– Да, навещали они меня в психушке.

– И они, должно быть, в порядке, непрозрачные, при костях. Может, у тебя просто мозги перегрелись от стимботов?

– Но, после того как вы ко мне пришли, на меня началась охота.

– Грамматиков, мы точно не причем. У меня даже охотничьего билета нет. Я и на мух не имею права охотиться.

Дворкин откровенно забавлялся. С одной стороны это бесило Грамматикова, но с другой стороны он понимал, что так вот, за чаем, никакие страшные тайны не открываются.

– Я слушаю вас очень внимательно, Борис, и ничего не понимаю. Вы ничего не говорите толком…

– Погаси свет, немедленно, – быстро, краем рта, проговорил вдруг Дворкин. – Выключатель рядом с тобой.

– Я не хочу с вами сидеть в темноте, – в приступе тоски простонал Грамматиков. – Мне не нравится интим такого рода.

– Погаси свет, везде, быстро. На кухне кто-то еще есть, помимо моей бабы.

– Ладно, я выключу свет, но попробуйте только…

Грамматиков ткнул кнопку и свет угас с приятной театральной медлительностью. Гость увидел по легкому перепаду тьмы, что открывается дверь в коридор, и подумал, что это выходит хозяин.

Рядом возникла какая-то масса, источающая напряжение, Грамматиков ткнул наугад острым концом бамбуковой ложечки. Что-то булькнуло и упало – тяжелое, как мешок с картошкой.

А потом Грамматиков включил свет и поперхнулся собственной рвотой.

Около его ног лежал и слегка еще дергался человек. Нестандартный человек. Нормальное как будто лицо (хотя, может, и не лицо, а умело подогнанная биополимерная маска), но под расстегнутой курткой видна прозрачная плоть, за которой стоит мертвое дымчатое сердце.

Из уха нестандартного человека текла голубая

васкулоидная[3] кровь, смешанная с пузырями. А еще из его уха торчала бамбуковая ложечка для чайной церемонии. Неподалеку от тела лежал пистолет, похожий на толстую пиявку.

Значит, демоны, о которых неутомимо плёл Сержант, существуют. И червивый Стасик, змеедева Марина Петровна, монстры на чердаке – тоже не плоды переутомленного стимботами мозга.

В комнате появился Боря Дворкин.

– Черт, свет не надо было включать. Но теперь пусть погорит. И пистолетик-то подбери, не гоже такому стволу валяться без дела.

Грамматиков выплюнул гадость, скопившуюся в горле, поднял оружие и показал пальцем на лежащего человека.

– Что с ним?

– Ничего особенного. Завещания в твою пользу он не оставил. Я на кухне еще одного грохнул. Труп за холодильник упал, оттуда всегда мусор тяжело доставать.

– Я спрашиваю, почему он не похож на обычного человека?

– Вопросы потом, после лекции, а сейчас сваливать пора.

– Как это сваливать? А Лена, жена ваша?

– Она же моя жена, а не твоя, так что уж позволь, один я побеспокоюсь. К тому же, «Скорую» я ей уже вызвал. А мы выходим через чердак, потому что в подъезде нас наверняка ждут.

3

Когда Грамматиков выглянул из чердачного окна, стало опять дурно. Седьмой этаж – не третий. Дворкин показал пальцем на антенну сотовой связи, украшающую крышу дома напротив, и сказал, что туда протянута мономолекулярная нить, невероятно прочная, предельно скользкая и одновременно чудесно липкая.

Нить не было видно. Ни чуть, ни капельки. Даже в виртуальном окне она выглядела абсолютно призрачной, несмотря на хорошие показатели удельной прочности.

А пропасть, жадная и большеротая, была видна во всей красе.

– Придется поверить, барон, что спасительная ниточка у нас есть и пройти по ней проще, чем верблюду проскочить через угольное ушко. Только напрямую за нее цепляться не стоит, мигом останешься без ладошек. Воспользуйся ремнем, если пряжка металлическая.

Дворкин с ласковой улыбкой указывал Грамматикову направление – вперед, в бездну. В прошлый раз, когда он уже слетел с крыши, его защитил радужный нимб… Или может сама

техножизнь…

По счастью, сейчас всё произошло достаточно быстро. Руки, хватающиеся за ремень, и ремень, охвативший невидимую нить, перенесли Грамматикова на крышу соседнего дома со скоростью героя комиксов. Впрочем, сказалась нехватка опыта и Грамматиков впилился лбом в стальной кронштейн, на который крепились антенны.

Свежеиспеченный человек-паук попытался понять, нет ли у него вмятины во лбу, покачиваясь и приседая. Присел он очень своевременно, потому что над его ушибленной головой пропели кассетные пули. Миновав потенциальную цель, они самоликвидировались, обернувшись двумя яркими пушистыми облачками.

– Цельсь и стреляй, блин. Держи обеими руками, потому что у этой пушки отдача сильная, – Дворкин агрессивно закусил густой рыжий ус. Грамматиков выстрелил два раза из пистолета по окнам дома напротив. Если точнее, по теням, которые затемняли стекла.

– Попал, попал, угондошил обоих, – закричал Дворкин по-мальчишески звонко. И наступила тишина.

Всего на несколько секунд. А потом странное низкое урчание заставило воздух над крышей завибрировать.

Дворкин показал пальцем на другой край крыши… там поднималось что-то мощное и незримое, похожее на злого джинна.

– Полицейский роторник с фотоническим стелс-покрытием, новинка сезона. Нам не надо стоять и ждать его с глупым видом. Вперед, то есть вниз.

Они съехали вниз с помощью мономолекулярной нити, испугав до смерти пару старушек, которые так и не смогли дать естественнонаучных объяснений полетам живых тел перед их окнами.

А потом был бег по пересеченным питерским дворикам, которым век сносу не будет, лишь ноги порой буксовали на плесени.

– Стоим, отдыхаем, – неожиданно распорядился Дворкин. Похоже, сам этот лось и не запыхался вовсе. Его резкий профиль делил сумрачный горизонт пополам – до и после.

– Мы ушли или не ушли? – едва выдавил Грамматиков сквозь слизь и слюни, назло набившиеся в горле.

– Ты отстал от жизни, колобок. Сегодня уйти невозможно. В каждой стене есть подслушивающая акустика, поднюхивающая сенсорика, подсматривающая фотоника. Вместо мух робоинсекты летают. Уйти невозможно, можно лишь обмануть.

Дворкин умудренным глазом следопыта посмотрел вокруг, втянул воздух подвижными ноздрями. И вошел в стену.

Блин! Дворкин – это обычный мимик, персонаж виртуального окна. Опять меня надрали, развели как распоследнего лоха! Вернее, мимик весьма необычный, супермимик, неотличимый от натуры. Никаких стыков между графическими элементами, никаких упрощенных поверхностей, бездна деталей. Да, мой мозг безнадежно заражен шпионскими нейроинтерфейсами! «Попил чайку» и поскакали по нервным волокнам черные нановсадники, чтобы захватить лучшие места в моей башке.

Грамматиков даже присел из-за влившейся в колени слабости.

Реальный Борис Дворкин неизвестно где и неизвестно кто, я убил человека. Или нескольких людей, если выстрелы по окнам бориной квартиры были действительно удачными.

Тут Грамматикову показалось, что на глаза навернулись слезы, стена дома перед ним как будто поплыла, вместе с обшарпанной штукатуркой и антикварной надписью «Шнура в президенты».

Грамматиков потрогал веки – нет, сухие…

Это стена дома оказалась фальшивой. Просто аэрозольный экран из наноразмерных дисплеев.

За разлетевшимся экраном стоял автомобиль БМВ[4] – компактный, сильный и красивый как рыбка бычок. Одна из дверей салона плавно отплыла в сторону, она напоминала уютную раковину, столь ценимую еще нашими предками-моллюсками.

– Давай в темпе, фигуры в статичных позах на фоне плоского ненатурального пейзажа оставим таким мастерам средневековья как Джиотто.

Борин голос выходил из автомобиля. Ну, сейчас я ему дам в наглый выпуклый глаз. Пусть даже получу за это по морде.

– Дворкин, кто вам позволил пачкать мои мозги всякой нанодреснёй?

– Да остынь ты, праведник. Через полчаса от дисперсного интерфейса и следа в твоем теле не останется. По-крайней мере, за свой интерфейс я ручаюсь – это ж обычный «Визи-Гот». Разок помочишься и ты чист, как младенец.

Грамматиков сел в машину. Внутри не было никакого Бориса Дворкина. Совершенно пустой салон.

Из приборной панели выдвинулся руль, покрытой мягкой псевдобобровой шерстью. Казалось даже, что на рулевом колесе растянулся мохнатый зверек.

Световая вспышка на мгновение ослепила Грамматикова. Его

просканировали, определив местоположение и размеры тела.

– Пристраивайся-ка на место водителя. В темпе! – голос донесся из акустической системы, вмонтированной в обшивку сидений.

Все ясно, бортовой компьютер.

– Эй, чего орешь, железяка? – зло отозвался Грамматиков, но на водительское место сел.

Сервомеханизмы кресла вкрадчиво прожужжали, подстраивая высоту и наклон сидения под невзрачную фигуру Андрея Андреевича. На ветровом стекле появилось транспарентная карта города.

– У меня чемпионский титул по кричанию в ухо… И вообще я не «эй», а Борис. Во избежание путаницы можешь называть меня Борис-Два. Не бойся, что ты стал водителем, это так, для видимости . Все равно, поведу машину я сам… А теперь я тебе, Грамматиков, действительно кое-что объясню, потому что в квартире надо было опасаться подслуха. Ведь сейчас жучки не более заметны, чем отдельно взятые вирусы гриппа.

Машина под мягкое гудение ванкелевского двигателя тронулась с места.

Ну и что такого, подумал Грамматиков, если Борис Дворкин как следует повозился с программно-аппаратным Борей-Два, то вполне мог протащить его достаточно далеко по шкале искусственного интеллекта. И сейчас у Бори-Два собственная разумность и чувство юмора на уровне доцента провинциального института.

4

– Мы хотели изменить мир в лучшую сторону, чтобы люди стали разумной силой, а материя – мыслящей.

Это утверждение выглядело как визитная карточка организации маньяков. Впрочем, до войны и шариков в ягодицах, Грамматиков мечтал о том же самом.

– Кто «мы»? – напористо поинтересовался Грамматиков.

– Группа энтузиастов, поляне, древляне, кривичи, известный тебе Вовка Кренделевич. Ему – светлая память, погиб геройски на войне. Мы хотели, чтобы нанотех сделал жизнь каждого осмысленнее. Поэтому ты, как «каждый», стал чуть ли не главным действующим лицом.

Ответ был по-сектантски хитрым. Никаких конкретных имен, за исключением мертвого Вовы.

– А вы моего согласия спросили? За счет моего здоровья вы

провели тайный эксперимент. Что, разве не правда?

Вопрос не смутил собеседника.

– Отчасти правда. Нам был нужен этот тайный эксперимент, позарез, как дыхание рот-в-рот небезызвестной мертвой царевне. Увы, государственные лаборатории связаны массой бюрократических ограничений, а частные продали бы нас с потрохами… Но тебе ведь было интересно, ты мечтал о том же, и, значит, твое согласие мы все-таки получили.

– Ну и? Теперь ты, конечно, скажешь, что эксперимент с техножизнью вышел у вас из-под контроля.

– Да, вышел, – Голос Бориса-Два удачно помрачнел с помощью эмоционального интерфейса. – Вышел, Андрюша, потому что началась война.

– Из-за этого эксперимента?

– Да, типун тебе в штаны. Война случилась по вполне естественным причинам. Что-то отнять, что-то сломать, кого-то опустить. Может даже, всё отнять и всех опустить. Пока агрессоры нас имели по полной программе, техножизнь была предоставлена самой себе, и будь уверен, она зря времени не теряла.

Борт-компьютер был, скорее всего, запрограммирован Борисом Дворкиным, его стиль. Но нельзя исключать, что некий программист просто имитировал стиль Бори. Чтобы не лохануться, надо быть осторожным, побольше слушать и поменьше говорить.

– А ты уверен, что она существует? – спросил Грамматиков.

– Если бы я не был уверен, то спокойно сидел бы дома и пил бы японский чай с русскими довоенными сушками. Она существует, да еще в двух формах. Есть две техножизни. Одна – светлая и одна умная, которую породили мы. А другая – примитивная, темная и коварная, созданная командой Леры Найдорф. Про светлую мне собственно нечего тебе рассказывать, кроме того, что ее надо найти, а вот темная неплохо показала себя в тех прозрачных демонах, с которыми ты недавно повстречался. Это своего рода диффузный паразитический организм. Он вызывают серьезные изменения в человеческом теле, аж на уровне белковых комплексов, отчего происходят дипольные сдвиги и много еще чего. Белки начинают играть как бы в одной команде. Меняются коэффициенты отражения и преломления света у тканей тела. Распределяясь в управляющих зонах мозга, темная техножизнь форматирует его под загрузку сложных психопрограмм. Более того, она встраивается в генетический аппарат и усиливает регенеративные способности…

Грамматиков заметил, что Борис-Два увлекся как школяр, описывающий одноклассникам то, что он подсмотрел намедни в

раздевалке для девушек.

– Стоп, машина, сейчас не надо сказаний, ведь меня могут в любой момент остановить и попросить на выход с вещами. Конкретно, где искать светлую техножизнь?

– Если б я знал. Вопрос еще и в том, кто быстрее до нее доберется. Одна наша общая знакомая или мы. И если честно, будь здесь тотализатор, я бы поставил на Веру.

Помимо своей воли Грамматиков стал вспоминать темные солнца вериных глаз, обволакивающую мягкость ее движений, струящиеся линии ее тела, и голубые змейки, выскочившие из под ее ногтей…

– Да, барон, она не просто блядь в третьем поколении, но еще и монстр. С Найдорф может сотрудничать только монстр, такова аксиома. И я подозреваю, что Верка кинула нас и перекинулась в банду Леры Найдорф еще до войны. В команде Найдорф очень серьезные наноинженеры. Они превратили Веру в богиню смерти Кали, обвешенную кишками патриотически настроенных мужиков…

– Но почему этой суперкоманде суперинженеров не создать светлую техножизнь самостоятельно?

– Пытаются создать. Но светлая у них не получается, потому что они – гады, коллаборационисты и наемники. И даже у нас ничего не выйдет, потому что Вова Кренделевич – мертвый герой. Как он там кудесил с нанокристаллами, история не сохранила, начальные условия эксперимента восстановить просто невозможно.

Где-то под ложечкой у Грамматикова образовалась тоскливая пустота. Он порыскал в бардачке и нашел пакетик с суповым гелем. Потер ее в руках, запустив химическую реакцию, которая превратила холодный гель в теплую суспензию. Через несколько секунд опрокинул себе в рот нечто напоминающее по вкусу вареную штукатурку. От высокотехнологичного супа пустота несколько сгустилась, но тоски меньше не стало.

Назад дороги нет, а впереди – черная дыра. Борис Дворкин – в лучшем случае, скользкий делец, который мутит воду, надеясь хоть чем-нибудь поживится.

– Послушай, а почему бы мне сейчас не выйти из этой машины? Ты мне и так уже создал кучу неприятностей. Кто бы ты там не был, Боря-Один или Боря-Два, я не собираюсь искать для тебя светлую техножизнь, подставляя задницу своре найдорфских демонов. Останови-ка.

– Здесь нельзя. – Боря-Два и в самом деле уже свернул на Невский, залитый как будто жидким огнем. Наполненные плазмой праздничные пузыри летели по программируемым

траекториям, образуя свадебные шлейфы за каждой машиной. – Да и вообще, барон, мы можем сегодня неплохо повеселиться. Глянь, кстати, направо. Экая конфетка катит.

В пестром автомобильчике на соседней полосе и в самом деле ехала девчонка, что надо.

– Если бы ты даже мог выполнять роль фаллоимитатора, я бы как-нибудь обошелся без тебя.

– В самом деле? А тачка-то моя. И я всегда могу дать пару ценных советов молодому неопытному другу. Вот как ты думаешь, Грамматиков, что нужно для любви?

Нет, эта железяка сильно действует на нервы, вся – в своего творца господина Дворкина.

– Что нужно некоторым для любви? Мономолекулярный презерватив с музыкой и усиками.

– Мне жалко тех девушек, которые с тобой были знакомы. Или таких почти не было? Для любви, Андрей, нужны цветы.

– Цветы? – Грамматиков переспросил, чувствуя, что в его голове слова Бори-Два находят какой-то смутный отклик.

– У тебя ведь была контузия, Андрей?

Грамматиков почувствовал острое желание вырвать Борю-Два из отсека, где он скрывается, чтобы задрыгал проводками, подлец… Ну сколько можно терпеть?

– Была. И что?

– Ничего. Вон у тебя глаз из-за тика дергается, да и во мне тоже что-то все время тикает. Однако с памятью у меня порядок, а вот у тебя как? Ты и в самом деле забыл коды, запускающие половое размножение техноргов?

– Я много чего забыл, но на моем компе… – Грамматиков запнулся. Нашел с кем откровенничать.

– Твою квартиру разграбили мародеры. Там не осталось никаких ценных вещей. Скажи спасибо, что твою маму не пристукнули и не изнасиловали Марину Аслановну. Впрочем насилие в умеренных количествах пошло бы Марине Аслановне только на пользу.

Блин, он так мало думал о маме в этот последний год.

– Я же получал от мамы письма, но она ни словом…

– Маманя у тебя боевой офицер, так что не волнуйся за нее. А у нас с тобой свои долги перед страной и миром. Скажу прямо, объективной информации мне не хватает, но интуиция никогда не изменяла мне. Чем раньше светлая техножизнь выйдет из подполья, тем лучше для нее. Темная техножизнь не успеет удавить ее по-тихому в этом самом подполье. Но выход на поверхность означает ускоренное размножение и отбор наиболее устойчивых форм. Надеюсь, солдат, ты в курсе, какой способ

размножения самый лучший?

– С точки зрения рекомбинации наследственной информации, то половой…

Боря-два как будто прищелкнул языком.

– Вот именно. Если техножизнь вылезает на поверхность и украшает себя цветочками гонофоров, то ей без тебя никак, потому что коды, запускающие половой процесс, закопаны именно в твоей голове. И если ты честно вспомнишь все, что нужно, то увидишь древо техножизни, проросшее до самых небес, до Луны, Венеры и Марса, древо, которое оплетет своим ветвями Солнце… Раз и губернаторша Найдорф и ее команда бодрых извращенцев – просто удобрение, кучка говна, оставшаяся далеко внизу. Поспеваешь за мной?

Машина въехала на Малый проспект Васильевского острова, за ним начиналось Сити, с кактусоподобными небоскребами из полиуглерода и высотными автобанами, сшитыми из нанотрубок. Их натянули там, где раньше летали лишь птицы, покрикивая на крохотных букашек-людей внизу. С верхотуры какой-то из башен Сити гордо взирает на свои достижения старуха Найдорф.

Неожиданно в голове Грамматикова всё устаканилось и предстало в совсем мрачном свете.

Борт-компьютер говорит от имени антиправительственной группировки, готовящей мятеж.

– Боря-Два, скажи прямо, что ты втягиваешь меня в заговор. Я не люблю Леру Найдорф и ее команду извращенцев, – честно признался Грамматиков. – Я не одобряю того, что они сделали с моей страной, но я не буду участвовать в заговоре. Тем более в роли пешки, которую быстро сбросят с доски…

– Дурак ты. Ты ж для нас почти святыня. И никакого заговора нет. Есть просто свое видение будущего. Андрюха, успокойся, мы не будем свергать Найдорф и даже американосам мстить не будем. Зачем свергать червяков и мстить букашкам? У нас будет своя, космическая Россия!

– Угу. Там с помощью нанотехнологий мы вырастим березки, построим церквушки и воскресим из мертвых царя Гороха.

Машина переехала через речку Смоленку, упакованную в прозрачную граненную трубу, затормозила около робота-сфинкса, взимающей плату за проезд в Сити. Грамматиков краем глаза посмотрел на дверь. Дернуть ручку и бежать? Кругом ни подъездов ни подворотен. Только громады нанопластиковых небоскребов, переплетения магистралей, да еще хрустальный портал Арки Демократии, находящийся на месте разбомбленной церкви смоленской божьей матери.

– И не вздумай, Грамматиков. Очень может быть, что ты им

больше нужен, чем я. Поэтому дверца, извини, заблокирована.

5

У них на хвосте висела «Ди-Вольга». Автомашина, похожая на баклажан темно-фиолетовым отливом и формой.

Хотя БМВ умело вписался в левую полосу верхнего яруса, промчался по кривым металлостеклянным эстакадам Дома Мебиуса, пролетел среди стоячих волн и других чудес сверхтекучести Дома Гелия, «Ди-Вольга» не отставала.

– Убедился, напарник? Эй, друг Грамматиков, чего-то у тебя вид больно иконописный, ты что прибалдел?

Если точнее, Грамматиков не «прибалдел», а настрадался от страха, особенно когда машина Дворкина мчалась вдоль невысокого ограждения по наклонной полосе над пропастью глубиной в триста метров. Высота не была стихией Грамматикова.

– Мне не нравятся скайвеи, – по возможности мужественным голосом признался Грамматиков.

– Окей, иду на посадку.

БМВ как раз вырвался на спиральный съезд с автобана и устремился к поверхности земли. Ощущения у Грамматикова были как у космонавта в спускаемом космическом аппарате.

– Э, куда ты едешь? Там же «кирпич», а за ним стройка! – запротестовал Грамматиков.

Несмотря на запретительные знаки и крики протеста, БМВ затрясся на неровностях огромной строительной площадки, напоминающей о начальных стадиях строительства Вавилонской Башни.

– Высовывайся и стреляй.

– Нет, – Грамматиков вцепился в кресло обеими руками.

– Применяй оружие, слизняк. Или они нас раскатают тут. Господи, да твоя мамаша, капитан Елизавета Грамматикова, лично убила работорговца Аслана.

Грамматиков подумал, что его слабовольный папа, наверное, спился, из-за такой женушки. Хотел еще раз крикнуть «нет», но почувствовал в себе холодный сосредоточенный центр – этакого внутреннего командира его мышц и нервов, столь похожего на маму… Грамматиков высунулся в окно, чуть не поперхнулся от ветра и выстрелил пару раз по колесам и ветровому стеклу преследователей.

Ди-Волга заметно вздрогнула и отстала, потом потерялась за каким-то краном.

– Ну что? – с торжествующим возгласом обратился Боре-Два к Грамматикову. – Оторвались мы от них, ха-ха! И все потому, что я никогда не соблюдаю правил дорожного движения…

Ди-Вольга преследователей внезапно вынырнула из-за пузатого контейнера со строительным мусором и под углом в тридцать градусов впилилась в борт БМВ. Грамматикова швырнуло на дверку, где-то в спине хрустнуло.

Боря-Два бросил руль в противоположную сторону и съехал прямо на фундамент будущего здания, в котором там и сям мелькали провалы подземных помещений. БМВ запетлял среди зарослей саморастущей металлорганической арматуры.

– Тормози, сворачивай, бога ради, – зарычал Грамматиков, заметив, что Боря-Два несется прямо на столб.

– Позволь мне одному молить моего машинного бога о нетленности трансмиссии.

Боря-Два свернул в самый последний неуловимый момент, когда казалось было уже поздно. А громоздкая «Ди-Волга», водитель которой, видимо, не имел достаточного обзора, «поцеловалась» со столбом. Ее крепкий полиуглеродный корпус не расплющился от столкновения с диамантоидным материалом, а отлетел – ровно в один из подвальных провалов.

Оттуда, спустя несколько секунд, поднялся рокочущий огненный гриб.

– Да остановись ты наконец, открой дверь. Мы обязаны оказать помощь.

– А также выставить аварийные дорожные знаки. Но жареному мясу уже никак не поможешь, поверь мне, у них там все боеприпасы сдетонировали… Впрочем, мы остановимся, но совсем по другой причине.

Боря-Два дал задний ход и резко затормозил у горящего подвала.

– Грамматиков, чего сидишь, как пионер в публичном доме? Быстро выбирайся из машины.

– У тебя там что, какая-то микросхема перегорела? Ты же сам сказал, что…

– А теперь говорю, что нас засекла полиция. Я перехватил желтую информационную трассу. Господи, как я ненавижу дисхронию человека и компьютера. Шевелись, слизень! Надо спихнуть наш автомобиль в тот же самый подвал. Поставь автоматику на нейтраль. Давай же! Меня не забудь вытащить, я там, за синей панелью.

Грамматиков в одно движение сорвал панель и вытащил борт-компьютер, украшенный мерцающей шевелюрой оптического волокна.

– Теперь толкай машину, дуб ты этакий.

И БМВ отправился в дымящуюся дыру.

– Теперь уничтожь меня, – сказал «Боря-Два» невнятным лишенным эмоционального усиления голосом.

– Что-что? Зачем же ты потребовал, что бы я тебя вытащил из приборной доски?

– Для надежности, Грамматиков. А сейчас разбей меня, раздави.

– Для какой-такой надежности?

– Быстрее, я говорю…. До свиданья, друг мой, до свиданья… Во мне хранится кое-какая информашка, которой бы я не хотел делиться с супостатом.

– Ну, если ты так просишь.

Грамматиков положил «Борю-Два» на фундамент и поднял кирпич…

6

Через несколько минут прожектора полицейского вертолета прижали Грамматикова к забору с крутящимися колючками, который ограждал стройку.

Грамматиков попытался порвать футболку на своей груди.

На мне минимум пять трупов за один только день! Без лицензии на убийство. Вертухаи посадят меня на электрический горшок и с удовольствием поджарят яичницу с колбаской…

Его рука нащупала пистолет…

Стоп, нельзя брыкаться. Они убьют меня гарантированно раньше, чем я успею прицелиться. И вообще стрелять по алмазной броне – глупо.

Пистолет упал на нанопластиковый фундамент, элегантным движением ноги Грамматиков зашвырнул его под какой-то контейнер.

Когда вертушка полностью втерла его в забор лучами прожекторами и проколола спицами лазерных целеуказателей, послышался голос «с неба». Клоунский, тараторящий, пропущенный через какой-то медийный интерфейс.

– Надули! Розыгрыш! Вас снимают.

Грамматиков посмотрел на голосящий вертолет осоловевшим взглядом.

– Вы являетесь участником реалити-шоу! И это хорошая новость.

Прожектора чуть ослабили мощь света, вертолет наконец приобрел четкие очертания большой осы и из него на

стройплощадку спрыгнула дама, интересная во многих отношениях. Особенно привлекал внимание ее рубиновый рот, хотя она была не в маске. Да и позолоченный бюст был фактически открыт, если не считать карминовых звездочек на самых пикантных местах. Заодно с ней десантировалось и трое юрких азиатов с переносной техникой.

– В эфире Талия. Вы смотрите «Последнее прости», – обратилась она к невидимым телезрителям, а потом страстно поцеловала своим рубиновым ртом сильно растерявшегося Грамматикова. При этом одна ее ножка шаловливо согнулась в коленке и закачала острой серебристой шпорой. Если такой в упор по яйцам…

Талия схватила Грамматикова за руки и потащила к вертолету, припевая: «В студию, в студию».

– У тебя всегда такой вид кисленький или просто устал, малыш? – бойкая женщина почти насильно затолкала в рот Грамматикова какую-то штуку, похожую на бычий глаз. «Глаз» немедленно лопнул, кислородные пузырьки шибанули в нос, волна адреналина ухнула в кровеносные сосуды. Краски стали ярче и очертания предметов резче.

Вертолет взмыл над строительной площадкой и заскользил вдоль световых трасс, проделанных разметочными лазерами в сумрачном мокром воздухе, курсом на сияющие громады Сити.

«Пусть тарахтит, авось что прояснится», – подумал Грамматиков.

По счастью дама действительно оказалась специалисткой по щебетанию. Из этого щебетания, после сравнения с цепочкой реальных событий, можно было сделать следующую выжимку.

Грамматиков стал объектом чистого игрового эксперимента. Камеры вездесущего реалити-шоу засекли происшествие на стройплощадке… Но, как сообщила полиция, погибшие личности никоим образом не числятся в списках граждан. Соответственно у этих личностей не могло быть лицензии на защиту со стороны правоохранительных органов демократического города-государства…

Руководитель «Последнего прости» немедленно выслал вертолет…

Сейчас над Сити в сплошной дотоле облачности образовалось огромное окно. Столбы солнечного света ударили в небоскребы, которые, казалось, выныривают из водяной бездны и подпирают небосвод своими извилистыми исполинскими телами. Чуть прищуришь глаза и это даже не громадные здания, а смерчи времен Апокалипсиса.

Такая ярко-голубая вода, как в акватории Сити, могла быть

лишь в лагуне тропического острова.

Поверхностно-активные вещества украшали «лагуну» картинно-медленной зыбью, как на полотнах маринистов.

Вертолет сперва пролетел над «слоем» старых барж, пароходов, фрегатов и бригов, вставших на вечную якорную стоянку по краям Сити неподалеку от плавучих мусороперерабатывающих заводов, похожих на огромные мыльные пузыри.

Там и сям на палубах мертвых корабликов стояли ветряки и солнечные батареи в размах полного парусного оснащения.

Между мачтами были натянуты веревки, на которых сушилось белье. По палубам сновали косяки детей и расхаживали строгие мужчины с татуировками на лицах.

Неприличной публике не было места в самом Сити, но они беспрепятственно расселялись по свободной водной глади, получив от Комитета Гармонизации дешевую лицензию на маргинальную жизнь. Назывался этот «слой» жизни – Петронезия. За короткое время он был под завязку заселен выходцами с юга, согласно глобальному проекту гармонизации. Лишние люди теперь сплавлялись не в умытую и причесанную Европу, а в российскую промзону…

На бортах-дисплеях вертолета засветилась реклама, излучаемая Петронезией.

Тысячи желтых маленьких хакеров лупят по клавишам, изготавливая психонанософт – от мягкого наркоинтерфейса «эйнджело» до жесткого «порнодаймоника». Они работают за миску риса для вашего удовольствия.

– Я поняла, что ты отсталый парень с окраин, – сказала Талия, – но неужто ты даже «эйнджело» не пробовал? Блин, мальчик, я когда-то полностью отказалась от прямых подключений игровой нейрокарты к мозгам, и не пожалела. Теперь только оральный вариант – проглотил дозу наркоинтерфейса и немного подожди, пока «малыши» доплывут до нервных центров и подкрутят там шарики-ролики. Эйнджело – такой улет! Весь мир становится сексуальным, проницаемым, скользким, вы просачиваетесь сквозь стены, вы перетекаете из тела в тело…

Грамматикову явно было не по себе от роли темного мальчика с окраины.

– А рекламу нельзя отключить?

– У них, милый, лицензия на рекламную обработку всех пролетающих аппаратов, вплоть до стратосферных. Какой же ты темный. И выражение лица у тебя детское… Может, мальчик, тебя интересует версия даймоника для чайников? – вкрадчиво

поинтересовалась модераторша. – Как насчет встречи с богиней Иштар, принявшей облик классной руководительницы, а?..

Рука Талии довольно грубо опустилась на его штаны в районе промежности. Жест, скорее подобающий старой ВИЧ-инфицированной шлюхе, чем работнику культурного фронта. Однако рефлекторные дуги Грамматикова отреагировали однозначно – характерным вздутием в районе промежности – и он поскорее отодвинулся, активно двигая ягодицами. Талия, как будто обидевшись, замолчала.

Пролетев над Петронезией, вертолет запорхал над плавучим островом, смахивающим на знак «инь-янь».

С западной стороны от главной изогнутой улицы был жилой квартал, с восточной – конторский. Вдоль самой улицы густо теснились магазинчики и разные увеселительные заведения.

Ненадолго вертолет завис над толпой, текущей, как густая жидкость, сквозь сосуды и капилляры плавучего острова.

Дома западной стороны острова выглядели словно огромные хрустальные люстры, кубки и вазы. Стены из диамантоидных материалов меняли прозрачность и искристость в зависимости от желания хозяев.

Офисы восточной стороны напоминали елочные игрушки из серебристой и золотистой фольги.

Некоторые переулочки, выходящие к центральной улице, были исполнены в стиле колониальной торговли.

Здесь вас встретит здесь запах хорошего кофе, курящиеся благовония и фарфоровые драконы, бумажные фонарики и шелковые ширмы. И девушки, словно выточенные из сандалового дерева. Лицензированный психософт подарит вам сексуальный опыт всей Африки, матки человечества.

Северная часть острова была украшена портиками и колонадами. Среди нанопластика, имитирующего мрамор и цветы, порхали огромные робобабочки.

Международный центр эвтаназии «Врата рая» обслуживает до ста тысяч клиентов каждый год. Еще никто из наших гостей не покинул этот мир недовольным.

К западу от острова располагались порт и плавучий аэропорт, к северо-востоку в утренней дымке проглядывали громады плавучих заводов, особенно выделялись своими циклопическими размерами доки, верфи и нефтеперегонные комбинаты, на их фоне сияли «магические» кристаллы лабораторий и институтов. Легкими переливами яркости просматривались и многоярусные плантации тюльпанов, похожие на алхимические колбы. За ними световой пеной кипела дамба и лучились километровые призмы

вселенского собора, выстроенного бахаистами в Кронштадте…

Когда вертолет пролетал над дамбой, она была похожа на волну, несущую бесчисленные охапки хрустальных одуванчиков.

Под действием моря и ветра многолопастные «цветы», почти не имеющие трения вращения, закручивались в звездочки, направляя энергию моря на выработку электричества.

– Какая красота, – сказала Талия. – А еще кто-то говорит, что матушка Россия после войны потеряла потенциал. Вот он – потенциал, всё напряженно, всё упруго и энергично, как после приёма виагры.

– Я тоже люблю мультики. Между Микки Маузом и мышью – большая разница, чтобы не говорил Голливуд.

«Молчи дурак», нарисовалось в ее дотоле пустых аквамариновых глазах. Даже показалось, что на самом деле у них совсем другой цвет и выражение.

Вертолет, заложив вираж, направился к самому высокому зданию питерского Сити, горделивому творению гильдии наноинженеров, сосредоточию всех мыслимых медиа, источнику всего то, что входит в глаза, уши и нейроконнекторы любого жителя Петербурга, Ингерманландии и еще доброй половины Евразии. К дому, который носил неофициальное название Дом Медичи.

– Если смотреть со стороны моря, то он похож на мачты затонувшей шхуны, правда? – нарочито гордо сказала модераторша…

Два корпуса, напоминающие надувшиеся полотнища косых парусов, и в самом деле меняли свою кривизну как будто под воздействием ветра. Фотонические нанопокрытия на фасадах образовывала огромные километровые экраны, на которых крутилась видимая даже из космоса реклама.

Обитатели космоса сейчас могли узнать, что нет ничего нежнее и чувственнее туалетной бумаги «Ладошки фрейлины».

Вертолет влетел в просвет между «парусами».

Они скрывали как створки раковины еще один корпус, слепленный из дворцовых фасадов и корабельных форштевней.

Талия неожиданно оттаяла и приблизилась к Грамматикову на расстояние вытянутой груди.

– Тебе повезло, милый мой, ты оказался в нужном месте и в нужное время. Сегодня, когда глупые мальчики с окраин, откровенно говоря, живут кисло, органы в себе выращивают на продажу или работают попкой, у тебя есть возможность отличиться, бабки срубить и кайф словить! – ее голос профессионально забурлил от восхищения. – Ведь сегодня в Доме Медичи – Международный День Сказки. И наше шоу «Последнее

прости» участвует по полной программе.

7

Над бездной стоял Калинов мост. Дряхлый, изъеденный искусственным временем и раздолбанный тяжелыми тварями вроде двенадцатиглавых змеев.

Дальний конец моста таял в густом молочном аэрозоле.

Надо было идти вперед. Грамматикова, обряженного в экзоскелет Змея Горыныча, сейчас преследовала целая бригада иван-царевичей, уверенных, что он обольстил полк Василис Прекрасных. Змей Горыныч, судя по генеральским погонам, символизировал прежний великодержавный режим. Иван-царевичи выглядели подчеркнуто космополитично в своих ковбойских шляпах и джинсах.

Наказание для старорежимных змеев горынычей в Международный День Сказки было жестоким. Сжечь, прах зарядить в Царь-Пушку и выстрелить….

Горынычу-Грамматикову казалось, что он уже слышит врагов, как будто уже позвякивают пьезоколокольчики, развешенные в том нанопластиковом лесу, который вырос из его колдовского гребня.

Он сделал несколько шагов по мосту и чуть не упал. Гнилые доски рассыпались прямо под ногами. В прорехи были видны морды летучих демонов, обитателей бездны, питающихся тем, что падает с моста.

Мономолекулярный дисплей, плавающий как обычная линза по его левому глазу, окружил демонов виртуальными нимбами и снабдил надписями: «Нечисть класса „А“. Интерфейс недружественный».

Грамматиков сделал еще несколько шагов, и опять чуть не сорвался. Наконец он сообразил, что прорехи образуются не абы как, а согласно алгоритму. Такие алгоритмы обычно дают в числовых тестах при приеме на «умную работу».

Когда мост стал уже не таким страшным, из тумана показался богатырский конь с Иван-царевичем. Конь знал алгоритм выпадения гнилых досок заранее. Его туша поскакала на Змея Горыныча по ломанной линии, огибающей все скрытые опасности. Иван-царевич бодро махал своей палицей. Весом в центнер минимум. Если бы не экзоскелет, этот тип ее бы даже не приподнял.

Черные ноздри коня храпят, дым с искрами пускают. Лошадиных сил в нем не меряно. Как-то не верится, что

экзоскелет выдержит многотонный удар копыт. Растопчет эта скотина Горыныча, как пить дать, а устроители празднества запишут в графе «причины смерти» что-нибудь вроде «пережрал дармовых чипсов»…

Горыныч-Грамматиков подныривает под коня, рискованно крутится на заднице, помогая себе хвостом, затем резко распрямляется. Хрустит от перенапряжения экзоскелет, но скотина-биомашина теряет точки опоры. Конь-огонь свирепо лягается, однако Горыныч уже взял его самбистским приемом «мельница» и, через еще один оборот, бросает в пропасть…

Иван-царевич успел ловко выскочить из седла, балансирует на балках, прыгает на Горыныча и наносит удар палицей.

Горыныч-Грамматиков почти увернулся, но все же его сшибло, бросило на балюстраду моста, которая тут же развалилась.

Горыныч едва успел ухватиться за самый край моста, повис, безнадежно болтаясь над пропастью. Вот-вот сорвётся.

И сорвался бы, если бы Иван-царевич не попытался раздавить скрюченные зеленые пальцы Горыныча, цепляющиеся за балку.

Грамматиков ухватился за сапог Царевича, забросил себя обратно на мост.

Иван-царевич вцепился ему в шею. Горыныч-Грамматиков кувыркнулся через его руку, размыкая захват, освободился, и тут же заработал богатырским кулаком по шее.

Несмотря на экзоскелет – почти нокаут, пейзаж потерял четкость, поплыл…

Горыныч ударил врага, почти не глядя, локтем, получил хук слева. На этот раз успел пригнуться, но поскользнулся, упал, чуть не съехал в прореху. Попытался сделать подсечку Иван-царевичу, а тот подпрыгнул как резиновый чертёнок и еще нанес удар остроносым ковбойским сапогом. Целил в голову… Горыныч-Грамматиков перехватил его ногу и толкнул в сторону ограждения моста…

– Грамматиков, падла, друга убил, – больше уже ничего Иван-царевич не успел сказать. Его тело, перелетев через перила, растаяло в фиолетовой бездне, оставив лишь дымный след.

А ведь Царевич – это нормальный человек, участник шоу… Брр, и я мог быть на его месте…

Но Талия говорила, что экзоскелет дает стопроцентную гарантию безопасности.

Грамматиков обернулся. С утеса-великана его манила крючковатым пальцем какая-то нелюдь. Виртуальный нимб дал ей характеристику : «Посланец богов. Интерфейс дружественный. Отказаться невозможно.»

Сказочная пещера, населенная каменистыми троллями, завершилась дверью. И Грамматиков вынужден был войти.

Вроде обычная питерская квартира с довольно старомодной обстановкой…

На большом столе обеденном столе лежал… Сержант. Настоящий. Мокрый. В шевелюре запеклась кровь вперемешку с грязью. Левый глаз полуприкрыт гематомой. На глаз еще течет из разбитой брови. Ноги Сержанта трясутся мелкой дрожью, выбивая страшноватую чечетку. Игровой экзоскелет рассечен и напоминает панцирь раздавленного жука.

Сержант лежал прямо на тарелках, в соусе, в пюре, в соленостях, в луже пролитого вина. Но, в первую очередь, он лежал в огромной торте.

Помимо него здесь было еще несколько людей. Очень пожилая дама, в одеяниях Старой Ведьмы, в широкополой шляпе. Модераторша Талия, сейчас в облике Молодой Ведьмы, с сияющими проекторами в глазах. Человек с абсолютно незапоминающимся лицом, типичный Инквизитор. Он как будто все время находился в тени.

Все присутствующие явно были участниками праздника сказки. Но Грамматиков сразу почувствовал, что это праздник явно не для всех. Чтобы прервать молчание, застывшее над сюрреалистической сценой, он сказал:

– Почему бы не вызвать ему скорую помощь?

– Никто из присутствующих не нарушает его право на жизнь. Ни одно из подсоединенных к нему устройств не мешает его основным жизненным функциям, – сказала Старая Ведьма. – Однако у него нет оплаченного права на немедленную медицинскую помощь и восстановление жизнедеятельности в полном объеме.

– Зато у нас есть оплаченное право на то, чтобы жизнь не была скучной, – хихикнула Талия.

Несмотря на шутовской вид, настрой собравшихся был ясен, они были жестки и непреклонны. Им, наверное, было весело, от возможности показать силу и власть. Если это и была сказка, то отнюдь не для детей.

– Послушайте, я ненавижу фантасмагории, в любом виде, – преодолевая дрожь в голосе, заявил Грамматиков.

– Никакой фантасмагории и капустника, просто у нас такое делопроизводство. Хотите называйте это игрой, хотите – допросом, – словно спохватившись стал объяснять Инквизитор. – Открытый город не состоит из статичных сцен, тут – суд, там –

тюрьма, здесь – эшафот, за углом еще какой-нибудь орган. Попробуйте это понять. Год назад мы сокрушили государство, вовсе не для того, чтобы поставить ему на место точно такое же, с унылым набором неизменных институтов. Наше общество – это живой мыслящий динамичный организм. Продюсер шоу – по совместительству следователь гражданского Комитета Гармонизации. Режиссер – прокурор. Телестудия одновременно является судебным присутствием. Прямо сейчас идет сетевая трансляция и те, кто имеют лицензию на эту информацию, получают ее. А те, кто купили лицензию на вынесение приговора, принимают решение.

Только сейчас Грамматиков заметил, что и соус, и пюре, и крем шевелятся, торт постепенно обволакивает тело Сержанта, а прямо в его окровавленный затылок входят претонкие проводки, похожие на сахарную вату.

– Как больно, – прохрипел Сержант.

– Хватит врать, мы контролируем ваши синапсы.

Перед Инквизитором на голографическом экране появилась нервная система Сержанта.

От каждого прикосновения пальцев Инквизитора к экрану возникали дополнительные окошки с диагностикой того или иного нервного центра.

Почти вся нервная периферия Сержанта светилась мертвенным голубым светом блокировок. И лишь несколько пар черепномозговых нервов – обонятельных, глазодвигательных, языкоглоточных – казались лилипутскими автомагистралями, по которым проносятся желтые огоньки крохотных машин.

– Так и есть. Подозреваемый ничего не чувствует. Тот танец, который он выделывает ногами, не имеет отношения к его мозгу.

Инквизитор потянул из торта склизкую трубочку со штекером типа «пасть миноги» и воткнул его в разъем за ухом Сержанта.

– Не больно, – согласился Сержант, – я как будто в каталептическом состоянии. Мне и обоссаться не стыдно. Ну, пытайте меня дальше. Побольше воображения, господа садисты.

– Молодец, – похвалила Талия, ее проекторы полыхнули настоящим адским огнем. – Мы как раз поменяли на нашем пыточном сервере кэш третьего уровня. – Поле битвы – ваше мужественое тело.

– Только пожалуйста, Талиечка, чуть убавьте яркость ваших очей, – добавил Сержант. – Ой-ей-ей, как мне щекотно. Мое бедное мужественное тело – как страна перед распадом. Печень поползла со своего места, и глаз померк, не желая видеть печальный конец других органов.

Словно в такт его словам левый глаз задергался под

гематомой.

– Что это значит? – спросил неизвестно кого Грамматиков, его голова была словно наполнена ватой, а под ложечкой пульсировала тошнота.

Ответил Инквизитор.

– А то, что ваш знакомый сейчас подвергается интрабиологическому дознанию по подозрению в террористической деятельности. Как вы знаете, информация может быть записана в любую из тканей тела, на клеточном уровне, на уровне ДНК, на уровне внутриклеточных телец.

Грамматиков оглянулся и заметил пистолет в руках у Старой Ведьмы, которая сейчас зашла ему за спину. Широкий ствол смотрел в его сторону.

– Гражданин Дворкин, Борис, бывший сотрудник российского отделения НАСА, – прочитал Инквизитор с видимого только ему виртуального экрана. – Есть сведения, заслуживающие доверие, что он служил в спецназе МВД под другим именем во время сибирской войны, имел звание старший сержант, был соучастником военных преступлений. В конце войны в составе националистического бандформирования «За Пушкина» участвовал в диверсионных нападениях на миротворцев с применением так называемых лазерных шприцов. Известен под кличкой Сержант.

Значит, Сержант – это всё-таки Дворкин.. Наверное, в лицевую мускулатуру двуликого Бори имплантирована миозин-резина, занимающаяся трансформациями физиономии.

Борис шумно выхаркнул сгусток крови и сказал.

– Прости, Андрюха, не мог тебе сразу правду втюхать, ты ж у нас еще нестойкий в борьбе. Лазерный шприц – отличная штука для спецопераций, давлением луча проталкиваются по каналу фуллереновые нанопилюльки, начиненные токсинами. Но этот гад пусть лучше расскажет, как американские роботеры наши села и города жгли, как финские зондеркоманды выбивали русский дух из Карелии, как миротворческие демоны резали по ночам противников нового режима. А какую они тут свободу установили… Продаются и покупаются насилие, похоть, грабеж, вампиризм, педофилия. Если купил лицензию на казнь, можно даже электрический стул дома держать…

– А не хотите ли вы, чтобы я вам подкрутил звук, – пригрозил Инквизитор и несколько стеснительно улыбнулся, показывая, что сам он не сторонник крутых мер.

Голос Дворкина сразу сел. На первый план вышло то, что происходило с его телом. Приобретала прозрачность теменная кость, под черепной крышкой засеребрилась паутина мозговых

извилин. Та часть спинного мозга, которая просматривалась сквозь пробоины экзоскелета, казался гигантской спящей многоножкой…

Глаза Бориса совсем затянулись кровавой коростой, но губы и гортань еще шевелились, исторгая густой шепот:

– Вы видите как под грубым воздействием темной техножизни умирает личность Бориса Дворкина. Они расчленяют меня также, как расчленяли Россию.

– Мы не расчленяли Россию, – довольно вежливым голосом напомнил Инквизитор. – Мы взяли то, что осталось от этой страны, и сделали цивилизованной частью старой-доброй Европы. И вовремя взяли. Вы бы знали, что творится к югу от Твери и к востоку от Ярославля, на территориях, формально находящихся под управлением ООН, но реально контролируемых джамаатами. Работорговля, средневековье. Чуть мы опоздай и Джамаат аль-Исламия хапнул бы и нашу Ингерманландию.

– Что вы конкретно ищете? – спросил Грамматиков Инквизитора.

– Коды. С точки зрения ветсофта[5] господин Дворкин всего лишь упаковка для определенных объектных кодов и сервисных процессов.

В такт словам Инквизитора голографический экран красочно демонстрировал, как циркулирует информация в Дворкине, ментобайт за ментобайтом, входя и выходя через точки доступа в височных долях, подвергаясь распределению в лимбическом отделе мозга под управлением гиппокампа и записываясь в отформатированные регионы по всему кортексу…

– Можно предположить, Андрей Андреевич, что есть еще один биоконтейнер, в котором находится другая часть кодов и процессов.

Инквизитор посмотрел на Грамматикова, однако не в глаза, а скользящим обтекающим взглядом.

Грамматиков почувствовал тяжесть под кадыком, по спине жаркой змейкой поползла испарина. Сейчас они будут его потрошить также, как и Дворкина.

– Не бойся, солдатик, – подбодрила Талия. – В отличие от Дворкина ты, Грамматиков, всего лишь жертва. Мы в курсе, что после демобилизации ты не участвовали в каких либо противоправных действиях.

– И если в Дворкине мы найдем все необходимые интерфейсы и адаптеры, то ваша начинка будет прочитана легко, практически без внутритканевого сканирования, – сказала Старая Ведьма стальным бесполым голосом.

– Что же это за коды такие? Что получится, если их

соединить? – спросил Грамматиков, борясь с сухостью в горле.

– Вопрос на сто долларов. Получится нечто чудовищное, – ответил Инквизитор. – Возможно, господин Дворкин с вами уже делился соображениями на этот счет. Да, это действительно новый тип нановегетативных систем, полностью открытых, способных победить любую энтропию. Но он, наверняка, сказал не все. Это не Древо Жизни, а Древо Гарантированной Смерти. Технополипы, техногидры, техномедузы – саморазмножающиеся, самоорганизующиеся, самовосстанавливающиеся, быстро расползающиеся по всему миру. Их не удержать, не остановить. Потому что это не нанопластик и не нанороботы, которых можно перепрограммировать или дезинтегрировать. Это – техноорганизмы, изменчивые и приспосабливающиеяся ко всему. Для победы над энтропией они способны утилизовать всю живую органику.

– Да, да, – пробормотал Грамматиков. У него сильно зачесалась макушка. Как будто инквизиция уже запустила свои щупальца ему в голову.

Волна прозрачности расходилась по Дворкину, открывая внутренности, привращая его тело в набор мясопродуктов, и это отдавалось пОтом на теле Грамматикова.

– Так вы согласны на сотрудничество? Я официально предлагаю вам сотрудничества от имени гражданского комитета гармонизации.

Грамматикову почему-то показалось, что Инквизитор, скорее, является передаточным звеном для Старой Ведьмы. Уж не сама ли это губернаторша?

Старая Ведьма качнула головой и Грамматиков вспомнил анимацию из газеты. Это Найдорф. Точно она.

– Мы не формалисты, как вы могли убедиться, господин Грамматиков, – сказала Найдорф. – Для нас важно желание и воля, а не декорации.

– Не соглашайся, Грамматиков, как только у них появится интерфейс и адаптеры, они раскурочат тебя, так же как и меня, – проскрежетал Дворкин. Серебристая паутинка, оплетающая его мозг, заметно потускнела.

– Я и в самом деле вынужден полностью убрать звук, – сказал Инквизитор.

– Не смейте, вы нарушаете статью библии, что грозит обвинительным приговором на Страшном Суде, – зачастил Дворкин. – Вы разрушаете штучную работу господа Бога, чужую интеллектуальную собственность. Мой разум дан мне свыше, а не сбоку и не снизу. Я вовсе не клиент-серверная система, как клерки из ваших офисов.

Дворкин смолк, хотя в его горле продолжалось какое-то движение, а каблуки еще активнее забили по столу, словно компенсируя стеснения свободы слова.

Грамматикову вдруг захотелось, чтобы этот танцующий полутруп немедленно убрали отсюда. Надо было как можно быстрее обсудить условия сотрудничества с гражданским Комтетом Гармонизации. В этом был смысл. Без Дворкина не возникло бы никакой техножизни, никакой угрозы для всей живой органики, это он всё организовал…

– Вы не могли бы сейчас остановиться, я не хочу это наблюдать, – сказал Грамматиков.

Ответ был неожиданным. И не от Инквизитора.

Под полупрозрачными кожными покровами Дворкина неуловимо быстро сократились багровые узлы мышц и алые тросы сухожилий, резко изогнулась радужная «многоножка» спинного мозга.

Каблуки Дворкина с грохотом ударили по столу, но на этот раз это не было танцем агонизирующей нейромоторики.

Тело Дворкина с чмокающе-пневматическим звуком вырвалось из торта, мгновенно разорвав сахарную вату проводков.

Инквизитор увернулся от первого несколько неловкого тычка Дворкина. Однако губернаторша Найдорф пропустила удар ногой на среднем уровне, и пистолет выпал из ее руки. Подсечка опрокинула на пол и Инквизитора.

Разные цвета сейчас боролись в теле Бориса, словно сошлись в нем разные начала и первоэлементы. Черные и белые полосы сплетались на его лице и груди, как будто в нем совоплотилось одновременно сто папуасских людоедов в боевой раскраске.

Между рук Дворкина завертелась голубая змейка, и за секунду до того, как Инквизитор подхватил пистолет, она прошла сквозь его тело, развалив пополам.

Половина Инквизитора еще поползла куда-то. Среди нормальных внутренностей были видны какие-то дополнительные структуры, которых не должно быть у человека – зеленоватые нити с подрагивающими пузырьками.

– Шалишь, – Боря забросил половинку Инквизитора в угол и следующим движением голубой змейки срезал с Найдорф голову.

Голова генерал-губернаторши покатилась по полу, но тело осталось стоять, а в красном кратере шеи показалось, что-то напоминающее надувной шарик. Шарик не успел дорасти до размеров головы, потому что Дворкин заставил его лопнуть одним молодецким щелчком.

– Грамматиков, городом Питером руководят переформаты,

начиненные темной техножизнью, словно трупак червяками. В бабушку-дедушку Леру Найдорф еще восьмого марта прошлого года мы всадили в качестве подарка на женский день десяток разрывных пуль, а ей хоть хрен. Вот я и говорю, что все транссексуалы повязаны с чёртом… Ну, а что та одинокая девушка в уголке? Надеюсь, она не откажется со мной потанцевать.

Дворкин решительно двинулся к Талии, которая вжалась в узость между шкафом и стеной.

– Остановись, Борис, – Грамматиков заслонил модераторшу. – Если даже в ней гнездится темная техножизнь, она остается человеком, у нее есть право на жизнь. И вообще всё бесполезно. Сейчас здесь будет полиция.

– Отдохни, защитничек, – неожиданно твердой рукой Талия отодвинула Грамматикова в сторону. – Я лучше полиции.

И Талия распорядилась Дворкином, словно тот был мягкой детской игрушкой.

От удара девушки экс-Сержант перелетел через стол и врезался в стенку. Сполз кучей на пол. Прохрипел уважительно:

– Это серьезно. Блин, да это ж…

Талия подошла к обомлевшему Грамматикову и из ее глаз, ярких как небо пустыни, выглянул экспериментатор.

– Ты меня интересуешь, куда больше чем Дворкин. Узнаешь меня, мальчик?

Ее глаза и пальцы, ее рот приблизились к его шее, его груди, его животу. Ее лицо менялось на глазах, та же способность к мимикрии, что и у Дворкина. То ли Вера Лозинская, то ли медсестра-брюнетка, то ли гарпия, рвущая человеческую плоть… А потом она скинула платье и ее полупрозрачное тело заструилось перед оцепеневшим Грамматиковым. Цветы яйцеводов и стебель позвоночника, дольки желёз и бутон матки в нимбе из дымчатой плоти. Картина была объективно ужасной, это Грамматиков сознавал, но он был готов любить и ее органы. А потом словно открылось виртуальное окно и лицо Талии стало пропускать свет, который не имел никакого отношения к электрическому освещению, поскольку поднимался из Бездны. Его даже и светом трудно было назвать, ни яркости, ни цвета. Только энергия и власть.

Паутина из этого ненормального света сладко оплела мозг, легкие, кости Грамматикова.

Все тело Грамматикова стало тонким и легким как барабанная перепонка, он слышал шелест листвы, шорохи лесного зверья, щебет птиц, жужжание пчел, поступь лани, копошение личинок, падение капель дождя.

Он слышал запахи далеких соцветий, и пряные ароматы коры. И тихий шепот нанопластика. И, казалось, музыку больших и малых сфер он тоже слышал: атомов, соединяющихся в молекулы, и молекул, сцепляющихся в вещество, и вещества, рождающего сознание. Грамматиков чувствовал разум в крохотных ручейках энергии, просачивающихся сквозь границу, которая защищает плоский мир людей от Бездны…

Голова Грамматикова раскрылась как раковина мидии, его слух и видение поднимались как пар из кастрюли. Вещи теряли твердость, текли ручейками словно на картинах Ван-Гога, рассыпались мазками как у Клода Монэ. Еще немного и весь мир можно будет сплести по новому…

Ладони Веры были у Грамматикова на груди, но никакой скин-коннектор не пропустил бы такую волну пронзительных ощущений. Вера знала скрытые нейроинтерфейсы, рассредоточенные в его теле. Однако Грамматиков не ощущал себя жертвой инфекции. Пусть так, если это ключ к иной объемной жизни.

– Андрей, нам не нужен ни Дворкин, ни Найдорф.

Ее пальцы оказались у него на шее. Ее ногти легко как в масло вошли в его кожу и не было больно, ее ногти прорастали сквозь его тело, нежно и неудержимо рассекая плоть и блокируя нервы. Другая рука скользнула вдоль средней линии его живота к паху. А вместе с тем брызнули и потоки сладкой энергии. Вот-вот превратятся они в водоворот, который в момент унесет душу Грамматикова…

Вера неожиданно отшатнулась. Вернее, вильнула вбок и назад. Звук выстрела громыхнул под потолком. Вера, как будто не глядя, ударила Дворкина ногой, отбросив на шкаф. Тот бессильно хрупнул и сложился пирамидкой на рухнувшим телом. Пистолет улетел в угол. Грамматиков теперь почувствовал боль и кровь, ползущую теплой змейкой по шее…

– Господи, Грамматиков, сматывайся пока не поздно, – прохрипел Дворкин. – Ей в самом деле нужен ты, а не я, в тебе – секрет техножизни. Она разделает тебя как хороший повар цыпленка – всего за несколько секунд.

Дворкин сорвал что-то со своего уха и швырнул в сторону Грамматикова. Вера, по звериному рванувшись, попыталась перехватить летящее кольцо, но Дворкин стреножил ее. И тут же был вбит в пол, как гвоздь.

– Не дай ей трахнуть себя, – просипел Дворкин. – Дуй на транспортный терминал, и лети отсюда голубем сизокрылым. Запомни, автопилот роторника должен быть в режиме «С».

– Я же твой идеал, Андрей, – говорила Вера, а заодно топтала

как птица-секретарь катающегося по полу Бориса, который выплевывал слова вместе со сгустками крови:

– Лети, Дюша, как будто у тебя в одном месте ракета. Тебя ждет рубка флагманского корабля и вся эскадра.

Грамматиков поймал кольцо, видимо поспособствовали уроки пинг-понга, полученные в детстве.

– Андрюха, сделай все так, чтобы мама гордилась тобой…

Информация из устройства памяти считалось через скин-коннектор.

Прорезавшая воздух виртуальная нить Ариадны повела Грамматикова прямо в стену.

В стену? Если бы еще в окно. Почему в стену-то?

Глава 4
Мир

1

Да пошел ты со своей стеной, Боря. Так я и поверил.

Дворкин уже не двигался. Вера, пнув его последний раз, обернулась к Грамматикову. Едкий свет лампы лишь слегка прорисовывал ее, едва заметными ручейками стекая по нервным волокнам и кровеносным сосудам.

Андрей вдруг понял, что не ударит ее. Во-первых, он никогда не бил женщин. И что более важно, если он ударит, то она сделает это куда больнее.

Грамматиков рывком перевернул стол и полужидкая дрянь плеснула с него на пол.

Грамматиков прыгнул так, как прыгают в бассейн. Упал, заскользил, по дороге повернулся вокруг оси.

Потом толкнулся и оказался в оконном проеме. Щеколда легко поддалась и ставни разошлись в стороны.

Ниже окна была только гладкая стена, опускающейся отвесно вниз в «лагуну». С рекламных облаков светилась надпись: «Не оглядывайся. Сделай шаг навстречу мечте. Крем для бритья лобка 'Небесное наслаждение' «.

Грамматиков всхлипнул, не совладав с дыханием, и спрыгнул назад, с подоконника в комнату.

Он увидел как практически убитый уже Боря обхватил Веру, а она бьется как муха в паутине, машет вымазанными в чужой крови руками. Приклеил он ее, что ли? Кровавые руки Веры выглядели какими-то пресмыкающимися благодаря невидимости остального ее тела. Из рассеченного живота Дворкина валятся кишки, а из-за рта выдвигается что-то. Более длинное чем язык, с мигающими индикаторами…

Уже не отступая от виртуальной нити, Грамматиков влетел прямо в стену под грохот взрыва, который едва успел хлестнуть его горячим потоком.

Грамматиков не разбил себе голову. Стена оказалась слоем жужащих фоглетов[6] , прокатившихся по его телу как морская волна, однако не оставивших ни одной капли.

Грамматиков вовремя взмахнул руками. Под ногами практически ничего не было, кроме узкой балки. Через пять метров она пересекалась с другой балкой, причем не совсем

перпендикулярно. Изнанка Дома Медичи показалась бы интересной любителю абстрактной живописи. Самопроизводящийся нанопластик не играл в прямоугольники. Здесь были разные углы и даже криволинейные элементы. Очевидно, хаос превращался в расчетную прочность уже в масштабах большого набора элементов.

Помимо каркаса из балок во внутренностях небоскреба просматривалось хитросплетение труб. В мрачном мерцании светодиодов было видно, что они скользкие, полупрозрачные, пульсирующие, сплетающиеся и разветвляющиеся. Из-за текущих по ним несмешиваемых жидкостей, они казались червивыми, как кишки, пораженные гельминтами. Задерживаться здесь не хотелось, но…

Гладкая плоскость позади замешкавшегося Грамматикова пошла рябью, а потом вспучилась, облекая чьи-то лица. Выглядело это как очередная декорация для «восставших из ада»…

Надо сделать несколько шагов до следующей балки. Господи, он чуть не сорвался. Так скользко и липко, а внизу шевелит пиявочными челюстями пустота.

Андрей поскользнулся на вездесущей плесени, которой американцы уничтожили пол-России. Снаружи, на стенах, ее не было видно, но внутри здания ей было чем подкормиться.

Грамматиков едва удержался в обезьяньей позе, опираясь всеми четырьмя конечностями на балку, и не давая сердцу выскочить как яичко изо рта фокусника.

В смутном воздухе надулся виртуальный пузырь с сообщением.

******Разрешен доступ только для специалистов. Предъявите лицензию, легализованную гильдией наноинженеров.*****

Грамматиков вспомнил стальные глаза матери, которыми она ловила на мушку работорговцев, холодные прицелы ее зрачков, которыми она выслеживала киднепперов… и горячий трепет, сотрясавший его мышцы, словно кипящий бульон, вдруг вытек из тела. А липкая гадость, держащая его за ноги, наконец позволила ему продвинуться вперед.

******Если вы не являетесь специалистом или объектом, сконструированном для работы для монтажных работ, вы должны немедленно связаться со службой спасения.*****

Несколькими ярусами выше кто-то ходил, щелкая самохватом. А по балке к Грамматикову ползли червеобразные объекты размером с хорошую палку колбасы. Спереди эти здоровенные робочерви были «упакованы» в полусферический

панцирь, напоминающий шлем. Рядом с ними горели виртуальные надписи, снабженные указующими стрелочками.

*****Сервисные объекты «U2», утилизаторы. Предназначены для дезинтеграции посторонних включений. Если вы не являетесь посторонним включением, постарайтесь связаться со службой спасения.*****

Одна их этих штук мигом приклеилась к его ботинку и сразу послышался треск крепкого мейларового материала. Червяк в шлеме не имел ни клыков, ни пасти, он сдирал мейлар своим липким телом.

Это было серьезно. Ужас вцепился в подвздошную область Грамматикова. Сейчас сервисный объект будет сдирать с него кожу лоскутами и срывать ломтями мясо. У этих червемашин выделения пострашнее, чем наноклей, который применяли военные, чтобы уконтрапупить вражеские танки.

Но внутренний капитан, который сейчас казался похожим на маму, взял под управление нервы Грамматикова.

Он наклонился, ухватил робочервя за выступ шлема, и рывком оторвал от себя. Вместе со слоем мейлара и половиной шнурка.

Грамматиков машинально отшвырнул робочервя в сторону шустрой тени, которая мелькнула рядом на перпендикулярной балке.

В призрачном свете диодов он увидел человека в униформе «секьюрити». Лица у охранника не было видно, потому что к лицу присосался робочервь.

Еще мгновение и сотрудник «секьюрити» сорвался вниз.

В руке у Грамматикова осталось оружие. Он успел вырвать автомат из рук падающего охранника за мгновение до того, как тот смайнал с балки.

Несколько секунд Грамматиков размышлял, что будет делать с этим оружием. Таких автоматов в армии не было. Очень короткий и широкий ствол, никакого приклада. Наверное, это оружие ближе всего к беспатронным винтовкам «Урал», только калибр побольше и начальная скорости пули поменьше.

Совсем близко зашумели чьи-то ноги. Грамматиков рывком укрылся за трубой и выстрелил по двум теням, которые быстро передвигались двумя уровнями выше. Одна из фигур исчезла. Укороченная винтовка, почти не дающая отдачи, была во внутренностях небоскреба оптимальным оружием.

И не только для Грамматикова.

Очередь прошила трубу неподалеку от его головы. Труба задрыгалась как раненная гюрза, но дыры в ее нанопластиковых стенках почти сразу стали зарастать тонкими волокнами.

Волоконца извивались, подыскивая оптимальный путь своими сенсорами… Такая штопка могла травмировать любую психику.

В виртуальном окне, распахнувшемся перед самым носом Грамматикова, зажглось строгое официальное предупреждение.

Внимание. Структура нанопластика запатентована, копирование без разрешения владельца – запрещено.

Грамматиков дал несколько очередей в сторону не слишком понятных шумов, потом, ухватившись за трубу, съехал еще на несколько уровней вниз.

Где эта чертова ариаднина нить?

На этом уровне балочные соединения чаще имели форму арок и архивольт, появились кое-где подобия перекрытий и стенок.

Внутри стенок что-то двигалось, судя по раздельным потокам цвета – магнитные несмешиваемые жидкости с управляемой текучестью. Нанопластиковая конструкция продолжала достраивать и обслуживать себя, выводя наружу грязь и шлаки.

Грамматиков поднес руку к стенке и несколько потоков устремилось к ней навстречу. Он надавил на стенку и почувствовал легкие ответные пульсации. В виртуальном окне побежали алые как кровь строчки:

Сверхчистые материалы, обладающие высокотемпературной сверхпроводимостью. Остерегайтесь нарушить изоляцию.

Оптоволоконные нити пронизывали стенки. Сплетения нитей распускались соцветиями разъемов и сенсоров.

Для доступа в информационную систему нанопластика вы должны обладать кодами доступа, авторизированными в гильдии наноинженеров.

Грамматиков поднес руку, татуированную скин-коннектором, к разъему, и полумрак расцветился виртуальным фейерверком огненных запретных символов.

Весь софт защищен законом об авторском праве. Для получения доступа к пользовательскому интерфейсу вы должны немедленно обратиться к держателю авторских прав.

А сверху уже свисают робочерви, хотят упасть прямо на макушку, по бокам движутся человекообразные тени. Вот-вот начнут стрелять.

Преследователи были рядом, но они были невидимы при таком освещении.

И вдруг, словно из сумрака, сгустился черный монолит. Одним поворотом своего гранитного тела он раскидал и затушил

огни лицензионных претензий. На монолите шкодливой рукой хакера была высечено:

Кряк-бюро. Коснись меня для генерации доступа в систему.

Нить Ариадны обвила монолит и он превратился в обычное виртуальное окно.

В этом окне хаотическая геометрия небоскреба превратилась во фрактальный рисунок. Обозначились линии, по которым происходило разрастание нанопластика. Высветилась структура управления и обратных связей, что превращала здание в интеллектуальную машину. Транспортный терминал выделялся на этой схеме разомкнутыми в окружающее пространство информационными контурами.

Вместе с потоками сигналов Грамматиков побежал по бесконечно петляющему нанопластиковому каркасу Дома Медичи.

Ширина балок порой не больше пяти сантиметров, плюс каждые несколько метров узловидные сочленения, но нельзя останавливаться ни на секунду. Едва уйдет автоматизм движений, мозжечковая ловкость, и ты – труп. А пока бежишь, телом как будто командует сверхвнимательный и стопроцентно хладнокровный капитан и мрачные внутренности здания кажутся лишь легкой паутинкой на поверхности светоносной пустоты…

Пуля прожгла балку над головой, на спину со злобным шипением брызнул расплавленный нанопластик. Одна капля попала на голую шею. Грамматиков тут же и сорвался.

Его спасла труба, которую он оседлал на манер коня, едва не раздавив при этом популярные органы, размещенные природой между ног. Спасла и одновременно погубила. Но Грамматиков это понял не сразу.

Сперва он порадовался за свое спасенное «хозяйство», может еще пригодится. Потом осмотрелся.

Труба уходила через пару десятков метров в емкость коллектора, который располагался ровно под терминалом. До цели рукой, в общем, подать.

Грамматиков сразу попробовал доползти до терминала. И тут он понял, что «приплыл».

По трубе мирно плыли себе то ли отходы, то ли конструкционные материалы, но ее наружние стенки были такие глянцево-маслянистые, что как ни кряхти, а никуда не уползешь.

Ближайшая балка – слева, на расстояние чемпионского прыжка. Грамматиков не был чемпионом, тем более в прыжках из положения сидя. Ему оставалось цепляться за трубу, ожидая, пока его сожрет изнутри голодная смерть…

Ариаднина нить юркнула в трубу. Ну, нет. Если сдохнуть, так уж лучше снаружи…

Грамматиков неожиданно стал вспоминать, как давно он не ел. Кажется, с ночи. Желудок тут же отозвался протестным бурчанием…

Грамматиков натянул на голову капюшон, придал наноактуаторам куртки максимальную жесткость, рассек металлорганическую трубу штыком, выдвинувшимся с дульной части оружия, и вложил персты в «рваную рану». Рваная рана немедленно обернулась жадной глоткой и втянула Грамматикова. С головой и ногами.

Этот кишкопровод сдавил его и потащил вперед продольными пульсациями.

Грамматиков, конечно, вспомнил о страшной участи кроликов, проглоченных удавом, но куртка более-менее держалась.

Страшнее было то, что вместе с ними прокачивались побочные продукты нанопластического автопроизводства. Они совершенно недвусмысленно пытались под высоким давлением влиться ему в дыхательные пути.

Разрешен доступ только для лиц в пенетроскафандрах. Предъявите ваше квалификационное свидетельство, заверенное торгово-промышленной палатой.

Грамматиков судорожно пытался защитить руками носоглотку от настойчивых масс, которых только в порядке большой лести можно было назвать рвотными.

Если вы не являетесь объектом, специально сконструированном для работы в каналах, вы должны немедленно совершить процедуру безопасного саморазрушения.

Жижа, преодолев отчаянное сопротивление Грамматикова, втиснулась ему в нос вместе с букетом злых запахов.

Грамматикова вывернуло бы наизнанку, но он наполовину отключился. В этой полуотключке его покачивала Бездна на волнах невидимого света. Открылось виртуальное окно прямо в его теле. Мысли Грамматикова, пройдя через тайные программные интерфейсы и превратившись в распределенные потоки сигналов, остались его мыслями.

Они текли по углеродным и кремниевым нитям, из которых были сотканы стенки трубы, смыкали и размыкали ионные замочки, которыми соединялись нити, влетали в дендримерные молекулы, из которых вырастали новые нити, напрягали супрамолекулярные мышцы трубы.

Они различали желтые шарики атомов кремния, голубые

шары мышьяка, фиолетовые крупинки дисперсного золота, пульсирующую электронную гущу квантовых ям.

Труба изогнулась, не понимая, что от нее хочет новый хозяин, напряглась, вздрогнула и лопнула. Один ее конец хлестал направо и налево пестрой жидкостью, как отвязный художник-абстракционист. Второй конец понес Грамматикова к решетке вентиляционного отверстия. Хозяин трубы, напоминающий сейчас змеечеловека, нажал на спусковой крючок автомата и, прежде чем его тело врезалось в решетку со всеми вытекающими кровавыми последствиями, разодрал ее бронебойными пулями.

Грамматиков вместе с ветерком из жидкометаллических капель влетел в открывшийся вентиляционный канал.

Шлепнулся, проехался на животе, замер и приподнял голову.

Поток жарких выхлопных газов заполнил его дыхательные пути, заставив их затрястись в кашле.

Значит, это и в самом деле транспортный терминал.

Грамматиков поднялся и двинулся вперед. Но ушел он недалеко.

2

Грамматиков уперся в огромный вентилятор, который гнал горячий и вонючий воздух, вращая лопастями со скоростью тридцать оборотов в минуту.

Идея пришла быстро, хотя и очень рисковая идея.

Грамматиков снял куртку, затем на пару секунд прижался к стене тоннеля и закрыл глаза.

Где-то под сердцем снова раскрылось виртуальное окно, через которое заглянула Бездна. Она влилась в Грамматикова потоками холодного бесцветного света и поглотила возбуждение, страх, сомнения. В наступившем покое включился в дело маленький сосредоточенный капитан тела.

Теперь каждая лопасть вентилятора покорилась взгляду Грамматикова и превратилась в твердую волну.

Рука направила ороговевшую куртку в просвет между лопастью и рамой. Мотор тужился, куртка отчаянно вибрировала, Грамматиков перебросил автомат, затем прыгнул сам.

В прыжке он все-таки зацепил куртку и освободившаяся лопасть, едва не обрубив ему ногу, швырнула его вперед.

Подметки, наполненные жидкокристаллическим поглотителем энергии, частично «смазали» мощный пинок, однако и того, что осталось, хватило, чтобы Грамматикову пролететь три метра и влепиться в стену…

Дурнота была похожа на водоворот. Грамматиков постоял в энергетически выгодной молитвенной позе, опираясь на колени и локти, затем выпрямился. Раз испарина не мажет спину, то наверное ничего не сломано.

Он подобрал спасительную куртку и стараясь не ступать на разболевшуюся пятку, сделал несколько неловких шагов.

Сейчас он находился за приличных размеров машиной, укрытой кожухом – наверное, этот мотор вращает лопасти вентилятора.

Времени совсем мало. О сбое в работе вентилятора наверное уже извещена кибернетическая оболочка здания, и скоро здесь появится механик: то ли робот, то ли человек.

Цокнули чьи-то каблуки, за кожух заглянуло лицо, украшенное фуражкой.

Грамматиков почувствовал мгновенный, но шоковый испуг. Он уже не сможет стронуться с места, ни один приказ его мозга не дойдет до мышц. Он и так сегодня натворил больше дел, чем за десять предыдущих жизней…

Но прежде чем охранник отреагировал, Грамматиков ударил его жесткой как ведро курткой, а потом еще добавил автоматом, по-простецки, словно дубиной… Охранник, кажется, успел шепнуть «пся крев», но все же улегся без сознания и дал затащить свое тело в укромный уголок, за кожух…

За ближайшим реактивным флайером в ряд стояло несколько роторников. У второй машины поднят кокпит, но она как будто готова к вылету.

Грамматиков пробрался за шасси первой машины, потом рванулся к роторнику, взлетел по трапику и оказался в кабине.

– А, пан Пшиздьжецкий, – не оборачиваясь, сказал пилот. – Обычно вы приходите через пять минут после отлета.

Грамматиков приложил ствол автомата к затылку летчика.

– Это не игрушка, а я далеко не пан оккупант со столь благозвучной фамилией. Один почти бесшумный выстрел и твои мозги улетели за борт. Так что, взлетаем.

– Ты чё, парень? – пилот резко перешел на простой незатейливый язык. – Прокатиться решил на халяву? У меня нет разрешения на взлет, заправка не окончена, техосмотр не завершен, вон глянь, робомех по корпусу ползает.

– Не тарахти, – Грамматиков пихнул летчика в бритый затылок. – На экране борт-компьютера висит надпись о готовности к взлету. Стартуй, или я не дам за сохранность твоих мозгов и ломанной копейки.

«Заяц» сел в кресло второго пилота, взял шлем, закрепленный в изголовье, надел – размер подошел – тут же на него опустились

мягкие колодки держателей. Передний дисплей, напыленный на забрало шлема, показывал терминал из точки наблюдения где-то в углу помещения.

Ворота терминала уже закрывались, обрезая с двух сторон плотные из-за пыли лучи солнца! А между двумя рядами машин словно проходило какое-то искажение воздуха… Демоны!

– Эй, чего ты ждешь, летун?

– Диагностика не закончена….

Грамматиков рванул ручку, которая находилась неподалеку от правого бока пилота. И тут же взревел двигатель.

– Ты что творишь, чмур?! – взревел летчик.

– Я лечу.

– Таким как ты только с койки на горшок летать можно…

По инерционным нагрузкам Грамматиков понял, что роторник оторвался от пола и подшлемный дисплей показал, как машина отчаянно рванулась вперед в смыкающуюся щель выхода.

Пилот показал себя мастером, ведь между бортом роторника и наезжающей дверью терминала оставалось едва ли несколько дециметров.

Расставаясь с терминалом, машина мелко вздрогнула. На переднем дисплее была видна серия бодрых искорок, пробежавшихся по обшивке роторника – значит, задело очередью.

А потом этот дисплей погас, потеряв связь с системой наблюдения терминала. Но зато верхний дисплей, встроенный в налобник шлема, сейчас показывал местность в вертикальной проекции, изображение явно передавалось с орбитальной следящей системы. На нижнем подшлемном экране возникла интегральная радиолокационная картина в ортогональной проекции вместе с подстилающей поверхностью. Данные от нее явно поступали от радаров системы воздушного базирования.

– Ау, психопат, куда теперь? – остыв после «стартовой лихорадки», обратился летчик. – Если хочешь, прокачу тебя по высшей программе, будешь в тюрьме сидеть – вспоминать.

Не дожидаясь ответа, летчик выключил двигатель и роторник словно провалился в преисподнюю. Затем резко, как космическая ракета, набрал высоту. Еще несколько раз изменил курс чуть ли не на девяносто градусов. Дурнота плескалась по всему телу Грамматикова, перегрузка сжимала мозг, выдавливала глаза и язык, растягивала и срывала с места внутренности. Из-за того, что передний дисплей превратился в черное пятно, все это сильно напоминало предсмертные кошмары.

Несколько раз ему хотелось крикнуть: «Хватит». Нет, крикнуть бы не получилось. Получилось бы только завыть от непрекращающейся муки. Но внутри его обозначился холодный

наблюдатель, капитан тела, мимо которого проходили провода боли… Броски машины неожиданно прекратились.

– Эй, заяц, ты там не заснул случаем? – осведомился летчик.

– Спасибо, что покатали. – ответил Грамматиков, поборов тошноту. – Мне нравятся воздушные горки. А теперь без шалостей, иначе я совершенно закономерно пристрелю тебя. Потом переключу автопилота в режим «С» и дальше полечу сам, легко и непринужденно.

– А ты забавный, зайчик мой. Жалко, что тебя расстреляют за угон воздушного судна.

– Подключи канал телеприсутствия.

Передний дисплей стал показывать окружающее пространство, как если бы борта роторника были абсолютно прозрачными. Грамматиков видел и небоскребы Сити, и хрустальную дамбу, и скайвеи, несущиеся через синий воздух вместе со светляками машин.

– Сейчас на северо-восток, – распорядился Грамматиков. Он подумал, что там, должно быть, сохранились леса.

– Там теперь тоже Финляндия. Билет тебе не нужен, поскольку ты заяц, но европейскую визу надо иметь. Очередь за визой отстоял?

– А это что, на экране локатора?

– А это уже флайеры финских пограничников. Я ж тебе говорил, что у нас нет разрешения на взлет. Они просят срочно вернуться на посадочную площадку.

– Какое оружие на борту?

– Только сопли. Но их у нас много.

– Не ври. У тебя на борту значок секьюрити. Ты же занимаешься патрулированием воздушного пространства Сити, чтобы какие-нибудь недобитые «запушкинцы» не запустили сюда самодельную роботицу или микроцеппелины.

– А ты часом не из них, не из этих долбанутых ополченцев? – ехидно спросил пилот.

– Потом узнаешь. А сейчас попробуй уйти от фиников. Или ты из тех скороспелых поствоенных летунов, которым иголкой вводят в мозг обучающий наноинтерфейс?

– Обижаешь, я в сибирскую войну воевал. Три звездочки на фюзеляже. Я единственный, кому удалось завалить американский стратосферный бомбер до рубежа пуска ракет, в Атлантике. Только на кой ляд мне нужны неприятности? Меня и так новые власти полгода таскали по тюрьмам, все хотели какое-то военное преступление приклеить.

– А получить пулю в башку, это ты не считаешь неприятностью?

– А ты ж не выстрелишь. Побоишься, что я тебе сниться буду, а и изо рта у меня будут вылезать червяки и махать тебе хвостиком.

Летчик посмотрел оловянным издевательским взглядом. А если и в самом деле станет сниться? Червяки, чего доброго, будут еще из ушей выглядывать.

Грамматиков коснулся руки пилота, показывая, что хватит уже бортовым самописцам записывать их голоса.

Его слова пошли через скин-коннектор на интраокулярный дисплей летчика.

«Мне терять нечего, летун, я тоже с той войны. Ты же всегда сможешь сказать, что я угрожал тебе оружием.»

«Да кого это нынче волнует, угрожал не угрожал. Истинный евроцентричный ингерманландец не подпустит к себе недобитого националиста ближе чем на расстояние выстрела… Ну-ка, а номер у тебя какой?»

«Какой еще номер?»

«Номер твоей части в войну».

Грамматиков с большим скрипом вспомнил несколько цифр.

«А ты знаешь, солдат, как меня достал этот пан Пшиздьжецкий? Я целых три месяца учил, как произносится его фамилия. Представляешь, что она означает в переводе…»

Машина упала вниз, понеслась в коридоре, образованном городскими «зарослями». Но не смогла уйти от боевых флайеров, получающих информацию со всех бесчисленных сенсоров, вмонтированных в стены небоскребов.

Флайеры взмыли, заходя на позицию, удобную для атаки.

Роторник рванул в сторону, на перпендикулярную улицу, которая напоминала каньон благодаря стенам небоскребов, подпирающих облака. Пущенная вдогонку финская ракета разнесла этаж углового здания.

Грамматиков видел, как из раненного небоскреба летят офисные потроха, полки, столы, бумаги.

Уже через несколько секунд один из флайеров, заложив крутой вираж, зашел роторнику в лоб, и под крылом у него что-то сверкнуло.

Роторник встряхнуло, кости Грамматикова как будто отделились друг от друга на какое-то время, в нос шибануло острым запахом паленого пластика.

– Я так не играю, дайте мне нормальную боевую машину и я оторву им ленивые финские яйца! – гаркнул летчик, чуть не пробив чувствительные барабанные перепонки Грамматикова.

– В третьем отсеке возгорание, пожар локализован, – это был мелодичный и немножко даже жеманный голос борт-

компьютера. – Управляемость сохранена переключением на резервные схемы.

– Передай мне работу борт-стрелка, – попросил Грамматиков. – Ну чего ты ждешь, переключи управление оружием на меня. Не пристрелю же я тебя из авиационного пулемета.

– Но это тебе не в пехоте воевать, заяц. Тут три измерения.

На подшлемном экране появилась разметка прицела и контуры целеуказателей. Грамматикова подключили к бортовому оружию…

Роторник метался как испуганная муха, вместе с тем плескались как будто ставшие жидкими внутренности Грамматикова, а вместе с тем бились друг о друга и рикошетили мысли.

Но где-то внутри проявился холодный наблюдатель, капитан тела, который следил за курсовыми показателями и векторами скоростей роторника, за мелканием целей, за факелами вражеских залпов. А потом «капитан» совместил прицел и контур целеуказателя. Всего на одно мгновение. Один из флайеров обернулся алым облачком горящих обломков, пронесшихся по «каньону», а второй остался где-то за Домом Свободы.

– Поздравляю, заяц. Я им немножко отомстил за петрозаводский концлагерь, а у тебя нарисовалась первая звездочка на фюзеляже. Только в сорока камэ к северу от города начнет работать северо-европейская ПВО. После того, что произошло с финским флайером, они завалят нас автоматически… Да, ладно, не думай о плохом.

– А о чем думать? – беспомощно отозвался Грамматиков.

– О том, что сегодня восьмое марта и мэрия скоро порадует нас запуском праздничных плазмоидов.

3

И в этот момент другой финский флайер, вывернувшийся из узилища между двумя исполинскими небоскребами, влепил ракету в роторник. Кокпит отвалился, оба члена экипажа были выброшены спасательной системой из вспыхнувшей машины.

Когда Грамматиков пришел в себя от перегрузки, он вспомнил, что пилот был уже мертв, когда его катапультировало. А потом понял, что не планирует к земле, как это должно быть по идее, а висит, уцепившись стропами кресло-парашюта за «архитектурное излишество» небоскреба в виде барочного архивольта.

Только не смотри вниз, – уговаривал он себя. «Ну, посмотри на меня, разве я не хороша для тебя?» – уговаривала его разверстая под ним пропасть. Прокачав изрядное количество воздуха через свои легкие, пропотев и успокоившись, Грамматиков подтянулся на стропах к завитушкам архивольта, уцепился, и наконец оседлал одну из них.

Словно в ознаменование этого успеха Сити украсился багровым плюмажем. Над Домом Свободы и Домом Гелия, над Домом Мебиуса и Аркой Демократии вовсю засияло. Значит, министерство развлечений уже развернулось на полную катушку.

Но плюмаж не таял и не уносился вечерним бризом. Вообще сидя над пропастью, трудно еще чему-то удивляться, но Грамматиков почувствовал отвисание челюсти и даже ненадолго забыл о том, где он сидит.

Это вовсе не праздничные плазмоиды, запущенные начальством для увеселения народа.

На верхушках, на шпилях и крышах самых высоких городских башен распустились как будто цветы. Если точнее, бутоны гонофоров. Они были похожи на половые органы технорга, который год назад заполнял собой ванную Грамматикова. Только были многократно больше.

Значит, началось цветение светлой техножизни.

Последний год техножизнь гнездилась в нанопластиковых небоскребах, она там развивалась и разножалась. Постройки Сити были неистощимым источником питания и безопасным убежищем для техножизни. Они удачно скрывали ее, потому что нанопластик был самопроизводящимся строительным материалом и не нуждался в человеческих руках и глазах…

Лепестки гонофоров были размером с хоккейную площадку. По три лепестка на бутон. Два наклонены к далекой земле, напоминают челюсти насекомых, третий как бы прикрывающий, более гибкий, движущийся словно опахало. По лепесткам прокатывалась быстрая рябь, отчего они казались кусочками морской поверхности.

Наверное, бутонов были сотни, однако облака «алмазного неба», сияющие яркими рекламными красками, не позволяли увидеть всё сразу…

Неподалеку – метров двадцать – лопнуло сверхпрочное металлическое стекло. И из пробоины появилось существо, похожее на громадную саранчу. Почти прозрачное. Однако чувствительный Грамматиков мог рассмотреть его очертания на фоне мрачнеющего небосвода, так что показалось оно процарапанным на стекле.

Как будто человек, только очень тощий, словно специально

обезжиренный. На голове отростки. Шея прикрыта панцирем. На месте живота просто провал, кожа чуть ли не прилипает к спинному хребту. Ноги длинные, со странными суставами. Похоже, прыгать он мастер. Сомнительно, чтобы у этого типа был нормальный кишечник. Питается чем-то легкоусваиваемым вроде крови. Если вообще питается.

И еще на нем был галстук, обычный галстук аккуратного клерка. На галстуке – блестка корпоративного значка. Это один из сонма молодых совладельцев пост-военного мира. Типичный обитатель небоскребного муравейника, грызущий остатки прежней разболтанной жизни и превращающий их в сверкающую ткань прекрасного нового мира.

У существа быстро развернулись крылья. Тоньше любой пленки. Брр, Грамматикову с детства почему-то не нравились летучие насекомые.

В виртуальном окне появилась информация, что эта тварь, еще недавно бывшая человеком, теперь переформатирована диффузными техническими системами.

Существо обернулось к Грамматикову. Смотрит, как будто. От этого взгляда зуд по коже. В голове Грамматикова услужливо всплыли сведения из какой-то книжки по пиару.

– А мы с вами не учились в одной математической школе?

Вопрос остался без ответа. Расправив крылья, существо прыгнуло в пропасть. Как будто прыгнуло в пропасть. Рывком сменив курс, оно налетело на Грамматикова.

Грамматиков не успел даже подумать об оружии. Он автоматически ударил эту небоскребную нечисть ногой в твердый живот, ее руки рванули его за куртку, но все же соскользнули.

Существо пролетев по какой-то ломанной траектории, снова бросилось на Грамматикова. Но на сей раз он выстрелил. Пуля выбила из «саранчи» красный фонтан, она с воплем кувыркнулась назад, склеила крылья и упала вниз…

Надо выбираться, потому что поднимается ветер и руки устали.

Завитушка, на которой сидел Грамматиков, была окончанием архивольта, который на другой стороне входил в балюстраду смотровой площадки. А выше балюстрады на шпиле небоскреба алел бутон, и он источал запах любви…

Грамматиков оглянулся по сторонам, потому что ему стало стыдно. Бутон гонофора тянул его к себе, как тянет и формой и запахом бутон женской груди, он затягивал Грамматикова сладкой глубиной, словно шмеля-опылителя…

Сперва надо вскарабкаться на площадку. Отсоединить

кресло-парашют и подтягиваться вверх, охватывая выступ со обеих сторон всеми конечностями. Похоже на детские забавы…

Цепочку размышлений прервал пропущенный удар, который едва не сбросил Грамматикова с километровой высоты вниз.

Кровь из разбитого носа заполнила носоглотку. Грамматиков с трудом проглотил кровавые сопли, усилием воли стиснул сердце, желающее по-птичьи выскочить из груди, и посмотрел вверх.

На краю баллюстрады сидела горгулья. Такое же «процарапанное на стекле» существо, однако женского пола. Она ему прилично поддала, но, похоже, на этом успокоилась. Горгулья смотрела на Дом Свободы таким взглядом, каким ожидают суженого… Еще немного и запоет, «там кто-то с горочки спустился»…

Она не зря ждала суженого. Окна Дома Свободы начали лопаться одно за другим и небоскреб стало окутывать какое-то пространственное искажение.

Чувствительный во всех диапазонах прицел автомата показал это искажение как серое облако, которое всё более расширялось, превращаясь в грозовую тучу. От настоящей грозовой тучи ее отличало мелкое трепетание, будто состояла она из мелких подвижных частичек.

Грамматиков не выдержал, дал по ней очередь из автомата.

И тут же почувствовал на своей шее настоящие клещи. Не вывернуться никак. Голова мгновенно набухла и налилась тяжестью словно чугунный котел. Горгулья приложилась!

У него была одна секунда, чтобы столкнуть ее с выступа. Но он опоздал. Острия шипов на её правом предплечье чиркнули его по щеке и он почувствовал как расползлась кожа.

Через несколько секунд Грамматиков свалился вниз.

Наверное, он не успел испугаться. Прежде чем ужас удушил бы его, Грамматиков понял, что его несут собственные крылья, напоминающие не традиционные летательные органы из костей, мяса и перьев, а радужный нимб. В качестве разъяснения Грамматиков увидел в виртуальном окне волны подвластных молекул. Они смотрелись плодами репейника и были сцеплены друг с другом ван-дер-ваальсовыми силами.

В последний момент Грамматикова подхватила техножизнь, также как и год назад.

Все это время она была обитателем его тела! Она тихо осваивала его плоть и душу, последовательно насыщая сталью его мышцы и волю. Она вытащила его из ада, когда его шкуру и мясо изодрали американские шарики, она «подкрашивала» для него невидимых монстров.

Сейчас техножизнь говорила с Грамматиковым из всех частей и тканей его тела. Тайные нейроинтерфейсы отображали в виртуальном окне алмазные нити холодного света, которые просочившись через границу Бездны, ввинчивались в клетки его тела, вплетались в цепочки нуклеотидов и клубочки протеинов.

Грамматиков видел всего себя диковинным существом, разложенным на несколько изогнутых поверхностей, по одной из них текла его кровь, по другой скакали нервные импульсы, на третьй разливались градиенты гормонов и медиаторов.

Виртуальное окно показывало и более насущные вещи в виде графиков и диаграмм. Его летучее тело быстро пережигало хилые жировые отложения. Грамматиков подумал, что проживет еще не более двадцати минут, но двадцать минут сейчас показались длиннее, чем вся предыдущая жизнь, потому что секунда стала Секундой.

Из-за шпиля вынырнул флайер финских пограничников и два факела обозначили пущенные в Грамматикова ракеты.

Теперь вниз, камнем, и около небоскребного эркера изо всех толкнуться крыльями.

Обе ракеты шлепнулись в нанопластиковую глубину небоскреба, и взорвались где-то в глубине каркаса, выдав на поверхность паровые гейзеры.

А туча быстро обволокла дом Свободы и забросила щупальца в каньоны Сити. Щупальца были проворны и словно кипели…

Несколько секунд липкий страх прокладывал дорогу по телу Грамматикова. Он смотрел на эту тучу, как смотрит пехотинец с винтовкой на неотвратимую смерть в виде штурмового самолета. Он как будто уже слышал ее утробный рокот.

Виртуальное окно окружило Грамматикова. И это было еще то кино.

Нити бесцветного глубокого света вырывались из его тела, из темени, груди, живота. Нити процарапывали окружающее пространство словно бесчисленная стая рассвирепевших кошек. А из царапин, образующих замысловатый фрактальный рисунок, выглядывала Бездна узкими буддийскими глазами.

Частички «процарапанной» тучи стали видимыми, как цели в коллиматорном прицеле.

Скорее это рой, а не туча!

Твари выныривали из роя, выделывали зигзагообразный танец, словно инерция была создана не для них, и снова проваливалась обратно в рой, будто в первозданный хаос.

Порождения Дома Свободы мало отличались от того типа, с которым Грамматиков «познакомился» десять минут назад. Люди, переформатированные темной техножизнью, в саранчу…

По Грамматикову потекла волна слабости. Он увидел то, что нормальному человеку видеть противопоказано – Тьму над Бездной. Он позавидовал солдатам, которые бросались с коктейлями Молотова на танки. Что там танки – неуклюжие еле ползущие коробочки.

Неожиданно Грамматикова подтолкнул свежий ветерок.

На улицах, ведущих к Сити со стороны Васильевского острова, особенно на Железноводской, Грамматиков увидел нечто похожее на кружение пыли перед грозой…

Эти существа летели с заплесневевших окраин города, из обшарпанных домов, которым суждено было развалиться, не вписавшись в новую блестящую жизнь, из загаженных санузлов, из ржавых ванн, из прогрызанных клопами постелей.

Несколько особей просвистело мимо Грамматикова. Домохозяйка, алкаш, рабочий. Люди-дырки, лишь загрязняющие элегантную техносферу пост-военного мира. Но сейчас их изначально нелепые фигуры для стояния у раздолбанного станка или замурзанной плиты были преобразованы в живые летательные аппараты.

Техножизнь переформатировала их грузные рыхлые тела в жесткие и легкие, а круглые лица сделала острыми, как у нетопырей.

Отсутствие одежды восполнялось прозрачностью кожных покровов, соединительной ткани и мышц. Впрочем на некоторых из них остались детали одежды, особенно трикотажа – кальсоны или колготки.

Не смотря на недобрый вид, эти кошмарного вида горожане даже не пробовали атаковать Грамматикова. Один из них, с виду бывший работяга, на пару секунд завис возле Грамматикова. В глазах его еще светилось что-то знакомое типа «Закурить не найдется?», но из сузившейся глотки донеслось только шипение.

Похоже, у этих существ были более серьезные задачи.

Население городских окраин, превратившись в нетопырей, летело на последний и решительный бой против обитателей Сити, обернувшихся саранчовой тучей.

Виртуальные нимбы сообщали, что запасы энергии в телах нетопырей далеко не соответствуют энергопотреблению во время полета.

Им летать еще не более двадцати минут. Но за это время, наверное, решится судьба города и мира.

Стая саранчи выстроилась многолучевой люциферовой звездой.

Нетопыри летели веером, явно намечая охват саранчи.

А вдруг, эта та эскадра, которая должна ждать его по

завещанию великого нанотехнолога Бори Дворкина?

Нити властного света, исходящие из Грамматикова, обвили нетопырей, и он почувствовал их.

Из обычного облачка сознания, которое и было Грамматиковым, выделился активный центр – как белый карлик выделяется из горячей газовой туманности после взрыва сверхновой.

Это был капитан его тела и адмирал всей стаи нетопырей.

Капитан впитывал мысли стаи и превращал их в свои мысли.

Благо эти мысли были достаточно просты. «Мы их порвем!»

Но порвать вряд ли получится. Коллективный разум нетопырей обделен полководческими талантами. Глубины строя для охвата вражеского роя явно недостаточно, ведь фланги и так уж чрезмерно растянуты. Нетопыри будут входить в боевое соприкосновение порциями, и также порциями будут уничтожаться. А надо ударить по центру саранчи, рассечь вражеские порядки. Причем быстро, как это сделал Нельсон при Трафальгаре. И с максимальной концентрацией сил, как это делали Гудериан и Манштейн.

Адмирал Грамматиков попытался перестроить свои боевые порядки одним усилием воли и это у него не получилось.

Какое-то мгновение ему понадобилось, чтобы разорвать вяжущие путы страха. А потом Грамматиков лично устремился прямо в центр гудящей стрекочущей жужащей вражеской стаи. И лишь тогда, с почти сексуальным удовлетворением, ощутил, что он теперь с нетопырями – одно тело.

Но ветер бил лично его наотмашь по лицу, пинал в спину или лупил в бок.

Надо было бороться с ветром-сумоистом и еще стрелять. Патроны кончились через несколько секунд и Грамматиков отбросил ненужный автомат, который мешал ему закладывать виражи. В этот момент на него налетела визжащая тварь и, хотя он увернулся от вражеских острых пяток, целивших ему в грудь, шипы располосовали лоб и левый глаз. Сноп кровавых искр вырвался из изуродованного лица, но боль была срезана резкими потоками ветра.

Саранча, несколько раз кувыркнувшись, повторила атаку, Грамматиков свалился в штопор, завертевшись сразу вокруг несколько осей. Под действием инерционных нагрузок бурно плескались остатки полупереваренной пищи в кишечнике. Сквозь прострацию проступало острое чувство – он проиграл. Сейчас его размажет по стене какого-нибудь небоскреба или искромсает в окрошку первый встречный монстр.

Но капитан его тела стабилизировал полет. Нити глубокого

света превратили пространство в набор каналов и узлов, снабженных координатами. Мысли Грамматикова, пройдя через программные интерфейсы, теперь легко управляли трансляциями его тела из одной точки пространства в другую. И столь же легко распределяли стаю нетопырей, эшелонируя ее по высоте и глубине, перестраивая ее, как набор криволинейных поверхностей.

Теперь нетопыри были частью его тела, его нервной системы, его крыльями, руками и ногами…

Саранча и нетопыри всего за несколько минут боя стали профессионалами в воздушном кунфу, мгновенно перенимая друг у друга навыки и приемы. Они пикировали и ломали друг другу крылья. Они вертелись, как пули, вылетевшие из нарезного ствола, и закладывали крутые виражи, чтобы ударить в живот или в спину.

Последние запасы жира перегорали у Грамматикова где-то в районе поясницы, когда лопнула кожа на его ладонях и они превратились в змеиные гнезда. Мономолекулярные голубые змейки поползли из гнезд, вращая хищными головками.

Потом они разом рванулись «на волю». Между рук и ног Грамматикова заизвивались пучки «змеек», невидимых обычному глазу, но быстрых и острых как дамасские клинки.

Сейчас набрать ускорение и взмыть вверх, а затем перейти в пике…

«Змеи» сами бросились из его рук в атаку. В разные стороны полетели руки, головы, потроха врагов…

И тут же ему пришлось заложить резкий вираж, увиливая от пучка гибких «клинков», попробовавших впиться ему в живот….

Теперь уже все нетопыри и вся саранча оснастились «клинками», которые сносили головы, отсекали конечности и разваливали тела, выбивая фонтаны крови.

Вскоре весь вечерний воздух был затянут багровым туманом.

Грамматикову показалось, что еще немного и густой набитой жесткой плотью центр вражеской стаи перемелет атакующих нетопырей.

Но тут загорелись звезды в его конечностях, руках, ногах, там, где только что были змеиные гнезда. Одна из таких звезд на его пальце полностью превратилась в лазерное излучение, которое искромсало с полдюжины врагов. На месте первой фаланги ничего не осталось, вторая была прикрыта коркой из копоти.

Багрово-серая гуща битвы украсилась лучами и вспышками.

Эти вспышки уничтожали телесную органику, но тела были менее важны, чем результат боя.

Боль поглощалась яростью. Разум, закрепившийся в дальних закоулках мозга сообщал, что так драться могут только тупоголовые самцы за обладание единственной самкой…

Концентрированный удар по центру саранчи оказался удачным. «Звезда» была разорвана и теперь ее сгустки погибали в захватах нетопыриного «веера».

И хотя, весь жир в теле Грамматикова практически сгорел и истончавшая высохшая кожа натянулась на кости, приготовившись лопнуть в любую секунду, он стремительно набрал высоту и его уцелевший глаз ухватил новые цели.

А потом и вся стая нетопырей, не обращая внимания на оставшуюся недобитую саранчу, ринулась к рыльцам громадных цветов, которые… все сильнее источали запах любви и звали в свою сладкую глубину, связанную с изначальной Бездной.

Грамматикову стало невыносимо стыдно, как в тот момент, когда он увидел трусики классной руководительницы. «Андрюша уже не маленький». И это был последний стыд, который он испытал.

Вся стая нетопырей, толкаясь как покупатели на распродаже в супермаркете, ринулась к первому, второму, третьему цветку. Кто-то успел спикировать в ближайшее рыльце, другие понеслись дальше…

Важен не только код активации пола, но и место активации, которое тоже включено в образный код.

Вся последовательность кодов сейчас выплывала из потёмков памяти Грамматикова, куда они были вдавлены взрывной волной от американской шариковой бомбы. Мазок за мазком дорисовывалась картина…

Перед Грамматиковым, на верхушке Дома Медичи была чашечка женского гонофора, подтягиваемая вверх пузырем пневматофора. Чем-то она напоминала детскую кроватку с воздушным шариком. Она благоухала тем ароматом, который источает материнская грудь для новорожденного.

Вспыхнул и стал движущей силой оставшийся жир в теле Грамматикова.

Утончившееся тело вылетело из куртки и ботинок.

Мертвой листвой слетела кожа. Голова Грамматикова запылала, правый глаза лопнул, выплеснув свет.

Но глаза ему уже и не требовались. Запах технорга захватил его как мощный насос. Грамматиков влетел в темный канал гонофора и через несколько мгновений его жизнь навсегда слилась со светлой техножизнью. Его природа перемешалась с искусством техножизни. Ансамбль органических молекул, который нес многомерную функцию его сознания, растворился в

теплых внутренностях громадного цветка.

Но сознание Грамматикова не исчезло, теперь несущей для него стала вся техножизнь…

Уже через несколько часов репродуктивные органы техноргов породили новую расу живых существ, которая стала венцом вторичного творения. В отличие от переформатов их тела было отлично приспособлены для воздушного образа жизни. Симбиотические послушные молекулы обтекали их тела, окружая нимбами защитных полей, и перисто расходились словно крылья.

Более всего новые существа напоминали иконописных ангелов…

На следующее утро в выпусках новостей западных телестанций и ньюс-серверов еще появилось сообщение о том, что бывший летчик российских ВВС Петр Васильевич Синичкин сбил флайер финских миротворцев. И о том, что комиссия сената США требует от администрации ООН немедленно покончить с националистическим подпольем на территории экс-России и выделяет на эти нужды дополнительно сто миллиардов долларов.

Но уже к вечеру линии связи перестали перекачивать новости, банковские компьютеры сделались ржавчиной, а доллары США канули в Лету. Россия очистилась от терзавшей ее мрази, а планета Земля стала живой и разумной от горячих своих недр до стратосферы. И Бездна, сама вечная и неизменная, посмотрела на преображенный мир и увидела, что это хорошо…

Тюрин Александр Владимирович,
Петербург и Порта,
осень-зима 2004-2005

notes

Примечания

1

прим. нанопластик – самопроизводящийся программируемый материал

прим. аэрозоль из нанодисплеев

прим. васкулоиды – микромашины, заменяющие красные и белые тельца

прим. Брянск Мотор Верк

прим. «мокрый софт», программное обеспечение, использующее органические носители

прим. «туманные» наноботы, сцепленные с помощью вандерваальсовых сил